

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД
ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Сборник материалов
Всероссийской научно-практической
конференции

Москва
2018

УДК 34
ББК 67.408
3-40

3-40 Защита прав и свобод человека и гражданина: современное состояние и перспективы развития: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. к.ю.н. А.А. Ходусова. – М.: Международный юридический институт, 2018. – 177 с.

Сборник содержит материалы, посвященные актуальным проблемам основных прав и свобод человека и гражданина в правозащитной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, учреждений и организаций различных форм собственности и выработке рекомендаций по совершенствованию законодательства в сфере основных прав и свобод человека и гражданина.

Адресован студентам, магистрам, преподавателям, всем тем, кто интересуется проблемами в сфере основных прав и свобод человека и гражданина.

СОДЕРЖАНИЕ

Андреев А.Н., Тарасова О.А.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ ПРИ СОВЕРШЕНИИ УБИЙСТВА В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА 6

Гладких В.И.

НЕСООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: ВОЗВРАТ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕДОНЕСЕНИЕ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ? 16

Заливина Н.Н., Жабский В.А.

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО МЕХАНИЗМА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 23

Карпов Н.Н.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ ГАРАНТИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 29

Коломиец Г.В.

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ НОРМ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА 37

Кужиков В.Н.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 44

Купченко Н.М.

ЗАЩИТА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ СЕМЬИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ 49

Лопатина Т.М.

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ФОРМИРОВАНИЯ ЭТИКИ ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА 55

Михалева Н.В.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА В РФ: ПЕРСПЕКТИВЫ УЛУЧШЕНИЯ
ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА 62

Моргуленко Е.А.

ЛАТЕНТНОСТЬ ПРЕСТУПНОСТИ КАК ФАКТОР,
ПРЕПЯТСТВУЮЩИЙ ЭФФЕКТИВНОЙ ЗАЩИТЕ ПРАВ И
СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ 67

Ревенко Я.Д.

ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ст. 322.2 УК РФ – ФИКТИВНАЯ
РЕГИСТРАЦИЯ ГРАЖДАНИНА РФ ПО МЕСТУ
ПРЕБЫВАНИЯ ИЛИ ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА В ЖИЛОМ
ПОМЕЩЕНИИ В РФ И ФИКТИВНАЯ РЕГИСТРАЦИЯ
ИНОСТРАННОГО ГРАЖДАНИНА ИЛИ ЛИЦА БЕЗ
ГРАЖДАНСТВА ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА В ЖИЛОМ
ПОМЕЩЕНИИ В РФ 74

Редков С.К.

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ УГОЛОВНОГО ПРАВА В СВЕТЕ
ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 82

Саранцев А.И.

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: НОВАЯ МЕРА
ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 89

Столяров Д.А., Тарасова О.А.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СПОСОБОВ УГОЛОВНО-
ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ ОТ КРАЖ ЧУЖОГО
ИМУЩЕСТВА 99

Столяров Д.А.

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ) 108

Тарасова О.А., Сидорова С.А.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА НОВОРОЖДЕННЫХ
ДЕТЕЙ ОТ МАТЕРЕЙ-УБИЙЦ 114

Хусаинова С.Р., Жабский В.А.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОЗРАСТНОЙ
НЕВМЕНЯЕМОСТИ..... 124

Червякова А.Ю.

ПРОБЛЕМА НАРУШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И
СВОБОД ГРАЖДАН СО СТОРОНЫ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ 132

Янаев С.И.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРЫСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В
РОССИИ..... 138

Белый И.Ю.

ЗАЩИТА ЖЕРТВ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОРГАНАХ
МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ
(вопросы правовой регламентации)..... 153

Ходусов А.А.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НОРМ
ЗАРУБЕЖНОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА
ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН 168

Андреев Александр Николаевич

проф. кафедры ОГиЕНД Ивановского филиала
Международного юридического института

Тарасова Ольга Алексеевна

преподаватель кафедры УПД Ивановского филиала
Международного юридического института

Andreev A.N.,

Department of general humanitarian and natural sciences
professor Ivanovo branch International law Institute

Tarasova O.A.,

Department criminal law lecturer Ivanovo branch
International law Institute

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ ПРИ СОВЕРШЕНИИ УБИЙСТВА В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА

SPECIFICITY FEATURES OF CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF THE INDIVIDUAL RIGHTS AND FREEDOMS WHEN COMMITTING A CRIME OF MURDER IN THE HEAT OF PASSION

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены такие признаки субъективной стороны убийства, совершенного в состоянии аффекта, как вина, мотив и цель, а также некоторые характерные особенности субъекта данного деяния.

Ключевые слова: аффект, убийство, субъективная сторона, умысел, мотив, цель, субъект преступления, права и свободы человека и гражданина.

Abstract. This article considers such features of the subjective side of the murder committed in the heat of passion as guilt, motive

and purpose, as well as some characteristic features of the subject of the act.

Key words: affect, murder, subjective side, intent, motive, purpose, the subject of the crime, human and civil rights and freedoms.

Субъективные признаки убийства в состоянии аффекта имеют свои особенности. Предусмотренное ст. 107 УК РФ преступление характеризуется умышленной формой вины, хотя в данном составе вид умысла не фиксируется.

Соглашаясь с учеными-правоведами, полагаем, что в данном виде преступления может присутствовать как прямой, так и косвенный умысел. Вместе с тем, полагаем, что при совершении убийства в состоянии аффекта прямой умысел наиболее часто является умыслом альтернативным (виновный предвидит возможность наступления одного из нескольких конкретизированных последствий) или неопределенным (виновный предвидит наступление последствий, однако в его сознании они не носят конкретизированный характер).

Говоря об умысле в составе ст. 107 УК РФ, необходимо отметить еще одну его особенность – это всегда внезапно возникший умысел. Наличие заранее обдуманного умысла исключает квалификацию по данной статье.

Кроме умышленной вины, в субъективную сторону данного преступления входит особое эмоциональное состояние виновного – аффект – эмоциональный процесс взрывного характера, характеризующийся кратковременностью и высокой интенсивностью, возникающий под воздействием внешних раздражителей и приобретающий характер бурно протекающей вспышки. Аффективные расстройства, также называемые расстройствами настроения, широко распространены в мире. Нарушениями настроения страдает до четверти всех жителей Земли, и только одна четвертая часть из них получает адекватное лечение. Подавляющее большинство больных не осознает свое состояние и не считает нужным обращаться за медицинской помощью.

В отличие от ст. 104 УК РСФСР 1960 г. ст. 107 УК РФ предусматривает новое толкование формы убийства в состоянии аффекта, а именно: если такое состояние вызвано длительной пси-

хотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего. При данной форме убийства аффект нельзя рассматривать как внезапную реакцию виновного. Здесь аффект «накапливается постепенно», и те или иные действия виновного как бы являются последней каплей, переполнившей чашу терпения. Примером является уголовное дело по факту совершения В. убийства в состоянии аффекта сожителя своей слепой матери. Потерпевший Л. на протяжении длительного времени издевался над матерью обвиняемой, избивал ее, всячески унижал и оскорблял. Все предпринятые действия В. (заявления в органы милиции, обращения за помощью к соседям и родственникам) результатов не дали. И в один из дней В., возвратившись домой из колледжа, увидела, как Л. занес над головой ее матери табурет, схватила лежавший неподалеку молоток и нанесла им не менее 50 ударов по голове потерпевшего, от чего тот скончался. Действия В. были квалифицированы по ст. 107 УК РФ. Ленинский районный суд г. Иваново признал ее виновной в совершении данного преступления и приговорил к 2 годам лишения свободы условно. Судебной коллегией по уголовным делам областного суда приговор был оставлен в силе [2].

Для правильного применения ст. 107 УК РФ важное значение имеет разрешение вопроса о моменте и условиях возникновения и приведения в исполнение умысла на убийство.

Возникновение умысла на убийство сопровождается внезапностью возникновения сильного душевного волнения. Такое убийство не может рассматриваться как заранее обдуманное, предумышленное, а следовательно, какие-либо приготовительные действия к убийству исключают применение ст. 107 УК РФ. В связи с этим представляется сомнительным утверждение о том, что преступлению, совершаемому в состоянии сильного душевного волнения, как сложному волевому действию, предваряется планирование, выбор средств и путей, ведущих к достижению цели [3, с. 5].

Характерным для убийства в состоянии сильного душевного волнения является не только внезапность возникновения, но и немедленное приведение в исполнение умысла на преступные

действия [5, с. 165]. В данном случае обстоятельства дела при квалификации убийства по ст. 107 УК РФ должны свидетельствовать о том, что умысел на его исполнение приведен в исполнение до окончания состояния внезапно возникшего сильного душевного волнения, длящегося иногда лишь несколько минут [4, с. 176]. По-иному должен решаться вопрос в тех случаях, когда возникший в состоянии сильного душевного волнения умысел на убийство не был немедленно приведен в исполнение, а осуществлен после того, как это состояние прошло. При этих обстоятельствах ст. 107 УК РФ не может быть применена. Такие убийства при отсутствииотягчающих обстоятельств подлежат квалификации по ст. 105 УК РФ.

Для квалификации убийства по ст. 107 УК РФ особое значение имеет анализ субъективной стороны, которая помимо умысла характеризуется специфическими мотивами и эмоциями, сопровождающими данное преступление.

На наш взгляд, именно мотив действия лица, виновного в убийстве, является побудительной причиной для совершения данного преступления. Поэтому при решении вопроса о квалификации убийства мотив не может не учитываться. Мотив характеризует волю субъекта, а любое волевое действие совершается по определенному мотиву.

При импульсивном поведении действию не предшествует процесс мотивации. Действие развивается по упрощенной схеме рефлекса: стимул – реакция в отсутствие этапа внутренней оценки «за» и «против». Но это не дает оснований исключить в подобном поведении наличие мотива. Без мотива нет поведения, в том числе и поведения импульсивного.

Как отмечает Ш.Н. Чхартишвили, «...мотивом импульсивного поведения является чувство, которое субъект непосредственно переживает. Оно оповещает субъекта о моментальной субъективной ценности поведения. В данном случае эта ценность познается не на основании рассуждения, а непосредственно переживается в целостном течении жизнедеятельности» [18, с. 321]. Мотив при аффективном поведении не является продуктом мотивации. Поведение в состоянии аффекта служит удовлетворе-

нию потребности, поэтому роль мотива в этих случаях выполняет именно актуальная потребность.

В.И. Ткаченко и Н.И. Загородников придерживаются мнения о том, что мотивом преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ, является аффект, что в состоянии эмоционального напряжения психика человека почти полностью захватывается переживаемым чувством. Аффект приобретает в нем господствующее положение, становится главным стимулом поведения. Вот почему мотивом таких преступлений является сам аффект [6, с. 82; 7, с. 63]. По нашему мнению, это неверно. В действительности сильное душевное волнение – особое психическое состояние человека, которое оказывается почвой для формирования тех или иных мотивов, побуждающих к определенному поведению [8, с. 100–101]. Следовательно, аффект – это психическое состояние субъекта, создающее фон, на котором зарождается мотив.

И.П. Панфилов и А.Я. Тупица считают мотивом преступления, совершенного в состоянии аффекта, чувство мести [9, с. 145]. Мечь – это намеренное причинение зла за причиненное зло, обиду, т.е., это осознанное побуждение к расправе. Мечь – есть мотив, в котором доминирующим является сознание. В этой связи она не может быть мотивом преступления, совершенного в состоянии аффекта. Чувство мести, несомненно, играет определенную роль в формировании мотива преступления, однако мечь является более осознанным чувством, и не только чувством, но и преднамеренным, обдуманым действием.

Л.А. Рогачевский считает, что мотивом в данном случае выступает чувство возмездия, желание немедленно наказать обидчика, что в отличие от мести возмездие не является низменным мотивом [10, с. 85]. Однако семантическое различие понятий «мечь» и «возмездие» невелико, оба они определяются как оплата за причиненное зло [9, с. 83, 308]. Понятие «возмездие» употребляется при возвышенном стиле речи и мало подходит для определения мотива преступления.

Вызывает возражение утверждение ряда авторов о том, что мотивом действий, предусмотренных ст. 107 УК, является стремление к расправе. Расправа как цель представляет собой осмысленный результат, что, конечно, не совпадает с уровнем

представлений о последствиях преступления, совершенного в состоянии аффекта [14, с. 117].

Б.В. Сидоров считает мотивом данного преступления обиду [12, с. 71], но обида требует более спокойного осмысления.

По нашему мнению, мотивом действий, предусмотренных ст. 107 УК, можно назвать возникшую вследствие психического перенапряжения слабо осознанную потребность в эмоциональной разрядке. Мотивом преступления, совершенного в состоянии аффекта, может быть такая совокупность душевных переживаний, которые действуют в одном направлении, смешиваясь в единый «поток», и оцениваются в целом, побуждая избрать преступный вариант поведения. Это сложный ситуационный мотив, является результатом совпадения отраженных в сознании виновного потребностей в виде обиды, оскорбленного чувства собственного достоинства, сознания долга перед близким человеком, ревности и т.д. [8, с. 100–101].

От мотива убийства необходимо отличать цель, как признак субъективной стороны преступления. Целью является то последствие, к наступлению которого стремится виновный, совершая преступление. Важнейшая особенность преступлений в состоянии аффекта – отсутствие четкой цели. Субъект желает прекратить противоправные действия потерпевшего любой ценой, результат своих действий лицо предвидит лишь в общих чертах.

Следует остановиться на некоторых проблемах, связанных с проведением судебной экспертизы по установлению состояния аффекта в рамках ст. 107 УК РФ. Несомненно, что установление этого состояния в момент совершения убийства требует специальных познаний. В настоящее время в ст. 196 УПК РФ содержится исчерпывающий перечень случаев обязательного назначения судебной экспертизы, однако установление состояния аффекта этим перечнем не предусмотрено. На практике это приводит к тому, что состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта) устанавливается как с помощью судебно-психологической экспертизы, так и без нее – самостоятельно следователем, судом. Причем выбор способа установления – «экспертный» либо «неэкспертный» – подчас произволен [17]. В связи с этим полагали бы, что обязанность установления состоя-

ния аффекта нужно предусмотреть в ст. 196 УПК РФ в числе случаев, требующих обязательного проведения экспертизы. Необходимо выработать единые методы и критерии, по которым аффект устанавливается экспертным путем [11, с. 11–14].

Говоря о субъективной стороне убийства в состоянии аффекта, следует отметить, что физиологический аффект, о котором идет речь в ст. 107 УК РФ, необходимо отличать от патологического аффекта, который является разновидностью кратковременного психического расстройства. При патологическом аффекте в отношении виновного лица обязательно проводится судебно-психиатрическая экспертиза, вследствие чего лицо признается невменяемым.

Субъектом убийства в состоянии аффекта по российскому уголовному праву может быть только физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Однако возраст и вменяемость не относятся к числу признаков состава преступления, а являются лишь условиями наступления уголовной ответственности. А.И. Трайнин правильно подчеркивал, что возраст и вменяемость являются лишь субъективными условиями уголовной ответственности: уголовный закон наказывает преступника не за то, что он достиг определенного возраста и вменяем, а за совершение преступления при условии, что он достиг определенного возраста и является вменяемым [16, с. 74–76].

Это объясняется тем, что любое деяние, в том числе и лишение жизни другого человека, совершенное малолетним или невменяемым, нельзя признавать не представляющим опасности, так как оно лишь устраняет уголовную ответственность этих лиц. Если же возраст и вменяемость отнести к признакам состава преступления, то логично признавать лишение жизни другого человека, совершенное малолетним или невменяемым, не представляющим опасности для общества ввиду отсутствия состава преступления. Между тем производство по уголовному делу в отношении малолетнего исключается не из-за отсутствия состава преступления, а в связи с недостижением им возраста уголовной ответственности. В отношении невменяемого такое решение вопроса противоречило бы ст. 433 УПК РФ [1], в котором деяние, совершенное таким лицом, признается общественно опасным.

Вместе с тем это вовсе не означает, что действия субъекта находятся вне рамок состава преступления. Без субъекта не может быть преступления. Наличие лица, вследствие виновных действий которого причинена смерть другому человеку, является необходимым условием признания данного причинения смерти убийством.

Лица, совершающие те или иные действия в состоянии физиологического аффекта, признаются вменяемыми, так как у них в той или иной мере сохраняется способность самообладания, возможность действовать в известном соответствии с поводом, вызвавшим аффективную реакцию [13, с. 301].

Для лиц, склонных к аффекту, характерны такие черты, как мнительность, обидчивость, сознание исключительности своей персоны. Всякая иная оценка их личности, поведения и поступков, не совпадающая с собственной, либо противодействие их устремлениям, не будет укладываться в выбранный у них стереотип и вызовет его ломку, ведя в некоторых случаях к возникновению аффекта [15, с. 96].

При наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ, аффектированное убийство квалифицируется по ст. 107 УК РФ, но наличие таких обстоятельств судом может учитываться при назначении наказания. Часть 2 ст. 107 УК предусматривает квалифицированный состав данного преступления – убийство двух или более лиц, совершенное в состоянии аффекта. При этом состояние сильного душевного волнения у виновного должно возникнуть в связи с действиями каждого из потерпевших, и он, действуя с прямым или косвенным умыслом, посягает на жизнь нескольких лиц. В случае убийства одного лица и покушения на жизнь другого квалификация производится по совокупности преступлений: по ч. 1 ст. 107 и по ст. 30 и ч. 2 ст. 107 УК РФ.

Таким образом, субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ, имеет свои особенности, заключающиеся в умышленной форме вины (внезапно возникший прямой или косвенный умысел); в ситуативном характере мотивов; отсутствии четкой цели; особенном эмоциональном состоянии – аффекте.

В связи с отсутствием разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по делам об убийствах со смягчающими обстоятельствами, а также в целях усиления уголовной ответственности за противоправные или аморальные действия потерпевшего по отношению к членам семьи, родственникам и близким людям представляется целесообразным дополнить диспозицию ч. 1 ст. 107 УК РФ словами «... в отношении лица или его близких».

В российском уголовном законодательстве есть определение оскорбления – умышленное унижение чести и достоинства личности в неприличной форме. Однако содержание понятия «тяжкое оскорбление», «иные противоправные или аморальные действия (бездействия)», приведенные в ст. 107 УК РФ, законодателем не раскрываются. Отсутствуют и разъяснения высшего судебного органа по вопросам квалификации и разграничения привилегированных убийств от смежных составов преступлений.

В связи с вышеизложенным полагаем, что давно назрела потребность в принятии постановления Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по делам о привилегированных убийствах.

Внесение вышеперечисленных изменений, по нашему мнению, может явиться некоторым прогрессивным шагом в доктрине уголовного права и способствовать избавлению судов от части ошибок, допускаемых при оценке привилегированных видов убийств, в частности убийства в состоянии аффекта.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (по состоянию на 1 апреля 2018 г.) // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

2. Архив Ленинского районного суда г. Иваново за 2017 г. Дело № 1-105/2017.

3. Дубинина М.И. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в состоянии сильного душевного волнения: Автореф. дис. – М., 1971.

4. Иванов П.И. Психология. – М., 1959.

5. Калашник Я.М. Судебная психиатрия. – М., 1961.

6. Загородников Н.И. Преступления против здоровья. – М., 1969.
7. Ткаченко В.И. Разграничение преступления при превышении пределов необходимой обороны от преступления, совершенного в состоянии аффекта // Социалистическая законность. 1973. № 9.
8. Наумов А.В. Мотивы убийств. – М., 1978.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1981.
9. Панфилов И.П., Тупица А.Я. К вопросу о разграничении преступлений, предусмотренных ст. 104, 110 и 105, 111 УК РСФСР // Проблемы совершенствования уголовного законодательства на современном этапе. – Свердловск, 1985.
10. Рогачевский Л.А. Особенности субъективной стороны преступлений, совершаемых в состоянии аффекта // Правоведение. 1983. № 6.
11. Сафуанов Ф.С. Определение аффекта у обвиняемого: проблемы правоприменительной практики и судебно-психологической экспертизы // Юридическая психология. 2011. № 1.
12. Сидоров Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. Социально-психологическое и правовое исследование. – Казань, 1978.
13. Судебная психиатрия. – М., 1986.
14. Ткаченко В.И. Необходимая оборона по уголовному праву. – М., 1979.
15. Ткаченко В. И. Сильное душевное волнение, как психологическая категория в уголовном праве // Проблемы социалистической законности. – Харьков, 1977.
16. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. – М., 1957.
17. Шишков С. Установление «внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта)» // Законность. 2002. № 11.
18. Чхартишвили Ш.Н. Проблема мотива волевого поведения. – Тбилиси, 1958.

Гладких Виктор Иванович

д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист
Российской Федерации, профессор кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического института

Gladkikh V.I.

doctor of law, Professor, Honored lawyer of the Russian
Federation, Professor of the Department of criminal law
International law Institute

НЕСООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: ВОЗВРАТ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕДОНЕСЕНИЕ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ?

*NOT INFORMING ABOUT THE CRIME: RETURN TO
CRIMINAL LIABILITY FOR FAILURE IN THE NEW
ENVIRONMENT?*

Аннотация. Автор на примере ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении» освещает проблему неконституционности ряда действующих уголовно-правовых норм, а также низкого качества современного законодательства.

Ключевые слова: законодательство, общественная опасность, уголовно-правовая норма, несообщение, укрывательство.

Abstract. The author, using the example of Article 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation «Non-Reporting the Crime», highlights the unconstitutionality of a number of existing criminal law norms, as well as the low quality of modern lawmaking.

Key words: lawmaking, public danger, criminal law norm, non-reporting, concealment.

Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ в Уголовный кодекс РФ была введена ст. 205.6 УК РФ – Несообщение о

преступлении. Эта норма была составной частью так называемого «антитеррористического пакета Яровой». Ряд законодательных инициатив депутатов Ирины Яровой и Виктора Озерова не был принят, в частности предложение о лишении лиц, причастных к террористической деятельности, гражданства или запрете отдельных категорий граждан на выезд из страны.

Однако многие поправки, несмотря на резкую критику ряда их аспектов, все же были утверждены. Об этом много писалось, в том числе и автором этой статьи [1, с. 34–38]. Отмечались такие законодательные огрехи, как несогласованность санкций вновь вводимых норм их общественной опасности, например, когда наказание за пособничество в совершении преступлений террористического характера, то есть, по сути, за вспомогательную преступную деятельность, оказалось больше, чем за окончанный акт терроризма, или несоразное установление наказания вплоть до пожизненного лишения свободы за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности и др.

А вот ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении» как-то оказалась обойденной научным вниманием. А ведь чего стоит одно только название данной нормы – исходя из него, наказуемым стало несообщение о любом преступлении, тогда как диспозиция ее всего лишь предусматривает уголовную ответственность за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое, по достоверно известным данным, готовит, совершает или совершило хотя бы одно из всем нам известных преступлений, предусмотренных ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 Уголовного кодекса.

Недопустимое, с точки зрения законотворчества, несоответствие названия статьи ее содержанию.

В тех же немногочисленных публикациях и обсуждениях данной нормы основной претензией к новому закону явилось то, что в современное уголовное законодательство, по существу, возвращалась, хотя и в измененном виде, ответственность за неодоносительство.

Обращение в далекую историю показывает, что ответственность за неодоносительство на Руси существовала не один век.

Вспомним Соборное уложение 1649 г., где впервые появилась подобная норма, а затем она кочевала из одного закона в другой, вплоть до 1996 г., в котором недоносительство уже отсутствовало.

Так, еще в УК РСФСР 1960 г. существовала ст. 88.1 – Недонесение о государственных преступлениях (измена Родине, шпионаж, террористический акт, применение биологического оружия, разработка, производство, приобретение, хранение, сбыт, транспортировка биологического оружия, диверсия, вредительство, организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации, бандитизм, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг).

В советский период времени статьей нередко злоупотребляли в идеологических и политических целях – в основном для запугивания друзей или родственников «политических» преступников, ставя их перед выбором – либо надо дать соответствующие показания, либо самому оказаться за решеткой.

Следует сразу оговориться, что наличие этой статьи не очень противоречило Конституции СССР 1977 г., согласно ст. 61 и 65 которой каждый гражданин СССР был обязан быть непримиримым к антиобщественным поступкам, всемерно содействовать охране общественного порядка.

Действующая же конституция РФ наличие таких обязанностей граждан не предполагает. Положения ст. 33, 45 и 55 Конституции 1993 г. гласят, что обеспечение безопасности граждан есть государственная функция, а граждане не обязаны содействовать раскрытию и расследованию преступлений, если иное не установлено федеральным законом.

Действующий Уголовный кодекс 1996 г. сохранил только существовавшую в УК 1960 г. ответственность за укрывательство, а именно – за заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений (ст. 316 УК).

Все это позволило профессору А.В. Наумову в свое время отметить, что отныне эта проблема является проблемой существования в УК одной статьи Особенной части, в связи с чем можно сказать, что прикосновенность к преступлению как институт Общей части уголовного права себя исчерпала.

Оказывается, что уважаемый Анатолий Валентинович потопился.

Если говорить о ст. 205.6 УК РФ, обращает внимание, что, в отличие от ранее существовавшей ответственности за недоносительство, в данной статье уголовно наказуемым является несообщение не о факте совершения преступления, а только о конкретном лице или лицах. Получается парадоксальная вещь: достоверное знание о совершенном преступлении фактически уголовно не наказуемо.

В законе не раскрывается понятие «несообщение». Ранее в УК РСФСР 1960 г. (ст. 19) использовалось понятие «недонесение». Видимо, законодатель сознательно ушел от понятия «недонесение», поскольку, учитывая негативный исторический опыт, это слово ассоциируется с понятием «донос», имеющим в общественном сознании отрицательный смысл, хотя, к примеру, в ст. 306 УК РФ заведомо ложный донос о совершении преступления носит нейтральный характер.

Вызывает вопрос включение данной нормы в раздел «Преступления против общественного порядка и общественной безопасности», в то время как раньше недонесение относилось к преступлениям против правосудия.

Таким образом, теперь непосредственный объект данного состава – общественные отношения в сфере борьбы с преступлениями террористического характера. Дополнительный объект – интересы правосудия.

Объективная сторона – разновидность преступного бездействия, о котором нами было сказано выше.

Форма обращения в соответствующие правоохранительные органы, на наш взгляд, может быть разной – как в письменном виде, так и в устном, а также через иные средства информации.

Следует обратить особое внимание на соотношение таких понятий, как должен и мог. Понятие долженствования закреплено в ст. 205.6 УК РФ, а вот то, что касается наличия реальной возможности лица сообщить органам власти о готовящемся, совершаемом или совершенном одном из перечисленных преступлений, предполагает различные варианты, которые могут затруд-

нить процесс квалификации содеянного и проведения расследования.

Бывают такие случаи, когда виновный не смог сообщить достоверную информацию по целому ряду объективных причин, например, в силу позднего времени, болезненного или беспомощного состояния, ввиду отсутствия технической возможности, к примеру, телефонной связи или сети Интернет.

В этом случае, на наш взгляд, уголовная ответственность за несообщение о преступлении должна исключаться.

Точно так же должна оцениваться ситуация, когда правоохранительные органы по причинам, не зависящим от воли потенциального виновного, не получили соответствующее сообщение или утратили его, или не зарегистрировали в установленном порядке и т.п.

Определенные сомнения вызывает ряд преступлений, включенных в список тех общественно опасных деяний террористической направленности, за несообщение о которых наступает ответственность по ст. 25.6 УК РФ.

Это касается, например, ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма» (в ред. от 29 декабря 2017 г.).

С одной стороны, это преступление относится к категории преступлений средней тяжести, то есть не обладающих повышенной общественной опасностью.

С другой, всем известно, что сейчас большинство таких деяний совершается через социальные сети, где многие пользователи являются анонимными. Можно ли в таких условиях требовать, чтобы все граждане – пользователи социальных сетей – сообщали в правоохранительные органы о фактах, к примеру, публичных призывов к террористической деятельности или оправдания терроризма?

В целом же анализ показывает, что перечисленные в диспозиции составы преступлений не являются тяжкими. Между тем ст. 316 УК РФ предусматривает наступление уголовной ответственности лишь за укрывательство только особо тяжких преступлений.

Вызывает также вопрос, почему несообщение о посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ) влечет уголовную ответственность по ст. 205.6 УК, а, например, о посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК) или об убийстве (ст. 105 УК) – нет?

Еще один вопрос. Он касается достоверности знания виновным о лицах, которые готовят, совершают или совершили хотя бы одно из преступлений, предусмотренных ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 Уголовного кодекса.

Если лицо по каким-либо причинам не уверено в преступности совершаемых деяний, хотя они фактически таковыми являлись, то его нельзя привлечь к уголовной ответственности за несообщение о преступлении, иначе это будет объективным вменением.

В данных случаях при оценке достоверности необходимо всегда устанавливать и оценивать те источники, из которых получена информация о преступлении. К этим источникам не должна относиться информация от посторонних лиц, которые не имели никакого отношения к совершенному или совершаемому преступлению, а также различные догадки и предположения.

Вызывает сомнение установление возраста уголовной ответственности по ст. 205.6 УК в четырнадцать лет. Представляется, что в этом возрасте подросток еще не может в полной мере осознавать общественно опасный характер совершаемого деяния. Для сравнения можно посмотреть, что по ст. 316 УК РФ, являющейся более опасной формой прикосновенности к преступлению, ответственность наступает по достижению виновным шестнадцатилетнего возраста.

Возникают проблемы разграничения норм, предусмотренных ст. 205.6 и 316 УК РФ.

В ст. 316 УК, как представляется, речь идет о совершении неких активных действий по укрывательству особо тяжких преступлений, к примеру, сокрытие следов преступлений, лиц, его совершивших.

Статья 205.6 УК предполагает более пассивные действия, в частности, уклонение лица от определенных действий в виде со-

общения о лицах, готовящих совершить или совершивших преступления, предусмотренные в диспозиции указанной статьи.

Получается, что, например, в случае, когда лицо не сообщило об особо тяжком преступлении, предусмотренном ст. 205.6 УК РФ, и одновременно совершило его укрывательство, содеянное необходимо квалифицировать по ст. 316 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 205.6 УК РФ не требуется. Если же лицо совершило укрывательство преступлений, указанных в ст. 205.6 УК РФ, но не относящихся к категории особо тяжких, виновный будет нести уголовную ответственность только за несообщение о преступлении по ст. 205.6 УК РФ. То есть фактически лицо совершило укрывательство, а привлечено оно будет за несообщение, что не очень логично. Считаем это недостатком рассматриваемой нормы.

Библиографический список

1. Гладких В.И. Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ // Российский следователь. 2014. Март. № 5.

Заливина Наталья Николаевна

адъюнкт кафедры уголовного права Московского
университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Жабский Валерий Александрович

научный руководитель, д-р юрид. наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права Московского
университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Zalivina N.N.

postgraduate student of the Department of Criminal Law
of the Moscow University of the Ministry of Interior

Zhabsky V.A.

supervisor, doctor of law, associate Professor, professor
of the Department of Criminal Law of the Moscow
University of the Ministry of Interior

**РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО
МЕХАНИЗМА В СФЕРЕ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ
ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

*THE IMPLEMENTATION OF AN INTERNATIONAL
MECHANISM IN COUNTERING ILLICIT DRUG
TRAFFICKING IN THE RUSSIAN FEDERATION*

Аннотация. В статье речь идет о соблюдении и применении Российской Федерацией международно-правовых норм в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. В ходе анализа данного вопроса рассмотрены основные направления деятельности международных организаций, членом

которых является Российская Федерация, а также международные документы, закрепляющие антинаркотические положения.

Ключевые слова: наркопреступность, наркотические средства, психотропные вещества, международно-правовые нормы, международное сотрудничество, антинаркотическая политика.

Abstract. The article deals with compliance and application by the Russian Federation of international legal norms in the sphere of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. During the analysis of this issue, the main activities of international organizations, of which the Russian Federation is a member, as well as international documents fixing anti-drug provisions are considered.

Key words: drug crime, narcotic drugs, psychotropic substances, international legal norms, international cooperation, anti-drug policy.

Проблема противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ не перестает вызывать к себе повышенный интерес. Как было правильно отмечено министром здравоохранения России В. Скворцовой в своем выступлении на Первой международной парламентской конференции «Парламентарии против наркотиков», употребление наркотиков является «серьезной проблемой общественного здоровья во всем мире» [1].

Несмотря на снижение уровня наркомании в России, о чем свидетельствуют данные Министерства здравоохранения, так «с 2010 г. распространенность наркомании в России снизилась на 17 % или на 58,5 тыс. человек» [2], сложившаяся ситуация с наркотизацией населения требует консолидированных системных усилий по противодействию наркопреступности.

Сегодня на международном уровне лидером в борьбе против незаконных наркотиков продолжает оставаться Управление по наркотикам и преступности Организации Объединенных Наций (далее УНП ООН). Согласно рабочей программе УНП ООН, его деятельность направлена на разработку региональных проектов технической поддержки для усиления возможностей государств противостоять нелегальным наркотикам, преступности и терроризму; проведение исследований и аналитической работы для улучшения понимания проблем наркомании и преступности; а

также выполнение нормативной работы по содействию государствам-членам в ратификации и применении соответствующих международных договоров, развитии внутреннего законодательства по наркотикам. УНП ООН осуществляет просветительскую работу во всех странах мира об опасности, негативных последствиях злоупотребления наркотиками и об активизации международных мер противодействия незаконному производству наркотиков и их обороту и связанными с ними преступлениями [3].

Россия, будучи страной – участницей ООН, придерживается международно-правовых норм в части регулирования незаконного оборота наркотических средств, предусмотренных в ратифицированных ей документах.

В настоящее время существуют три основных международных договора о контроле над наркотиками, которые являются взаимосвязанными и взаимодополняющими. К ним относится Единая Конвенция о наркотических средствах 1961 г., Конвенция о психотропных веществах 1971 г., Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. Ратифицировав данные документы, Россия на своей территории старается максимально применять международные положения о незаконном обороте и злоупотреблении наркотиками и приводить в соответствие с ними свою нормативную базу.

В рамках борьбы с незаконным оборотом наркотиков в России, с учетом постоянного изменения наркотической ситуации, происходит модернизация антинаркотического законодательства, проводятся международные конференции и съезды, создаются общественные организации и движения.

Так, в 2013 г. была создана Ассоциация некоммерческих организаций содействия профилактике наркомании и социально опасного поведения граждан «Национальный Антинаркотический Союз» (далее НАС), которая определила своей основной целью противодействие распространению наркомании и наркопреступности в России. Деятельность НАС направлена прежде всего на «информирование граждан РФ о современных методах реабилитации алко- и наркозависимых, помощь в выборе реабилитационных центров; создание эффективной многоуровневой

системы профилактики наркомании; экспертная поддержка реабилитационных центров и их объединений; участие в законотворческой деятельности и государственных проектах в сфере борьбы с наркоманией; популяризация и доведение до сведения широкой российской и зарубежной аудитории линии полного отказа от наркотических средств («drug-free») при лечении наркозависимых пациентов» [4].

Кроме того, при участии НАС в рамках международного сотрудничества в декабре 2017 г. в Москве состоялась международная конференция «Парламентарии против наркотиков», организатором которой выступала Государственная Дума РФ. Основной целью конференции стало «создание парламентского измерения международного антинаркотического сотрудничества и углубление существующей правовой базы для международного сотрудничества в борьбе с распространением и употреблением наркотических веществ, профилактики и лечения наркозависимых» [5]. Проведение подобного рода мероприятий на территории нашего государства позволяет корректировать направления антинаркотической политики и достигать эффективных результатов в данном направлении.

Следует также отметить, что Россия является участницей межправительственной международной организации – Шанхайская организация сотрудничества (далее ШОС). Одним из злободневных вопросов, рассматриваемых на заседаниях Совета глав правительств государств – членов ШОС, остается вопрос об объединении усилий, направленных на борьбу с наркопреступностью, и достижении сокращения объема наркотических средств и психотропных веществ в незаконном обороте. Как заявил в своем выступлении на пленарной 61-й сессии Комиссии ООН по наркотическим средствам Генеральный секретарь ШОС Р. Алимов: «Противодействие нарастающей наркоугрозе – один из приоритетов Шанхайской организации сотрудничества. Мы рассматриваем свою деятельность на этом направлении в неразрывной связи со строительством безопасного и стабильного будущего в регионе от Тихого океана до Балтики и от Индийского океана до Арктики» [6].

Активно участвуя в реализации антинаркотических мер на международной арене, Россия продолжает совершенствовать внутренние механизмы противодействия незаконному обороту наркотиков на своей территории.

Принятая Указом Президента РФ № 690 от 9 июня 2010 г. «Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г.» основной своей целью определяет существенное сокращение незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков, масштабов последствий их незаконного оборота для безопасности и здоровья личности, общества и государства. Необходимость принятия данной Стратегии законодатель объясняет, в первую очередь, с возникновением новых вызовов и угроз, связанных, прежде всего, с активизацией деятельности транснациональной преступности, усилением терроризма, экстремизма, появлением новых видов наркотических средств и психотропных веществ, усилением негативных тенденций, таких как устойчивое сокращение численности населения России, в том числе уменьшение численности молодого трудоспособного населения вследствие расширения масштабов незаконного распространения наркотиков.

В рамках Стратегии как одной из мер, направленных на сокращение предложения наркотиков, выступает ужесточение уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в том числе за сбыт наркотиков в исправительных учреждениях, а также в учреждениях или местах, используемых для проведения учебных, спортивных, культурных, развлекательных и иных публичных мероприятий. Такой подход законодателя, на наш взгляд, является верным шагом на пути к улучшению наркоситуации в стране.

Образованные в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 18 октября 2007 г. № 1374 «О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» Государственный антинаркотический комитет и антинаркотические комиссии в субъектах Российской Федерации в целях контроля осуществляют мониторинг и оценку развития наркоситуации в регионах. Как правило, «мониторинг осуществляется примени-

тельно ко всему населению региона с выделением детей, подростков и молодежи. На основании полученных данных комиссии ежегодно представляют доклады председателю Государственно-го антинаркотического комитета страны» [7, с. 41].

В декабре 2017 г. на заседании Антинаркотического комитета Министр Внутренних дел РФ В. Колокольцев отметил, что в рамках межведомственного и международного взаимодействия проведена значительная работа: «Благодаря принятым мерам за первые 10 месяцев текущего года увеличилось количество выявленных правоохранительными органами наркопреступлений. При этом число пресеченных особо тяжких деяний возросло почти на 10 %, совершенных преступными сообществами – на 11 %. Больше изъято запрещенных веществ, в частности, сильнодействующих – в 5 раз, перекрыты крупные каналы их контрабанды из Республики Молдова» [8].

Таким образом, наркопреступность, будучи транснациональной преступностью, стала проблемой всего мирового сообщества. В свою очередь, Россия, являясь участницей различных международных организаций, деятельность которых направлена на борьбу с наркотиками, старается совершенствовать внутреннее антинаркотическое законодательство в соответствии с международными стандартами. Принятие Стратегий антинаркотической политики в России во многом обусловлено влиянием международно-правового опыта, а также стремлением следовать положениям основных Конвенций, закрепляющих правовые методы борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Нельзя не заметить, что принимаемые на сегодняшний день меры противодействия наркопреступности дают весьма положительный результат, способствуя снижению количества преступлений и лиц, потребляющих запрещенные вещества.

Библиографический список

1. <https://www.rosminzdrav.ru/news/2017/12/04/>
2. <https://www.unodc.org/unodc/>
3. <https://nasrf.ru/>
4. <http://tass.ru/obschestvo/4780379>

5. <http://rus.sectesco.org/news/20180312/392755.html>
6. Ережипалиев Д.И. Профилактика потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов среди несовершеннолетних // Адвокат. 2015. № 6.
7. <https://гак.мвд.рф>

Карпов Николай Николаевич

д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института

Karpov N.N.,

doctor of Law, Professor, Professor Department of criminal law disciplines International law Institute

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ ГАРАНТИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

TO THE QUESTION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE SYSTEM OF GUARANTEES OF HUMAN RIGHTS

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов о гарантиях прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, а также о целях, задачах и функциях прокуратуры Российской Федерации и ее месте в системе институциональных гарантий прав человека.

Ключевые слова: гарантии прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации; прокуратура Российской Федерации, место прокуратуры Российской Федерации в системе гарантий прав человека.

Abstract. The article deals with the issues of guarantees of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation, as well as the goals, objectives and functions of the Prosecutor's office of the Rus-

sian Federation and its place in the system of institutional guarantees of human rights.

Key words: guarantees of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation; Prosecutor's office of the Russian Federation, the place of the Prosecutor's office of the Russian Federation in the system of human rights guarantees.

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а обязанностью государства является признание, соблюдение и охрана прав и свобод человека и гражданина.

В целях обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина Конституция Российской Федерации предусматривает систему государственных гарантий, включающую, в первую очередь, социально-экономические, политические и, конечно же, юридические гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина.

При этом под юридическими гарантиями, то есть под условиями, обеспечивающими права и свободы человека и гражданина, традиционно понимается совокупность как формально-юридических, так и институциональных гарантий прав человека и гражданина.

К формально-юридическим гарантиям прав и свобод человека и гражданина, прежде всего, следует отнести, правовые нормы, содержащиеся в положениях Конституции Российской Федерации, а также федеральных конституционных, федеральных и региональных (субъектов Российской Федерации) законов.

Напомним, что к ним относятся, прежде всего, положения ранее названной нами ст. 2 Конституции Российской Федерации, а также ст. 7 Конституции России о том, что Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В России охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система

социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

В соответствии со ст. 17 российской Конституции в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с положениями Конституции, при этом основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения.

Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18 Конституции Российской Федерации).

Отдельными статьями российской Конституции провозглашаются и охраняются право на жизнь, достоинство личности, на свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени и целый ряд других прав. При этом Конституция Российской Федерации устанавливает, что государством *гарантируется* защита прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 45).

В свою очередь, система институциональных гарантий прав и свобод человека и гражданина включает в себя, в первую очередь, как государственные органы, специально предназначенные для осуществления правоохранительной или правозащитной деятельности, так и непосредственно способы реализации, охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина.

К таким способам следует отнести, в частности, (а) разработку и принятие необходимых нормативных правовых актов, обеспечивающих защиту прав и свобод человека и гражданина; (б) административный порядок защиты человеком (гражданином) своих прав и свобод, предусматривающий обращение непосредственно к руководителям нарушившего права и свободы человека и гражданина органа (должностного лица), либо в соответствующий контролирующий орган; (в) обращение

в органы прокуратуры, которые от имени государства осуществляют надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением действующих на территории Российской Федерации законов; (г) обращение в суд; (д) обращение в международные судебные органы; (е) обращение к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации; (ж) самозащита человеком (гражданином) своих прав.

Рассмотрим подробнее место органов прокуратуры в системе институциональных гарантий прав и свобод человека и гражданина.

Установленные федеральным законодательством цели деятельности прокуратуры Российской Федерации в полном объеме отвечают интересам как государства, так и общества и граждан Российской Федерации.

В Словаре русского языка под целью понимается то, к чему стремятся, чего хотят достичь, а задача – это то, что требует выполнения, разрешения¹.

Аналогичное толкование дается и С.И. Ожеговым в Словаре русского языка под редакцией названного автора. Цель – предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить, а задача – то, что требует исполнения, разрешения.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» целями деятельности прокуратуры России являются:

1) обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности;

2) защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Совершенно очевидным представляется, что для реализации установленных Конституцией России обязанностей государства российскому обществу необходим самостоятельный, независимый от других структур государственной власти надзорный орган, обладающий необходимым объемом прав и полномочий,

¹ Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1981. Т. 1. С. 514; Т. 4. С. 638.

но в то же время конституционно максимально поставленный под контроль общества.

Анализ содержания основополагающих Приказов Генерального прокурора Российской Федерации, определяющих задачи органов прокуратуры на каждом из функциональных направлений своей деятельности, позволяют сделать вывод о том, что к главным задачам деятельности прокуратуры следует отнести:

- своевременное выявление правонарушений и их пресечение (устранение нарушений законности вряд ли можно отнести к компетенции прокурора);
- предупреждение нарушений закона;
- установление лиц, виновных в совершении нарушений закона и привлечение их к установленной законом ответственности; восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина и охраняемых законом интересов государства.

Таким образом, цели и задачи деятельности прокуратуры Российской Федерации в полном объеме отвечают требованиям, которые можно предъявить к органу, обеспечивающему защиту прав и свобод человека и гражданина.

Рассмотрим теперь виды деятельности (функции) прокуратуры Российской Федерации.

В соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура Российской Федерации осуществляет, в частности:

- надзор за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, а также за соответствием законам издаваемых ими правовых актов;
- надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина ранее указанными органами и должностными лицами;

– надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие;

– надзор за исполнением законов судебными приставами;

– надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу.

Надзорная функция прокуратуры является, с учетом изложенного, важнейшей в ее деятельности.

Определив в ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» основную функцию прокуратуры – осуществление от имени Российской Федерации (обратим особое внимание именно на это законоположение – от имени всего государства, а не отдельных подсистем государственной власти, что дополнительно характеризует самостоятельность властной деятельности прокуратуры) надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории России, законодатель указал на выполнение прокуратурой Российской Федерации и иных функций, установленных федеральными законами, к которым, в частности, относятся:

– уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации (ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»);

– координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»);

– участие в рассмотрении дел судами, принесение представлений на противоречащие закону решения, приговоры, определения и постановления судов (п. 3 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»);

– осуществление международного сотрудничества, участие в разработке международных договоров Российской Федерации

(ст. 2 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»);

– участие в заседаниях федеральных органов законодательной и исполнительной власти, представительных (законодательных) и исполнительных органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления (ст. 7 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»);

– участие в правотворческой деятельности, то есть возможность внесения в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, соответствующего и нижестоящего уровней предложений об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов (ст. 9 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»);

– проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (ст. 9-1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»);

– рассмотрение и разрешение заявлений, жалоб и иных обращений (ст. 10 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации») и другие.

Таким образом, рассмотрение и разрешение прокуратурой Российской Федерации заявлений, жалоб и иных обращений человека (гражданина) закон относит к числу обособленных видов деятельности (функций) прокуратуры.

Порядок деятельности органов прокуратуры по реализации своих функций достаточно подробно определен как самим Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», так и соответствующими приказами Генерального прокурора Российской Федерации.

Для реализации своих целей и задач органам прокуратуры также предоставлены и соответствующие полномочия, которые прокурорские работники используют при подготовке и проведении проверок, к примеру, соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Указанные полномочия используются прокурорами и при завершении проверки: внесении акта прокурорского реагирования, к примеру, принесения протеста на выявленный

незаконный правовой акт, принесения представления, объявления предостережения о недопустимости нарушения закона.

С учетом изложенного деятельность прокуратуры Российской Федерации занимает, как представляется, важное место в системе институциональных гарантий прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, а, учитывая ее надзорные функции, прокуратура является своеобразным контролером деятельности органов государственной и муниципальной власти и их должностных лиц по защите прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1981. Т. 1; Т. 4.
2. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1989.

Коломиец Геннадий Васильевич

судья Московского городского суда в почетной отставке, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Королёвского филиала Международного юридического института

Kolomiets G.V.

judge of the Moscow city court in honorary resignation, senior lecturer of the Department of criminal law disciplines Korolev branch of the International law Institute

**ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
ОТДЕЛЬНЫХ НОРМ УГОЛОВНОГО И
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НАРУШЕНИЯ
ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА
И ГРАЖДАНИНА**

*THE PROBLEM OF LEGAL REGULATION OF CERTAIN
NORMS OF CRIMINAL AND CRIMINAL PROCEDURE
LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN THE CONTEXT OF VIOLATION OF HUMAN RIGHTS
AND FREEDOMS AND CITIZEN*

Аннотация. Проблемы несовершенства комплексных институтов применения на практике обстоятельств, отягчающих наказание, усмотрительного характера при определении категории преступления, проблемы неисполнения решений Конституционного суда РФ.

Ключевые слова: категории преступлений, обстоятельства, отягчающие наказание, сроки исполнения решений Конституционного суда РФ.

Abstract. Problems of imperfection of complex institutions of application in practice of circumstances aggravating punishment, discretionary nature in determining the category of crime, problems of non-execution of decisions of the constitutional court of the Russian Federation.

Key words: categories of crimes, circumstances, aggravating punishment, terms of execution of decisions of the constitutional court of the Russian Federation.

Исходя из конституционного положения о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции Российской Федерации)¹ – главную задачу уголовного законодательства Российской Федерации составляет **защита** прав и свобод человека и гражданина. Назначением же уголовно-процессуального законодательства выступает защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Однако анализ ряда положений действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод о подчас недостаточно обоснованном подходе законодателя к регламентации отдельных норм, данных отраслей законодательства, что оказывает существенное влияние на соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Рассмотрим только некоторые из них.

Так, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. (№ 420 Федерального закона)² в ст. 15 УК Российской Федерации введена ч. 6, имеющая важное значение для реализации прав осужденного.

Существо данного новшества заключается в том, что (с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его об-

¹ Конституция Российской Федерации. 2018 / Сост. Таранин А.В. – М.: АСТ, 2018. 32 с.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 7.12.2011 г. № 420-ФЗ // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

щественной опасности, а также при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствииотягчающих обстоятельств) суд вправе изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию при определенных условиях (а именно, если за совершение преступления:

- средней тяжести осужденному назначено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание;

- за тяжкое преступление осужденному назначено наказание, не превышающее пяти лет лишения свободы или другое более мягкое наказание;

- за совершение особо тяжкого преступления осужденному назначено наказание, не превышающее семи лет лишения свободы).

Изменение категории преступления для осужденного имеет существенные правовые последствия, в том числе:

- связанные с рецидивом преступлений, а именно категория преступления влияет на не признание рецидива опасным (пп. «а», «б» ч. 2 ст. 18 УК Российской Федерации), особо опасным рецидивом (пп. «а», «б» ч. 3 ст. 18 УК Российской Федерации) либо вообще не учитывается при признании рецидива преступлений (п. «а» ч. 4 ст. 18 УК Российской Федерации) – что влечет назначение менее строгого наказания в соответствии со ст. 68 УК РФ;

- связанные с назначением осужденным к лишению свободы определенного вида исправительного учреждения (так, в соответствии с п. «а» ч. 4.1 ст. 58 УК Российской Федерации, если осужденному изменена категория преступления с тяжкого на преступление средней тяжести – ему может быть определено отбывание наказания в колонии-поселении вместо исправительной колонии общего режима и т.п.);

- влиять в дальнейшем: – на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ч. 3 ст. 79 УК Российской Федерации); – на случаи замены не отбытой части наказания более мягким видом наказания (ч. 2 ст. 80 УК Российской Федерации); – на освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК Российской Федерации); – на освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обви-

нительного приговора суда (ч. 1 ст. 83 УК Российской Федерации) и т.п.;

– влиять на вопросы погашения судимости (ч. 3 ст. 86 УК Российской Федерации) и т.п.

Однако законодатель счел необходимым указать, что изменение категории преступления является правом, а не обязанностью суда. Вместе с тем не является обязательным и условие, изложенное законодателем в п. 6.1 ч. 1 ст. 299 УПК Российской Федерации¹ (вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора). Все изложенное выше на практике повлекло за собой полное игнорирование судами соблюдение этих положений – ч. 6 ст. 15 УК РФ, что следует признать недопустимым нарушением прав осужденного. Рекомендации Пленума Верховного Суда Российской Федерации также не разрешают существующего пробела, поскольку не являются законом.

Таким образом, недостаточную правовую регламентацию ч. 6 ст. 15 УК Российской Федерации – следует признать существенно нарушающих права осужденных.

Подобные законодательные пробелы, способные повлечь нарушение прав и свобод граждан, не единичны.

В качестве примера остановимся на положении, регламентированном в ч. 1.1 ст. 6 УК Российской Федерации (введенной Федеральным законом от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ², в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 328-ФЗ)³.

Согласно введенному законоположению – судья (суд), назначающий наказание (при условиях указанных в данной норме) может признать отягчающим обстоятельством совершение пре-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 24.04.2018) // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

² О внесении изменения в ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 21.10.2013 № 270-ФЗ // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части конкретизации понятия состояния опьянения: Федеральный закон от 3.07.2016 № 328-ФЗ // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

ступления в состоянии опьянения (вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасно психоактивных веществ либо одурманивающих веществ).

Однако данное указание закона нарушает принцип состязательности сторон, предусмотренный ст. 15 УПК Российской Федерации), ибо суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или защиты, поэтому «делегирует» суду функцию уголовного преследования (обвинения) – не допустимо. При этом необходимо отметить, что в передаче обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК Российской Федерации) не указаны в качестве таковых: совершение преступления в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных веществ либо других одурманивающих веществ. Нет такой обязанности в законе и на указание совершения преступления в таком состоянии и для органов предварительного следствия. В свою очередь, Постановление Пленума ВС Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» (в редакции Постановления Пленума ВС Российской Федерации от 6.02.2007 г. № 7 и др.)¹ содержит рекомендации о недопустимости судами всяких иных изменений формулировки обвинения, если при этом нарушается право подсудимого на защиту.

Таким образом, органы предварительного следствия не могут и не обязаны указывать (в качестве отягчающих) обстоятельства, содержащиеся в ч. 1.1 ст. 63 УК Российской Федерации, а суд, кроме того, не вправе брать на себя не свойственную ему функцию обвинения.

Подобные недостатки можно перечислять и перечислять (ч. 1 ст. 2-4.1 ст. 43; ч. 1 ст. 54; ч. 1 ст. 57; ч. 1 ст. 76.1 и др.), и некоторые из них касаются правовой регламентации отдельных ста-

¹ О судебном приговоре: Постановление Пленума ВС Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 (в ред. Постановления Пленума ВС Российской Федерации от 6.02.2007 г. № 7 и др.) // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

тей Особенной части УК Российской Федерации (например, ч. 5 ст. 291.1; Примечания к ст. 264; санкции ст. 365 УК Российской Федерации и др.).

Вызывает озабоченность не только несовершенство отдельных норм УК Российской Федерации и УПК РФ, но и огромное количество вносимых в них изменений. Особую тревогу вызывает «чехарда» с ответственностью за клевету. Об изменениях, вносимых в УК Российской Федерации и УПК Российской Федерации свидетельствуют следующие цифры (с 1997 г. по настоящее время в УК Российской Федерации внесено свыше 270 изменений, а в УПК Российской Федерации с 2001 г. – свыше 230 изменений), – что не способствует стабильности действующего законодательства, оказывает негативное влияние на судебную практику в сфере охраны прав и свобод граждан.

Не делает чести нашим законодателям и не исполнение ими решений Конституционного Суда Российской Федерации, выносимых последним по вопросам несоответствия тех или иных норм УК Российской Федерации и УПК Российской Федерации Конституции Российской Федерации. Так, согласно отчету Конституционного Суда Российской Федерации за 2017 г. на данный момент законодателем не исполнено 28 такого рода решений суда. Среди подобных решений Конституционного Суда Российской Федерации есть и поросшие «мхом», а именно – одно решение ждет своей «очереди» с 2008 г. (т.е. уже десять лет), а 3 решения – с 2010 г. (т.е. свыше восьми лет)¹.

Это ли не вопиющее игнорирование решений Конституционного Суда Российской Федерации! Видимо, учитывая данное обстоятельство, Конституционный Суд Российской Федерации в своих последних решениях указывает сроки их исполнения.

¹ Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства в 2017 г. (подготовлен Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации в соответствии с п. 2 § 67 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации) // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации (<http://www.ksrf.ru/ru/>).

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. 2018 / Сост. Таранин А.В. – М.: АСТ, 2018.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174 ФЗ (в ред. от 243.04.2018) // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

4. О внесении изменений в ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 21.10.2013 № 270-ФЗ // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части конкретизации понятия «состояние опьянения»: Федеральный закон от 03.07.2016 № 328-ФЗ // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

6. О судебном приговоре Постановления Пленума ВС Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 (в ред. Постановления Пленума ВС Российской Федерации от 6.02.2007 № 7 и др.) // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

7. Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства в 2017 г. (подготовлен Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации в соответствии с п. 2 § 67 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации) // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации (<http://www.ksrf.ru/>)

Кужиков Валерий Николаевич

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного
права Московского Университета
МВД РФ им. В.Я. Кикотя

Kuzhikov V.N.

candidate of science, associate professor, Associate
Professor of the Department of Criminal Law of the
Moscow University of the Ministry of Interior of Russia
named after V. J. Kikot

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PECULIARITIES OF THE CRIMINAL-LEGAL PROTECTION OF HOUSING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье исследуются особенности проникновения в жилище против воли проживающих в нем лиц по действующему российскому законодательству.

Ключевые слова: международно-правовые акты, специальные случаи правомерного проникновения в чужое жилище, конструктивные изменения в действующее уголовное законодательство.

Abstract. The article investigates the peculiarities of penetration into the dwelling against the persons residing in it under the current Russian legislation.

Key words: international legal acts, special cases of lawful penetration into a foreign dwelling, and constructive changes to the existing criminal law.

Современные правовые государства признают и стараются соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина

во всех ее проявлениях в широком смысле этого слова. Если принимаются какие-либо меры принуждения в отношении граждан, то применяют их только согласно действующего законодательства. Поэтому Советский Союз признал эти фундаментальные ценности человечества и подписал ряд международных документов. После распада СССР, Российская Федерация как правопреемник СССР признала эти международные ценности и старается соблюдать принятые на себя обязательства. основополагающие стандарты защиты этих интересов зафиксированы в таких международно-правовых актах, как: Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.; Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.; Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.; Международный пакт о социально-экономических правах 1966 г.

Право на неприкосновенность жилища зафиксировано в первую очередь в Российской Конституции в статье, где отмечается, что: «Жилище неприкосновенно и никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения». В развитии Конституции, Жилищного законодательства, Уголовный кодекс России разъясняет понятие жилища в примечании к ст. 139. В частности, под жилищем предлагает понимать индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания.

По смыслу диспозиции ст. 139 УК РФ, с учетом формальной конструкции правовой нормы, проникновение в жилище считается оконченным преступлением в том случае, когда отсутствуют правовые основания для вхождения в жилое помещение. В частности, это выражается в закрытом положении жилого помещения, после звонка в дверь, гражданин высказывает свой запрет на прохождение в помещение и т.д.

Если обратиться к судебной практике России, то практика применения ст. 139 УК РФ показывает, что суды проникновение в жилище оценивают как тайное, так и открытое вторжение в жилище. При этом может совершаться как с преодолением препятствий, так и без него, не имеет значения промежуток времени, в течение которого лицо находится в жилом помещении.

Практика применения аналогичной нормы Европейским Судом по правам человека отличается от российского подхода. Это выражается в более расширенном подходе при разъяснении данной ситуации и включает производственные и служебные помещения, если в этих местах гражданин занимается частной деятельностью.

Если обратиться к конкретному Европейскому государству, с учетом романо-германской системы права, например к ст. 123 Уголовного кодекса Германии. В данной норме указываются следующие возможные варианты преступного поведения: 1) незаконное проникновение в жилище, производственные или охраняемые от чужого доступа помещения или в закрытые помещения, которые предназначены для общественных служб или транспорта; 2) нахождение в помещении без соответствующих полномочий, несмотря на настоятельную просьбу правомочного лица покинуть его [1]. Представляется такой подход более практичным и целесообразным и для Российской правовой системы.

Далее хотелось бы обратить внимание на достаточно объемный законодательный нормативный массив действующих на территории России прав, которые позволяют при необходимости проникнуть в чужое жилое помещение на законном основании, даже против воли проживающих в нем лиц. Представляется, что такие случаи можно рассматривать в контексте обстоятельства, исключающего преступность деяния, в частности как крайняя необходимость. Например: для спасения жизни, здоровья граждан, имущества; общественной безопасности при аварийных ситуациях, стихийных бедствиях, массовых беспорядках. В том числе для задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления и т.д.

По вышеназванным жизненным ситуациям следует обратиться к совокупности правовых норм, которые регламентируют эти ситуации. Например: «О противодействии терроризму» от 6 мар-

та 2006 г. № 35-ФЗ; «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ; «О пожарной безопасности» от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ; «О государственной охране» от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ; «О Федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ; «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ; «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ; «О судебных приставах» от 21 июля 1997 № 118-ФЗ [2].

Если более подробно попытаемся разъяснить закон «О полиции», то в ст. 15 говорится, что сотрудники полиции имеют право проникать в жилые помещения, в иные помещения и на земельные участки, принадлежащие гражданам, в помещения, на земельные участки и территории, занимаемые организациями. В том числе при необходимости имеют право произвести взлом (разрушение) запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению в указанные помещения и на указанные земельные участки и территории, и осмотр находящихся там объектов и транспортных средств.

С учетом предъявляемых требований по объему исследования не представляется возможным более детально останавливаться на других законах.

Кроме вышеназванных источников, рассматриваемые отношения также затрагиваются: в ст. 12 УПК РФ, где при проведении обыска, выемки, осмотра жилого помещения можно проникать в жилище против воли проживающих лиц на основании судебного решения; УИК РФ (ч. 2 ст. 60, п. «б» ч. 1 ст. 129); в Законе РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 2.07.1992 № 3185-1; Федеральном законе «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 № 48-ФЗ [3].

Анализ вышеназванных законодательных источников позволяет выделить субъекты, которые наделены правом вхождения в жилище граждан или юридических лиц, на законных основаниях, без получения согласия проживающих в нем лиц.

Таким образом, небольшой экскурс рассмотренных вопросов и законодательной базы позволяют прийти к выводу о необходимости внесения ряда конструктивных изменений в действующее уголовное законодательство России. В частности, дополнить

примечание к ст. 139 УК РФ. Для этого необходимо расширить место совершения преступления и включить, кроме жилища, производственные помещения, которые предназначены для общественных служб или транспорта. Также необходимо подумать об альтернативном действии, то есть нахождение в жилище, несмотря на настоятельную просьбу проживающего в нем лица покинуть его. Такое понимание закона поможет более эффективно противодействовать в случае нахождения в жилище на законных основаниях, а потом по каким-либо причинам отказываются покидать, несмотря на настоятельную просьбу проживающего в нем лица покинуть жилое помещение. С учетом происходящих изменений в развитии различных технологий необходимо подумать о способах проникновения в жилое помещение или в иные места против воли владельцев этих помещений с использованием различных приспособлений, с помощью дронов и т.д.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии, 2017: [crimpravo.ru» codecs/germany/2.doc](http://crimpravo.ru/codecs/germany/2.doc)

2. О противодействии терроризму от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ; «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ; «О пожарной безопасности» от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ; «О государственной охране» от 27 мая 1996 № 57-ФЗ; «О Федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ; «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ; «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ; «О судебных приставах» от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ [http:// www.consultant.ru/document](http://www.consultant.ru/document) (дата обращения: 30.05.2018).

3. Законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 2.07.1992 № 3185-1; Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 № 48-ФЗ: [http:// www.consultant.ru/document](http://www.consultant.ru/document) (дата обращения: 30.05.2018).

Купченко Наталья Михайловна

студентка магистратуры Ивановского
государственного университета

Kupchenko N.M.

master course student Ivanovo State University

ЗАЩИТА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ СЕМЬИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

PROTECTION OF FAMILY RIGHTS IN RUSSIAN CRIMINAL LAW: RELEVANT PROBLEMS AND WAYS OF THEIR SOLUTION

Аннотация. Статья посвящена защите прав и интересов семьи в российском уголовном праве. Современное уголовное законодательство России, следуя положениям Конституции РФ, направлено на усовершенствование правовой практики в сфере ответственности за ненадлежащее содержание детей и престарелых родителей, подмену ребенка, разглашение тайны усыновления. В данном материале осуществлена постановка проблемы и намечены направления ее решения.

Ключевые слова: семья, интересы семьи, уголовная ответственность, подмена ребенка, разглашение семейной тайны.

Abstract. The paper deals with the problem of protection of family rights and interests in Russian criminal law. Contemporary criminal law in Russia according to the Constitution of RF is aimed at the improvement of judicial practice in the field of responsibility for improper treatment of children and elderly parents, substitution of a child, violation of confidentiality of adoption. The article states the problem and identifies the ways for its solution.

Key words: family, interests of family, criminal responsibility, substitution of a child, disclosure of a family secret.

Семья традиционно выступает важнейшим социальным институтом, играющим центральную роль в формировании личностных качеств каждого человека – члена общества. Поддержание благополучия семьи, защита ее прочности оказывает ключевое воздействие на численность и качественные характеристики общества, предопределяет направленность общественной эволюции и прогресса. В семье, в первую очередь, закладываются нравственные приоритеты, ценностные ориентиры человека, нормативные регуляторы. Не подлежит сомнению, что такое социальное явление, как семья нуждается в постоянной и всесторонней поддержке со стороны государства, а потому должна находиться в сфере государственно-правового регулирования.

Высокий статус данного общественного института отражен в нормативных положениях международного права, которые на общемировом уровне требуют поддержки и защиты семьи. Например, ч. 3 ст. 16 Всеобщей Декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря) провозглашается тезис о том, что «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства» [1]. Подобное по своему содержанию положение содержится и в п. 1 ст. 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, ратифицированного СССР 18 ноября 1973 г. [2]. Об обеспечении семье необходимой защиты и содействия говорит и преамбула Конвенции о правах ребенка 1989 г. [2].

Конституция Российской Федерации вслед за международными нормами права в ст. 38 провозгласила, что «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства». Непосредственная охрана интересов семьи со стороны общественно опасных посягательств, которые могут причинить ей существенный вред, обеспечивается уголовным законодательством, без которого защита данного института не может быть полноценной.

В Российской Федерации регулирование и охрана семейных отношений осуществляется также в рамках семейного, гражданского, жилищного и других отраслей права, которые направлены на обеспечение ее стабильного функционирования. Не случайно в юридической науке продолжают дискуссии о необходимости

криминализации или декриминализации посягательств на интересы семьи; о распределении нагрузки по охране семьи между семейным, гражданским, жилищным и другими отраслями права, с одной стороны, и уголовной – с другой [3, с. 3–4].

Не подлежит сомнению очевидный факт, что именно уголовно-правовому регулированию отводится ключевая роль в достижении целей по защите интересов семьи. Однако следует признать, что уголовное законодательство как, впрочем, и сама правоприменительная практика в этом отношении носят непоследовательный характер. Как обособленный объект уголовно-правовой защиты и охраны интересы семьи впервые были обозначены в УК РФ 1996 г. в гл. 20. Однако содержание категории «семья» здесь не было определено; то же самое можно сказать и в адрес действующего законодательства в сфере семейного права. Результатом этой неопределенности становится то, что при определении одного из видовых объектов преступлений, предусмотренных гл. 20 УК РФ, возникают непреодолимые противоречия.

Анализ положений данной главы позволяет сделать вывод о том, что уголовно-правовую охрану интересов семьи законодатель сводит к охране прав ее отдельных членов, а сам институт семьи им оставлен без должной нормативной регламентации и, соответственно, защиты [4, с. 86]. Так, например, значительная часть норм осуществляет охрану интересов несовершеннолетних. Это можно объяснить тем, что категория несовершеннолетних лиц является наиболее уязвимой с точки зрения нарушения их прав, антиобщественный характер которого зачастую вполне очевиден. Иные же составы, включенные в гл. 20 УК РФ, в частности в ст. 153 (Подмена ребенка), 154 (Незаконное усыновление (удочерение), 155 (Разглашение тайны усыновления (удочерения), 157 (Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей) и особенно ст. 156 (Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего), носят настолько глубоко латентный характер, что создают серьезные затруднения при правильной систематизации указанной категории преступлений и выстраивании законодательной конструкции правовых норм в целом.

Таким образом, необходимость совершенствования уголовного законодательства в сфере охраны интересов семьи является очевидным фактом. В этом направлении следует добиваться не столько совершенствования норм действующего законодательства, сколько расширения форм и методов уголовно-правовой защиты семейных отношений. Ведь в условиях глобализации семья неизбежно сталкивается с новыми угрозами своему функционированию, включая усиливающиеся вызовы ей со стороны альтернативных отношений, начиная с сожительства и заканчивая однополыми браками.

Анализ состояния проблемы исследования позволяет наметить следующие направления ее решения. Во-первых, необходимо провести широкомасштабную трансформацию нормативного материала в части защиты интересов семьи. При этом важным условием подобной деятельности следует признать установление российским законодательством порядка функционирования семьи как социально-юридического института. Интересы семьи в Уголовном кодексе РФ должны выглядеть целостно и комплексно, как самостоятельная субстанция, а не как абстрактная совокупность разрозненных элементов. Только в этом случае объединенные интересы членов семьи, реализуемые ими в рамках семейных правоотношений, смогут выступать в качестве обособленного объекта уголовного посягательства.

Во-вторых, для более адаптивного понимания структуры преступлений, посягающих на интересы семьи, следует провести следующую классификацию преступлений, предусмотренных гл. 20 УК РФ, с учетом анализа их непосредственных объектов:

- 1) преступления, посягающие на интересы несовершеннолетних и совершеннолетних нетрудоспособных детей (ст. 150, 151, 151¹, 154, 156 и ч. 1 ст. 157 УК РФ);
- 2) преступления, посягающие на интересы семьи в целом (ст. 153 и 155 УК РФ);
- 3) преступление, посягающее на имущественные права родителей как отдельных носителей субъективного права (ч. 2 ст. 157 УК РФ).

В-третьих, представляется оправданным отказ от уголовно-образующих оценочных признаков «корыстные или иные низ-

менные побуждения» применительно к составам преступлений, предусмотренных ст. 153 и 155 УК РФ. Кажется вполне обоснованным вывод о том, что сам факт совершения деяний, предусмотренных указанными нормами, принципиально противоречит интересам семьи.

В-четвертых, преступление, предусмотренное ст. 153 УК РФ, по конструкции объективной стороны следует признавать длящимся, так как весь период времени, в течение которого дети разлучены со своими родителями, происходит нарушение не только прав детей на воспитание своими родителями (а также на их заботу и на совместное с ними проживание), но и прав родителей воспитывать своих детей и не расставаться с ними вопреки своей воле, не иначе как по судебному решению.

В-пятых, на наш взгляд, необходимо принципиально переработать нормативное положение в части разглашения сведений, составляющих семейную тайну. В настоящей редакции Уголовного кодекса РФ их круг ограничен вопросом разглашения тайны усыновления (удочерения) и, соответственно, касается лишь интересов усыновителя. Следует ст. 155 УК РФ наполнить содержанием относительно разглашения сведений, составляющих семейную тайну, против воли членов семьи, интересы которых эти сведения затрагивают. В то же время из диспозиции ст. 137 УК РФ словосочетание «семейная тайна» будет целесообразно удалить. Как не без оснований представляется, подобный нормативный шаг (в случае его реализации) позволит устранить противоречие, существующее в настоящее время между ст. 137 и ст. 155 УК РФ.

В-шестых, назрела настоятельная проблема законодательного закрепления уголовной ответственности за заключение фиктивного брака. Поскольку в подавляющем большинстве случаев его заключение происходит вследствие корыстных побуждений лиц, пресечение подобных действий позволит государству более качественно обеспечить установленный им самим порядок функционирования института брака, составляющего основу построения традиционной и устойчивой ячейки общества.

Безусловно, перечисленные меры не могут являться исчерпывающими в деле устранения еще не решенных проблем в области охраны интересов семьи на современном этапе развития отечест-

венного уголовного законодательства. Тем не менее решение первоочередных задач, показанных в данном исследовании, позволит, на наш взгляд, заложить прочный теоретико-правовой и практический фундамент, способный обеспечить стабильное существование и поступательное развитие института семьи, а также реализацию им своих основополагающих функций.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. 1995. 5 апреля.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1996 // Права человека. Сборник международных документов. – М., 1998.
3. Акиев А.Р. Уголовная ответственность за посягательства на интересы семьи: Автореф. дис. ... к.ю.н. – Омск, 2017.
4. Векленко В.В., Акиев А.Р. Юридическая природа понятия «семья» // Общество и право. 2016. № 2 (56).

Лопатина Татьяна Михайловна

д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного права
и уголовного процесса СмолГУ, профессор кафедры
уголовного права Смоленского филиала
Международного юридического института

Lopatina T.M.

doctor of law, Department of criminal law and criminal
procedure of Smolensk state University, Professor
of criminal law Department Smolensk branch
International law Institute

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ФОРМИРОВАНИЯ ЭТИКИ ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА

PROTECTION OF HUMAN RIGHTS IN THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES AND THE FORMATION OF THE ETHICS OF E-STATE

Аннотация. В статье представлена авторская точка зрения на проблему защиты прав человека в условиях развития цифровых технологий. Заявленный в названии статьи предмет исследования представляется актуальным с позиции приоритетности права человека на информацию в условиях трансформации представления о собственности и авторском праве. Важной проблемой становится проблема профессиональной этики в сфере информационных технологий.

Ключевые слова: защита прав человека в условиях развития цифровых технологий, информационная безопасность, право на информацию, профессиональная этика в сфере информационных технологий, инфоэтика.

Abstract. The article presents the author's point of view on the problem of human rights protection in the conditions of digital tech-

nologies development. The subject of the research stated in the title of the article is relevant from the position of the priority of the human right to information in the conditions of transformation of the concept of property and copyright. An important problem is the problem of professional ethics in the field of information technology.

Key words: protection of human rights in the context of digital technologies, information security, the right to information, professional ethics in the field of information technology, infoetics.

«Тенденция активного внедрения информационных технологий во все сферы жизни и деятельности человека, наряду с позитивными завоеваниями, обусловила возникновение принципиально нового вида прав – информационных, ставших самостоятельным объектом правовой охраны» [2, с. 3]. «В докладе Генеральной Ассамблеи ООН от 16 мая 2011 г. право на доступ к сети Интернет было отнесено к неотъемлемым правам человека, ограничение доступа к сети Интернет и распространения информации признано нарушением основных прав человека» [1].

«Применительно к сфере информационных отношений, когда информационное пространство перерастает в гуманно компьютеризированное общество будущего, упадок морально-этических начал является фактором, усугубляющим имеющий место общий процесс криминализации общественных отношений. Философ Маккион утверждал, что новые жрецы появятся из технической лаборатории разработчика. Компьютерные пользователи – не тайная секта, это не «агенты» технологического империализма и не несговорчивые технократы. Речь идет об этическом аспекте использования компьютерных технологий. Профессиональное этико-моральное сознание способствует формированию позитивной жизненной установки, изменению отношения к таким социально значимым факторам, как компьютеризация и информатизация жизнедеятельности человека и общества» [4, с. 146].

Цифровая эпоха создала новые вызовы. Первоочередным правом становится право на информацию. Как результат, стала доступна правовая информация всех уровней, в том числе необходимая для правоприменения. Доступность информации проявляется в открытости информации о деятельности государствен-

ных и муниципальных органов посредством ее размещения в сети Интернет. Доступной стала информация о деятельности избирательных комиссий и об организации выборов в целом. Информационные технологии прочно вошли в избирательный процесс, и постепенно становятся современным проявлением новейших гарантий соблюдения избирательных прав граждан.

Реализация программы «Электронное правительство» привела к широкомасштабному использованию персональных данных огромного количества граждан, что, безусловно, повысило качество оказываемых гражданам услуг в электронном виде, но и создало реальную угрозу для реализации права на неприкосновенность частной жизни.

Сегодня появился новый термин «бункерный эффект», обозначающий неоправданное накопление информации государственными учреждениями, которая бессистемно складывается, со временем устаревает, загромождая информационные мощности. В таких хранилищах накапливается приватная информация о частной жизни, переписка, что порождает проблему защиты права человека на неприкосновенность и конфиденциальность личной и семейной информации как в офлайновой среде, так и в онлайн-среде.

«Цифровое наблюдение в общественных местах обеспечивает охрану и безопасность, противодействуя случайным или преднамеренным угрозам, таким как преступные действия или террористические акты. Но в то же время оно угрожает независимости, анонимности и доверию, которые составляют основу демократического общества. Новые технологии, позволяющие отслеживать местонахождение отдельных людей с помощью систем радиочастотной идентификации (RFID) или ИКТ-имплантов, столь же непредсказуемы в плане возможных опасностей и преимуществ» [6].

В социальном аспекте информационные технологии создают новые возможности в виде реализации прав граждан на участие в управлении государством, в частности, через участие в гражданских инициативах в социальных сетях (например, «Красивый Петербург», «Защитим Исаакий»), развитие плебисцитарной демократии и общественных инициатив, в том числе правозащит-

ных. Информационные технологии качественно изменили образовательный процесс, расширив право на получение образования посредством доступа к внешним источникам информации, мультимедийным образовательным технологиям.

В то же время реальной угрозой становится угроза расслоения населения не только по уровню доходов, но и по доступу к информационным технологиям. Право подрастающего поколения на воспитание в морально чистой социальной среде нарушается посредством отрицательного воздействия существующего информационного потока, который способен нанести ущерб их нравственному и психическому здоровью. «Все явственней становится угроза размывания за счет применения новых коммуникационных технологий таких фундаментальных общечеловеческих ценностей, как плюрализм, культурное и языковое разнообразие и недискриминационный доступ к различным средствам общения» [2, с. 63–65].

В связи с этим особую актуальность приобретает этическая безопасность граждан в сети Интернет. К примеру, распространение в социальных сетях так называемых групп смерти, склоняющих несовершеннолетних к совершению самоубийств, привело к тому, что в 2016 г. было зафиксировано 720 фактов самоубийств детей, а за последние три года совершен суицид 2205 несовершеннолетними.

Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 гг. указывает на изменение значения электронной информации в жизни личности, общества и государства. В связи с чем новейшие информационно-телекоммуникационные технологии стали использоваться в преступных целях, в частности для пропаганды экстремизма. Важной проблемой становится проблема профессиональной этики в сфере информационных технологий.

«Одним из первых ученых-правоведов, фундаментально исследовавших проблему информационной безопасности, стал В.Н. Лопатин. Сформулированное им определение информационной безопасности как «состояния защищенности национальных интересов страны (жизненно важных интересов личности, общества и государства на сбалансированной основе) в информационной сфере от внутренних и внешних угроз» получило

свое закрепление в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации 2000 г.» [5, с. 70–91].

Говоря о безопасности личности в информационном пространстве, необходимо выделить и такой интерес, как соблюдение информационного равенства и ликвидация существующей цифровой дискриминации. «Нуждается в глубоком осмыслении информационная теория демократии и вопрос об эффективности учреждения электронной демократии» [7].

«Значительным прорывом в обеспечении информационных прав граждан стали поправки к Конституции Греции, которые впервые на конституционном уровне закрепили право личности на участие в информационном обществе. Праву на участие личности в информационном обществе корреспондирует обязанность государства предпринимать позитивные действия для обеспечения равного для всех доступа к информационному обществу» [2, с. 226].

В связи с имеющей место тенденцией закрепления информационных прав как одного из конституционного права человека и гражданина, возникает вопрос об их соблюдении. Защищенность прав личности в процессе применения технических средств, используемых для перехвата, обработки и анализа информации, использование которых, с одной стороны, значительно упрощает процесс перехвата информации, а с другой – требует законодательного закрепления форм ответственности за злоупотреблениями, является актуальной проблемой современности. Одной из действенных мер предупреждения распространения и применения обозначенных технических средств являются меры уголовно-правового характера в виде запрета их обращения.

Использование технических средств как вспомогательных инструментов при расследовании и раскрытии преступлений во многом способствует получению достоверных доказательств. В связи с этим в ближайшей перспективе современное законодательство потребует существенного реформирования с учетом возможности применения технических средств как основных средств протоколирования следственных действий (аудиовизуальный протокол), так и средств фиксации доказательств.

Следовательно, принцип правовой защищенности человека и гражданина должен лечь в основу решения проблемы «человек и электронное государство» и обеспечения реализации информационных прав.

К концу XX в. проблема обеспечения всеобщего соблюдения прав человека стала неотъемлемой составляющей системы международной безопасности, а права, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека, должны защищаться вне зависимости от уровня доступности информационно-телекоммуникационных технологий и появления иных новых технологических достижений.

Таким образом, эффект от использования информационных технологий в криминальных целях усиливается посредством нарушения информационных прав человека и гражданина, что требует корректировки законотворческой и правоприменительной практики.

Огромная концентрация социально значимой, в том числе конфиденциальной, информации, стремление государства реализовать широкомасштабную программу формирования системы электронного государственного управления и активно формирующееся виртуальное сообщество граждан предъявляют все более высокие требования к проблеме информационной безопасности.

Нам представляется, что интересы личности должны иметь первостепенное значение в процессе реализации государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 гг.)». В качестве таковых могут быть выделены: качество жизни граждан в условиях развития информационного общества и формирования электронного государства; безопасность информационного пространства.

Обеспечение информационной безопасности личности в таких условиях должно основываться в том числе на реализации конкретных мер по формированию этики электронного государства, соблюдение которой субъектами информационного обмена является обязательной, что позволит достичь баланса интересов личности, интересов общества и интересов информационного государства.

Таким образом, обозначенные вопросы не исчерпывают собой проблемного поля информационной этики и использования информационно-коммуникационных технологий. Проблема информационной этики, связанная с «цифровым неравенством», является не проблемой технического доступа к интернету, а проблемой открытого информационного общества, в котором контуры свободы и безопасности определяются влиянием цифровых технологий. Возникла необходимость формирования общих этических принципов для того, чтобы цифровая культура могла стать истинным символом свободы человека и гражданина.

Библиографический список

1. Доклады Генерального секретаря за 2011 г. // <http://www.un.org/ru/sc/documents/sgreports/2011>
2. Право на доступ к информации. Доступ к открытой информации / Отв. ред. И.Ю. Богдановская. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2009.
3. Земсков М.Д. Актуальные проблемы соблюдения прав человека в информационном обществе // Власть. 2013. № 11.
4. Капурро Р. Информационная этика // <https://lektsii.org/3-96768.html>
5. Лопатина Т.М. Криминологические и уголовно-правовые основы противодействия компьютерной преступности. Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006.
6. Лопатин В.Н. Информационная безопасность России. Дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2000.
7. Сергеев А.С. Проблематика информационной этики в отечественной мысли // http://www.intelros.ru/pdf/Diskusi_etiki/2012_1/sergeev.pdf. (дата обращения: 14.04.2018).

Михалева Наталия Владимировна

старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса Тульского филиала
Международного юридического института

Mikhaleva N.V.

senior lecturer of the Department of Civil law and
procedure of the Tula branch of the International law
Institute

**СУДЕБНАЯ РЕФОРМА В РФ:
ПЕРСПЕКТИВЫ УЛУЧШЕНИЯ ЗАЩИТЫ
ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА
И ГРАЖДАНИНА**

*JUDICIAL REFORM IN RUSSIA: PROSPECTS
FOR BETTER PROTECTION OF THE RIGHTS
AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN*

Аннотация. В статье рассматриваются основные изменения, проводимые в ходе судебной реформы, отмечаются их позитивные и негативные аспекты, дается анализ оценки возможности улучшения соблюдения прав человека и гражданина в РФ в ходе рассмотрения и разрешения гражданских дел в судах общей юрисдикции.

Ключевые слова: судебная реформа, суды общей юрисдикции, соблюдение прав и свобод человека, доступ к правосудию, принципы гражданского процесса.

Abstract. The article considers the main changes made in the course of judicial reform, their positive and negative aspects are noted, the assessment of the possibility of improving the observance of human and citizen rights in the Russian Federation in the course of consideration and resolution of civil cases in courts of General jurisdiction is given.

Key words: judicial reform, courts of General jurisdiction, respect for human rights and freedoms, access to justice, principles of civil procedure.

В соответствии с Федеральным конституционным законом от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [1] и Гражданским процессуальным кодексом от 14.11.2002 № 138-ФЗ [2], система судов общей юрисдикции представлена мировыми судьями, районными судами, верховными судами республик, краевыми (областными) судами, судами городов федерального значения, судом автономной области, судами автономных округов, а также Верховным Судом РФ. Все названные суды могут рассматривать гражданские дела определенных категорий по первой инстанции. По результатам рассмотрения дела выносится решение, которое может быть обжаловано в апелляционном порядке несогласной с ним стороной. За апелляцией может следовать кассация. Эта схема кажется достаточно простой, логичной и прозрачной. На первый взгляд, представляется, что права и свободы человека и гражданина защищаются несколькими ступенями судов, однако на деле иногда возникают ситуации, когда это не так.

Как отмечают эксперты и инициаторы проведения реформы судебной системы – проблема заключается в том, что апелляционный и кассационный составы суда находятся в тесной взаимосвязи с судьями (составами), рассматривавшими дело по первой инстанции. Эта взаимосвязь сведена к тому, что они располагаются в одном и том же здании суда, подчиняются одному и тому же председателю суда, работают с одними и теми же людьми в аппарате и так или иначе связаны с органами власти того или иного региона. Такая ситуация ставит под сомнение соблюдение права граждан Российской Федерации на беспристрастное и объективное рассмотрение дела в суде. Вопросы о коррупции, о «телефонном праве», об обеспечении реальной независимости судей не могут и дальше оставаться нерешенными.

Судебная реформа началась в Российской Федерации в 90-х гг. и с разными темпами активности продолжается по сегодняшний день. Новый виток реформы станет одним из наиболее важных

для российской судебной системы, ведь ожидается разрушение привычной системы апелляционной и кассационной инстанций в судах общей юрисдикции и создание на их месте совершенно новой по своей иерархии системы. Однако нужно заметить, что новой эту систему назвать можно с долей натяжки – она уже была опробована в системе арбитражных судов и успешно функционирует по сей день.

Планируется, что апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции будут созданы по образу и подобию арбитражных судов этого звена, а именно – они не будут привязаны к административно-территориальному делению Российской Федерации, а будет введена в действие система судебных округов.

У данного деления на округа есть один неоспоримый плюс – таким образом вышестоящие суды выводятся из-под пусть и гипотетического, но влияния органов власти субъекта – ведь теперь они будут носить межрегиональный характер. Кроме того, исключается фактор знакомства судей друг с другом. Сейчас, когда в некоторых судах сосредоточены все три инстанции (первая, апелляция и кассация), вопрос объективности судей является весьма насущным – люди много лет работают в одном и том же коллективе и между ними невольно складываются те или иные отношения. Позитивные они или негативные – все это может ставить под угрозу объективность, учитывая тот факт, что иногда наше законодательство не может похвастаться совершенством и оставляет на усмотрение судов решение тех или иных вопросов.

Основной довод за создание принципиально новой системы судов – обеспечение объективности и независимости судей. При предложенной схеме, каждая новая судебная инстанция никак не будет связана с предыдущей, что позволит судьям вышестоящей инстанции давать наиболее свежую и объективную оценку обстоятельствам дела, а их контакты с судьями нижестоящих инстанций будут сведены к минимуму или и вовсе невозможны.

Позитивным является и тот аспект, что такое построение судебной системы равномерно распределит судебную нагрузку, позволив снизить загруженность судов, что сократит сроки рассмотрения дел и способствует повышению качества рассмотре-

ния дел по первой инстанции. Последний фактор, безусловно, повысит ответственность судей при рассмотрении и разрешении дел по первой инстанции.

Однако вызывает определенную тревогу вопрос доступности правосудия. Если количество апелляционных и кассационных судов будет резко сокращено, то как к этому может отнестись рядовой гражданин Российской Федерации? Определенная психологическая проблема, безусловно, будет присутствовать. Да, в судебной системе введена и успешно функционирует система видеоконференцсвязи, но все ли жители нашей страны готовы участвовать в судебном процессе, используя ее? Для многих пожилых людей это может стать серьезной психологической проблемой, которая усугубит состояние стресса из-за судебного разбирательства. А в случае, если гражданин решит лично присутствовать в судебном процессе, его ждут неминуемые финансовые затраты, которые, лишь возможно, вернутся к нему через какой-то промежуток времени. Затраты на дорогу и, возможно, размещение в гостинице станут рядовыми судебными расходами. Кроме того, думается, стоит ждать и скачка цен на услуги адвокатов, которые теперь будут вынуждены проводить гораздо больше времени в командировках, вероятно, отказываясь от возможности брать и вести другие дела. Этот финансовый аспект может вызвать серьезные трудности у населения.

Нельзя не отметить, что в ходе реформы рассматривается вопрос о том, что для приближения правосудия к месту нахождения или жительства лиц, участвующих в процессе, могут образовываться постоянные судебные присутствия, которые будут располагаться вне постоянного места нахождения суда и осуществлять его полномочия. Но в этом случае, думается, уйти от проблемы возможного давления на судей, их заинтересованности в исходе дела и других проблем, которые стремится решить законодатель, вряд ли получится.

Еще одна сложность, с которой придется столкнуться – возможное сокращение численности судей. Судов апелляционной и кассационной инстанции будет меньше, а значит, и судей тоже. Грядет сокращение и, как следствие, весьма ощутимой статьей расходов для федерального бюджета станет выплата выходных

пособий судьям, которым не найдется места во вновь образованных судах, или тем, кто не пожелает перебираться на новое место жительства из-за работы. Ведь среди экспертов все настойчивее звучит мнение о необходимости учета территориального принципа при назначении судей на новые должности – так для сведения к минимуму коррупционной составляющей в апелляционных и кассационных судах в суды, расположенные на Дальнем Востоке, логично было бы назначить судей из центральных или южных регионов страны. В этом случае на новом месте оказывается совершенно новый человек, который ни с кем не знаком и у органов власти нет возможных путей воздействия на него.

Потребуются затраты и на материально-техническое обеспечение новой судебной системы – возможно, будет необходимо строительство или капитальный ремонт зданий, в которых будут располагаться суды, или же плата за их аренду, обустройство, расходы, связанные с переездом в другие регионы сотрудников.

Подводя итог, можно отметить, что экстерриториальность важна для борьбы с коррупционной составляющей и рядом проблем, тесно связанных с личностями самих судей. Этот принцип позволит в полной мере говорить о том, что российская судебная система действительно обладает признаками независимости, ведь в данном случае неизбежно реальное повышение независимости судей.

На первый взгляд такие масштабные перемены не могут не пугать, и нельзя отрицать неизбежные организационные проблемы в первое время. Однако, арбитражные суды успешно функционируют.

Библиографический список

1. Федеральный конституционный закон от 21.12.2006 № 1-ФКЗ (ред. от 5.02.2014) «О судебной системе Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
2. Гражданский процессуальный кодекс от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 3.04.2018) // СПС КонсультантПлюс.

Моргуленко Евгений Андреевич

канд. юрид. наук, доцент, профессор кафедры
уголовного права Военного университета

Morgulenko E.A.

PhD in Law, Associate Professor, Professor of the
Department of Criminal Law of the Military University

ЛАТЕНТНОСТЬ ПРЕСТУПНОСТИ КАК ФАКТОР, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЙ ЭФФЕКТИВНОЙ ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*THE CRIME LATENCY AS A FACTOR IMPEDING THE
EFFECTIVE PROTECTION OF HUMAN AND CITIZEN
RIGHTS AND FREEDOMS IN RUSSIAN FEDERATION*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы латентной преступности и ее влияния на эффективность защиты прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: латентность, латентная преступность, проблемы защиты прав и свобод личности.

Abstract. The article deals with some actual problems of latent crime and its impact on the effectiveness of the protection of human and citizens rights and freedoms.

Key words: latency, latencies criminality, problems of protection person's rights and freedoms.

Современное состояние отечественной преступности и ее криминологические показатели, неблагоприятные тенденции отдельных преступных проявлений, посягающих на интересы личности, общества и государства, возрастание криминальных угроз, связанных с использованием электронных и высокотехнологичных способов совершения преступлений – все это актуализи-

рует предпринимаемые усилия правоохранительных органов, направленные на обеспечение контроля над преступностью и ее предупреждение.

Однако необходимой предпосылкой эффективности таких усилий служит знание подлинных масштабов преступности в нашей стране, оперирование реальными показателями фактического ее состояния и структуры, а не только той части, которая нашла отражение в официальных данных уголовного учета.

Особенно это важно и актуально для сферы защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе от преступных посягательств, поскольку указанная сфера не только продекларирована Конституцией Российской Федерации и отраслевым отечественным законодательством в качестве приоритетной для целей правовой охраны, но и, учитывая наибольшую уязвимость личности от криминальных угроз, по сравнению с другими объектами уголовно-правовой защиты, именно законные интересы человека и гражданина должны являться отправной точкой в организации системного противодействия преступности. Но, как уже отмечалось выше, без максимально полного знания подлинных масштабов преступности в нашей стране эффективность антикриминального противодействия представляется маловероятной. Ведь отсутствие достоверных данных о латентной преступности существенно искажает наше понимание ее реального состояния, структуры, динамики, тенденций развития отдельных категорий преступлений, наши представления о величине и характере фактического ущерба от преступной деятельности. Все это затрудняет достоверность прогнозирования тенденций преступности, отрицательно сказывается на выборе стратегии и тактики борьбы с ней и, в конечном итоге, приводит к низкой эффективности средств и методов достижения целей антикриминального воздействия.

Тенденция к снижению преступности, стабильно фиксирующаяся в течение последнего десятилетия в документах официальной отчетности, не подтверждается результатами исследования латентной ее составляющей. Серьезные научные исследования латентной преступности на основе комплексной исследовательской методики позволяют констатировать, что уровень фак-

тической преступности в нашей стране более чем в восемь раз превышает уровень зарегистрированной. Так, по результатам изучения латентной преступности, проведенного НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, количество незарегистрированных преступлений составляет не менее 22 млн [1]. Аналогичные цифры были получены в ходе исследований, осуществленных сотрудниками ВНИИ МВД РФ [2]. Сходные оценки латентной преступности дают и представители Института государства и права РАН [3].

Как известно, уголовная статистика в нашей стране основывается только на данных официальной уголовной регистрации. Однако результаты криминологических исследований последних десятилетий объективно свидетельствуют о том, что официальные данные отечественного статистического учета совершенных преступлений, в том числе посягающих на витальные, физиологические, социальные, экономические и другие интересы личности, не вполне объективны, поскольку не учитывают массив незаявленных к регистрации преступлений, а иногда и подвержены корректировке в зависимости от установок заинтересованных должностных лиц. Ту часть фактической преступности, которая по различным причинам не нашла своего отражения в документах официальной уголовной регистрации, в юридической теории и практике принято называть латентной преступностью.

В криминологической науке существует довольно значительное количество определений понятия латентной преступности и ее основных признаков, большинство из которых следует признать справедливыми и вполне обоснованными, исходя из персональных задач ученых, исследовавших этот сложный криминологический феномен. Одним из них является определение, способное послужить отправной точкой в анализе рассматриваемого криминологического явления как фактора, препятствующего защите прав и свобод человека и гражданина, в соответствии с которым латентная преступность – это та часть всех фактически (реально) совершенных преступлений, которые были сокрыты преступниками либо о которых не было сообщено потерпевшими, свидетелями или иными лицами ни в один компетентный орган уголовной юстиции, а также которые не были учтены (зарег-

гистрированы) ни в одном компетентном органе, и, кроме того, те неустановленные деяния, в отношении которых органами уголовной юстиции не было предпринято никаких надлежащих последующих, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством действий [4].

Как видно из приведенного определения, субъектами латентизации преступлений, посягающих на права и свободы человека и гражданина (преступления против личности, преступления против собственности, преступления против здоровья населения и др.) являются прежде всего сами потерпевшие и свидетели, а также должностные лица компетентных органов, уполномоченные уголовно-процессуальным законодательством реагировать на поступившую к ним информацию о совершенном преступлении (преступники здесь не указаны по причине их изначальной незаинтересованности в восстановлении социальной справедливости и торжестве правосудия). Следовательно, именно на этот круг лиц и должны быть направлены усилия системы антикриминального воздействия нашего общества в ходе выполнения задачи по снижению уровня латентной преступности и улучшения ее структуры.

В соответствии с результатами вышеуказанного исследования латентной преступности, проведенного НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, наиболее высока латентность преступлений в сфере экономики (58 %), на втором месте по распространенности – латентные преступления против общественной безопасности и общественного порядка (18 %), а третье место занимают преступления против личности (15 %). Результаты данного исследования объективно доказывают, что механизмами коррекции официальной отчетности являются укрытие от учета заявлений граждан о преступлениях и снижение активности деятельности компетентных органов по выявлению незаявленных преступлений. Отмечается также и тот факт, что число граждан, обратившихся в правоохранительные органы с заявлениями о преступлении, с каждым годом неуклонно снижается.

Среди причин низкой «заявительной» активности потерпевших и свидетелей отмечается: отсутствие у многих из них уверенности в том, что обращение в правоохранительные органы

способно привести преступника на скамью подсудимых; нежелание «связываться» с уголовным судопроизводством, в том числе из-за необходимости тратить свое личное время (которое в совокупном материальном выражении иногда стоит дороже утраченного в результате преступления имущества) на процессуальные процедуры; неверие в возможности правоохранительных структур изобличить преступника, страх мести заявителю и его близким со стороны виновных в совершении преступления лиц, их родственников и знакомых. При этом немалая часть потерпевших убеждена в том, что преступники смогут избежать ответственности, дав взятку «нужному» сотруднику правоохранительных органов.

Приведенные мотивы, во многом определяющие недопустимо высокий уровень латентности преступлений против личности, в сочетании с подверженными вышеуказанными криминологическими исследованиями более 40 % количеством опрошенных граждан, указавших, что не доверяют сотрудникам правоохранительных органов и поэтому не станут обращаться к ним в том случае, если станут жертвой преступления, свидетельствуют о том, что в работе нашей правоохранительной системы продолжают сохраняться серьезные недостатки, объективно препятствующие улучшению ситуации с высоким уровнем латентной преступности в нашей стране. По справедливому утверждению С.М. Иншакова, латентная преступность – это сложное социально-правовое явление, которое отражает не только «показатель безнаказанности» правонарушителей, но и уровень способности государства и общества вести организованную борьбу с посягательствами на установленную в них законность и правопорядок [5].

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что латентная преступность является отнюдь не абстрактной совокупностью зарегистрированных преступлений, а представляет собой количественно-качественный показатель реального состояния организации противодействия преступности в целом и степени защищенности прав и свобод личности, в частности. Чем выше уровень латентной преступности, тем больше число преступлений, оставшихся без надлежащего государственного реагирования. Чем весомее цифра скрытого криминала, тем большее число людей об-

ретает уверенность в том, что можно совершить преступление и избежать предусмотренного за это законом наказания.

Борьба с латентной преступностью является важнейшим условием укрепления законности и правопорядка, обеспечения реализации принципа неотвратимости ответственности каждого из преступивших закон лиц и, в конечном итоге, снижения уровня фактической преступности, улучшения иных ее характеристик.

Понимание этого обстоятельства заставляет задуматься над решением проблемы латентной преступности умы ведущих отечественных ученых постсоветского периода. Редкая диссертация по криминологической проблематике последнего времени обходится без анализа латентности рассматриваемого в работе преступления или иного криминального проявления. В юридической литературе высказано огромное количество предложений, направленных на сокращение латентной преступности в целом и преступлений, посягающих на личность в частности, многие из которых реально смогли бы способствовать снижению уровня незарегистрированных преступлений в нашей стране. Вместе с тем реализация этих предложений на законодательном уровне оставляет желать лучшего.

В качестве основных направлений реализации нашим государством накопленных юридической наукой предложений по снижению латентной преступности в настоящее время следует отметить: необходимость обеспечения полноты и достоверности уголовной регистрации; совершенствование механизма действия единой информационной системы статистического учета; дифференциацию усилий правоохранительных органов в зависимости от тяжести совершенных преступлений: на выявление тяжких и особо тяжких преступлений общество должно выделять дополнительные ресурсы, а борьба с этими преступлениями должна быть всемерно ужесточена, в то время как значительную часть преступлений небольшой тяжести можно было бы перевести в разряд административных правонарушений, а по многим преступлениям средней тяжести упростить процедуру досудебного и судебного производства [5].

Реализация на государственном уровне указанных мер могла бы не только существенно улучшить работу правоохранитель-

ных органов по выявлению преступных деяний, их уголовной регистрации и осуществлению уголовного преследования лиц, их совершивших, но и реально повысить активность наших граждан в стремлении защищать свои нарушенные права и свободы человека и гражданина.

Библиографический список

1. Иншаков С.М., Корсантия А.А., Дроздов В.Ю. и др. Структура латентной преступности в Российской Федерации. – М.: Академия Генеральной прокуратуры, 2009.
2. Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. – М., 2008.
3. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. – М., 2005.
4. Оноколов Ю.П. К вопросу об определении понятия «латентные преступления» // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2010. № 5.
5. Иншаков С.М. Латентная преступность как показатель эффективности уголовной политики // Российский следователь. 2008. № 14.

Ревенко Яна Дмитриевна

канд. юрид. наук, заведующая кафедрой уголовно-
правовых дисциплин Смоленского филиала
Международного юридического института

Revenko Y.D.,

can. of Law, Head of the Department of Criminal Law
Disciplines of the International Law Institute

**ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ст. 322.2 УК РФ –
ФИКТИВНАЯ РЕГИСТРАЦИЯ ГРАЖДАНИНА
РФ ПО МЕСТУ ПРЕБЫВАНИЯ ИЛИ
ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА В ЖИЛОМ
ПОМЕЩЕНИИ В РФ И ФИКТИВНАЯ
РЕГИСТРАЦИЯ ИНОСТРАННОГО
ГРАЖДАНИНА ИЛИ ЛИЦА БЕЗ
ГРАЖДАНСТВА ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА
В ЖИЛОМ ПОМЕЩЕНИИ В РФ**

*ISSUES OF ATTRACTION TO CRIMINAL
RESPONSIBILITY UNDER ST.322.2 OF THE CRIMINAL
CODE OF THE RUSSION FEDERATION – FICTITIOUS
REGISTRATION OF A CITIZEN OF THE RUSSIAN
FEDERATION BY RESIDENCE OR BY RESIDENCE
IN A RESIDENTIAL BUILDING IN THE RUSSION
FEDERATION AND BY THE REGISTRATION
OF A FOREIGN CITIZEN OR A PERSON WITHOUT
CITIZENSHIP BY RESIDENCE IN A RESIDENTIAL
BUILDING IN THE RUSSIAN FEDERATION*

Аннотация. В статье анализируется состав преступления –
фиктивная регистрация гражданина РФ по месту пребывания

или по месту жительства в жилом помещении в РФ и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в РФ, рассматриваются проблемы привлечения к уголовной ответственности по ст. 322.2 УК РФ.

Ключевые слова: фиктивная регистрация, место жительства, приговор, учет граждан, иностранный гражданин.

Abstract. The article analyzes the crime – fictitious registration of a citizen of the Russian Federation at the place of residence or place of residence in a residential area in the Russian

Federation and fictitious registration of a foreign citizen or a stateless person at the place of residence in a residential area in the Russian Federation, considers the problems of criminal prosecution under article 322.2 Criminal code.

Key words: fictitious registration, place of residence, sentence, registration of citizens, foreign citizen.

Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» дополнил положения Уголовного кодекса РФ ст. 322.2, предусматривающей ответственность за осуществление фиктивной регистрации по месту жительства в жилом помещении на территории РФ.

Как указано в пояснительной записке к проекту Федерального закона № 200753-6, «положения законопроекта направлены на обеспечение соблюдения гражданами и должностными лицами правил регистрационного учета граждан по месту жительства в пределах Российской Федерации, а также на обеспечение соблюдения иностранными гражданами и лицами без гражданства и должностными лицами правил миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [3]. Таким образом, необходимость криминализации подобных действий и невозможность ограничиться только административной ответственностью сами разработчики законопроекта не обосновали.

Необходимость введения именно уголовной ответственности за подобного рода деяния сразу же была поставлена под

сомнение как учеными, так и обществом. И представители научного сообщества, и правоприменители вполне обоснованно, на наш взгляд, полагают, что законодатель явно поспешил с введением уголовной ответственности за данные действия, поскольку закономерно возникает вопрос о том, действительно ли общественная опасность данных деяний настолько велика, чтобы считать их преступлениями?

Непосредственным объектом рассматриваемого преступления является установленный нормативными актами порядок регистрации граждан РФ и иностранных граждан по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации.

Объективная сторона преступления включает в себя единственный признак – деяние, которое может быть выражено в совершении следующих альтернативных действий:

1) регистрация по месту жительства граждан РФ, иностранных граждан или лиц без гражданства на основании представления заведомо недостоверных сведений или документов;

2) регистрация по месту жительства граждан РФ, иностранных граждан или лиц без гражданства без намерения у них пребывать или проживать в нем;

3) регистрация по месту жительства граждан РФ, иностранных граждан или лиц без гражданства без намерения предоставить им эти помещения для пребывания или проживания.

Анализ объективной стороны показывает, что фиктивная регистрация понимается законодателем не только как какая-то поддельность (подложность) такой регистрации граждан России, иностранных граждан и лиц без гражданства без соответствующих оснований (т.е. предоставление заведомо недостоверных сведений или документов для такой регистрации), но и как законная по процедуре регистрация указанных граждан, но без намерения предоставления нанимателями для проживания жилых помещений.

Моментом окончания преступления признается факт регистрации, который обязательно должен иметь под собой документальное подтверждение.

Субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Однако, основываясь на специфике объективной стороны приведенных деяний, можно выделить следующие виды субъекта, такие как:

1) должностное лицо или государственный служащий, не являющийся должностным лицом, федерального органа исполнительной власти РФ по контролю и надзору в сфере миграции, чья деятельность связана с приемом (передачей) документов и (или) принятием решения о регистрации, а также указанные выше лица, представившие заведомо недостоверные (ложные) сведения или документы для регистрации или постановки и на учет;

2) собственник или иной владелец жилого помещения на территории РФ, который в нем регистрирует граждан РФ, иностранных граждан или лиц без гражданства, без намерения предоставить это помещение для пребывания или проживания;

3) гражданин РФ, иностранный гражданин или лицо без гражданства, которое зарегистрировано в жилом помещении на территории РФ, без намерения пребывать или проживать в нем.

Субъективная сторона анализируемых деяний характеризуется прямым умыслом: виновное лицо осознает общественную опасность фиктивной регистрации и желает этого. Кроме того, как видно из характеристики объективной стороны преступления, фиктивная регистрация предполагает обязательное наличие в действиях субъекта преступления, предусмотренного ст. 322.2 УК РФ, признака заведомости, т.е. достоверного знания субъектом об отсутствии оснований для регистрации гражданина Российской Федерации, иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства[1].

Несмотря на то, что заведомость на протяжении нескольких столетий выполняет важную роль в уголовном судопроизводстве по отграничению преступного поведения от непроступного, тем не менее до сих пор данный признак состава преступления является одним из наименее исследованных. В теории уголовного права не разработано четких юридических критериев определения заведомости, кроме того, отсутствует даже ее понятийное толкование. «Обделенная вниманием теории

уголовного права, заведомость часто напоминает о себе на практике, вызывая массу ошибок при квалификации связанных с ней общественно опасных деяний. Кроме того, заведомость относится к внутренним психологическим характеристикам преступного поведения и потому крайне сложна для доказывания» [4].

Различные точки зрения и обсуждения целесообразности введения ст. 322.2 УК РФ в Уголовный кодекс продолжают среди ученых и практикующих специалистов и на сегодняшний день. Следует отметить, что практика по судебным делам и количество привлеченных по рассматриваемой статье к уголовной ответственности лиц неуклонно увеличивается. Однако эффективность достижения основных целей, для достижения которых введена ст. 322.2 УК РФ, по нашему мнению, отсутствует. Эффективность применения указанной нормы в борьбе с владельцами и организаторами «резинowych квартир» в примерах практики не встречаются. Зачастую используемые для регистрации жилые помещения продолжают применяться для регистрации без последствий для их владельцев и организаторов. Появляются иные методы, позволяющие преодолеть требования законодательства и получить регистрацию недобросовестному лицу.

Уголовное преследование осуществляется в отношении широкого круга лиц по формальным признакам.

Так на практике, на стадии дознания и судебного разбирательства к уголовной ответственности привлекаются люди, которые, являясь собственниками жилых помещений, производили регистрацию в них лиц для благих целей, например родственников или соотечественников в целях обеспечения их жилым помещением. Одним из примеров необоснованного и несправедливого уголовного преследования по ст. 322.2 УК РФ является уголовное дело по обвинению Самсоновой Татьяны Викторовны, рассмотренное в Смоленской области в 2017–2018 гг.

Органами предварительного расследования Самсонова Татьяна Викторовна 1964 г.р. – инвалид-колясочник – обвинялась в фиктивной регистрации иностранных граждан – семьи беженцев с Донбасса – по месту своего жительства в своем жилом доме,

расположенном на территории Смоленской области. По мнению правоохранительных органов, Самсонова Т.В., преследуя личные интересы, при обращении к ней иностранных граждан Республики Украина решила совершить их фиктивную регистрацию по месту жительства, заведомо зная о том, что они не имеют намерения проживать в принадлежащем ей на праве собственности жилом помещении.

Судом установлено, что Самсонова Т.В. не имела прямого умысла, не знала и не желала совершить фиктивную регистрацию иностранных граждан по месту жительства в жилом помещении в РФ, полагая, что семья беженцев из Украины имеет намерение постоянно проживать (отказа с ее стороны не было) в ее жилом помещении. Приговором мирового судьи Кардымовского района Смоленской области 6 декабря 2017 г. была оправдана Самсонова Татьяна Викторовна по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 322.2 УК РФ, на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ за отсутствием в ее деянии состава преступления, поскольку ее умысел на совершение фиктивной регистрации иностранных граждан по месту жительства в жилом помещении в РФ не был доказан.

Показательно в приведенном примере и многих уголовных делах по ст. 322.2 УК РФ то обстоятельство, что на момент возбуждения уголовного дела в отношении Т.В. Самсоновой семья наших соотечественников, тех, кого приютила Т.В. Самсонова, получила гражданство РФ и постоянно проживала на территории Смоленской области, трудоустроилась и воспитывала детей, приносила пользу нашей стране. Все чаще встречаются уголовные дела, возбужденные в отношении лиц, зарегистрировавших в своем жилом помещении родственников, детей. К уголовной ответственности привлекаются друзья и люди, согласившиеся помочь соотечественникам в трудной ситуации и зарегистрировавшие их в своих жилых помещениях. Возникает вопрос, справедливо ли привлекать указанных лиц к уголовной ответственности? Степень общественной опасности от перечисленных деяний не достаточна для таких последствий. Должны ли перечисленные действия предусматривать уголовную ответственность и содержать признаки состава преступления?

Законодательством РФ предусмотрена и административная ответственность. С точки зрения справедливости и соразмерности наказания совершенному деянию эффективней ввести соответствующую норму в КоАП РФ, эффективно ее сформулировать и предусмотреть соразмерное наказание в рамках рассмотрения дела об административном правонарушении.

Видимо, понимая спорность подобной криминализации преступления небольшой тяжести, депутаты предусмотрели в указанных статьях примечания с идентичными условиями об освобождении от уголовной ответственности: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию этого преступления и если в его действиях не содержится иного состава преступления». Но это не реабилитирующее основание. Кроме того указанная формулировка является оценочной и не предполагает прекращения уголовного преследования при признании вины обвиняемым.

В Письме Общественной палаты РФ от 1.03.2013 № 40П-3/ 407 заключение по результатам общественной экспертизы проекта федерального закона № 200753-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» было указано на несогласие Общественной палаты РФ на изменения уголовного закона в части введения ст. 322.2 УК РФ. Обосновывая свою позицию мнением компетентных специалистов и результатами общественного контроля, авторы обратили внимание, что «существующие проблемы «резиновых домов» и большое количество незарегистрированных граждан не столько связаны с незначительностью санкций, сколько с отсутствием жилого фонда, пригодного для проживания трудовых мигрантов, а также несовершенством процедур регистрации» [2].

На основании изложенного считаем целесообразным внесение в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях изменений, предусматривающих административную ответственность за нарушение правил регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту

жительства в пределах Российской Федерации и правил миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, и декриминализацию ст. 322.2 УК РФ.

Библиографический список

1. Борисов С.В. Уголовная ответственность за фиктивную регистрацию (постановку на учет) по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации // Юридическая наука. 2015. № 2.

2. Письмо Общественной палаты РФ от 01.03.2013 № 40П-3/407. Заключение по результатам общественной экспертизы проекта федерального закона № 200753-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» http://gospismo.ru/librarv/zakproekt_1907

3. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 200753-6 // [http://asozd.duma.uov.ru/main.nsf/\(Spravka\)](http://asozd.duma.uov.ru/main.nsf/(Spravka))

4. <https://www.lawmix.ru/comm/4775>

Редков Сергей Константинович

канд. пед. наук, доцент, заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин Ивановского филиала
Международного юридического института

Redkov S.K.

the candidate of pedagogical Sciences, associate
Professor, head of Department of criminal legal
disciplines Ivanovo branch International law Institute

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ УГОЛОВНОГО ПРАВА В СВЕТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

UNDERSTANDING THE ISSUES OF CRIMINAL LAW FROM THE PERSPECTIVE OF HUMAN RIGHTS PROTECTION

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы толкования и правоприменения таких уголовно-правовых понятий, как формы и виды вины, соучастие в преступлении, неоднократность и предлагается авторская позиция по разрешению правовых противоречий.

Ключевые слова: уголовная политика, правоприменительный произвол, неосторожная форма вины, активный пособник, виды множественности, уголовно-правовые отношения.

Abstract. The article deals with the problems of interpretation and law enforcement of such criminal law concepts as forms and types of guilt, complicity in the crime, and suggests the author's position on the resolution of legal contradictions.

Key words: criminal policy, law enforcement arbitrariness, careless form of guilt, active accomplice, types of multiplicity, criminal law relations.

Уголовное законодательство, регулирующее уголовно-правовые отношения, опирается в основном, на карательные методы. Следовательно, реализация уголовно-правовых норм ведет к самым суровым ограничениям прав и существенному ограничению (лишению) свободы человека и гражданина. Именно поэтому к формированию уголовно-правовых норм необходимо подходить продуманно и профессионально.

Соблюдение прав и законных интересов граждан в области применения норм уголовного права невозможно без устойчивости и однозначности их уяснения.

В противном случае образуются бреши, которые дают возможность для правоприменительного произвола и, как следствие, нарушения прав граждан.

Для успешной реализации уголовной политики государства необходимо четкое понимание норм, регулирующих уголовно-правовые отношения.

В уголовном праве должно быть как можно меньше коллизий, пробелов и двусмысленностей.

Это достигается устоявшейся теорией, идеи которой отражены в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Основные теоретические понятия выражены в Общей части УК РФ, так как она, по сути, является общей гипотезой уголовно-правовой нормы.

Мы выделили три основные проблемные направления теории уголовного права, отраженные в УК РФ:

1. Учение о вине.
2. Учение о соучастии в преступлении.
3. Учение о множественности преступлений.

Изучая институт вины в уголовном праве, можно прийти к выводу, что большинство преступлений может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности.

Сумятицу вносит поспешно измененная редакция первоначального содержания ч. 2 ст. 24 УК РФ в Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. Федеральным законом от 25 июля 1998 г. № 92-ФЗ:

«2. Деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально преду-

смотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса» [1].

В первоначальной редакции ч. 2. ст. 24 УК РФ звучала так: «Деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса» [2].

В этой синтаксической конструкции все логично и понятно, слово «только» находится на своем месте и проясняет семантическое значение всего предложения. То есть правоприменителю дается указание на определение формы вины в диспозициях Особенной части УК РФ по следующей схеме – если нет в тексте диспозиции слова «неосторожность» или его синонима, то преступление следует считать умышленным.

Однако в ныне действующей редакции слово «только» перенесено на другое место в предложении, и значение всей конструкции существенно поменялось.

Каков был замысел законодателя? Обустроить уголовные нормы по примеру административных? Или отграничить неосторожные деяния от преступлений с двойной формой вины? Или просто выступили в роли Виктора Перестукина, попавшего в Страну невыученных уроков и ломающего голову над проблемой постановки запятой в нужное место.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 26.05.2015) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» сказано:

«Исходя из положений ч. 2 ст. 24 УК РФ, если в диспозиции статьи гл. 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее экологическое преступление может быть совершенно умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава экологического преступления. Например, преступления, предусмотренные ст. 246, ч. 2 ст. 247, ч. 1 ст. 248, ч. 1 и 2 ст. 250 УК РФ, могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности, тогда как преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 247 УК РФ, ч. 2

ст. 248 УК РФ, ч. 3 ст. 250 УК РФ, совершаются только по неосторожности» [4].

Иными словами, высший судебный орган, на примере экологических преступлений, дал официальное толкование положений ч. 2 ст. 24 УК РФ.

Тогда возникает вопрос: какая форма вины в преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства», ч. 1 ст. 283 УК РФ, «Разглашение государственной тайны», ч. 1 ст. 322 УК РФ «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации»?

Последняя правоприменительная практика показывает, что и кража может быть совершена по неосторожности. Если вспомнить в этой связи мытарства девочки-студентки из Лесосибирска, которая потратила деньги, по ошибке переведенные ей банком, и против которой было инициировано уголовное преследование за хищение чужого имущества.

Полагаем, для того чтобы обеспечить принцип справедливости и пресечь вольное толкование правовых норм дознавателем, следователем, прокурором или судьей, необходимо вернуться к первоначальной редакции ч. 2 ст. 24 УК РФ.

То есть ч. 2 ст. 24 нужно сформулировать так, чтобы всем был понятен смысл – если нет в диспозиции слова «неосторожность», его синонимов или подобных смысловых конструкций (например «ненадлежащее исполнение»), то преступление считается только умышленным. Пусть неосторожные деяния с теми же последствиями будут вынесены в привилегированный состав или в сферу административно-правовых отношений.

Следующая проблема – учение о соучастии в преступлении. Российскому законодательству явно не хватает понятия «активный пособник», которое имеется в уголовном праве некоторых стран Евросоюза.

Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» дает следующее толкование соисполнительства: «Исходя из смысла ч. 2 ст. 35 УК РФ уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой, совершенные группой лиц по предварительному сговору, наступает и в

тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них. Если другие участники, в соответствии с распределением ролей, совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникало в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления), содеянное ими является соисполнительством и в силу ч. 2 ст. 34 УК РФ не требует дополнительной квалификации по ст. 33 УК РФ» [5].

Кроме того, смущение вызывает в приведенном ППВС РФ примере лицо, которое «подстраховывало» соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления. А это уже не «согласованные действия», а согласованное бездействие, конечно, если функции подобного пособника закончились без необходимости подачи сигнала тревоги.

Тогда возникает вопрос, как квалифицировать действия групп «моральной поддержки» при избииении одного человека другим, в случаях, когда подобная поддержка только у одной стороны, а противная сторона находится в одиночестве.

Это бывает в тех ситуациях, когда для выяснения отношений, один из оппонентов берет на встречу своих приятелей. Приятели бездействуют, но всем своим видом выказывают поддержку своему сотоварищу и готовность помочь ему в случае поражения.

Противная сторона в таких условиях, как правило, психологически подавлена, оказывает меньшее сопротивление и думает только о минимальном для себя ущербе.

Как квалифицировать, если в результате подобного выяснения отношений, лицу, которое было в одиночестве, причинен какой-либо вред здоровью? Образует ли подобная ситуация группу лиц? Или статисты просто пособники, создавшие условия для совершения преступления?

По аналогии с решением Верховного Суда РФ, касающимся краж, грабежей и разбоев, в приведенном нами примере налицо соисполнительство.

На наш взгляд, активное пособничество необходимо добавить в ст. 33 УК РФ, с указанием на соисполнительство или разграничить ответственность обычного и активного пособничества.

Следующая проблема в теории уголовного права – смысловая чехарда с понятием «неоднократность».

Как известно, ФЗ № 162 от 08.12.2003 отменил ст. 16 УК РФ, где неоднократность обозначалась как вид множественности. Однако в диспозициях некоторых статей неоднократность присутствует в качестве признака объективной стороны. К таким относятся ст. 151.1, 154, 180, 314.1 УК РФ.

Если неоднократность не является видом множественности, то, очевидно, отнесена законодателем к признаку объективной стороны. Ближе всего этому понятию соответствует признак «способ».

Однако способ – это формы, методы, последовательность совершаемых действий.

Понятие «неоднократность» не подходит не под одно из перечисленных определений. Все-таки, неоднократность – это вид множественности.

Мы не ратуем за возвращение неоднократности в Уголовный кодекс Российской Федерации в качестве одного из видов множественности. По большому счету, неоднократность – это совокупность тождественных преступлений.

Но, памятуя о принципе справедливости, необходимо определить значение неоднократности в уголовно-правовых отношениях.

Кроме того, нет четкой позиции в понимании, что означает «преступление совершено неоднократно».

Например, в примечании к ст. 151.1 УК РФ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции» под неоднократностью понимается продажа алкогольной продукции несовершеннолетнему лицом, подвергнутому административному наказанию за подобное деяние. В ст. 314.1 УК РФ «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений» тоже есть подобное примечание.

А вот к ст. 154 УК РФ «Незаконное усыновление (удочерение)» и ст. 180 УК РФ «Незаконное использование средств ин-

дивидуализации товаров (работ, услуг)» такого примечания нет, а неоднократность в диспозициях указана. И здесь открывается возможность для произвольного толкования, что никак не обеспечивает защиту прав и законных интересов граждан.

В завершение необходимо сказать, что недопустимо наличие указанных «темных пятен» в уголовном законе, который является одним из основных регуляторов отношений между обществом и государством. Пора уже сформулировать четкие теоретические обоснования преступности или не преступности деяний, обеспечить стабильность уголовно-правовых норм, только после этого можно двигаться в сторону построения правового государства.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 25.06.1998 № 92-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 26.05.2015) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС КонсультантПлюс.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» / Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/>

Саранцев Александр Игоревич

преподаватель Международного
юридического института

Sarantzev A.I.

lecturer International Law Institute

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: НОВАЯ МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS: A NEW MEASURE OF RESTRAINT IN THE RUSSIAN CRIMINAL TRIAL

Аннотация. Анализ законодательного регулирования, практической реализации меры пресечения в виде запрета определенных действий, исследование ее соотношения с другими мерами пресечения, прогноз эффективности новой меры пресечения в контексте достижения целей уголовного судопроизводства.

Abstract. The analysis of legislative regulation, the practical implementation of preventive measures in the form of prohibition of certain actions, the study of its correlation with other preventive measures, the forecast of the effectiveness of the new preventive measure in the context of achieving the objectives of criminal justice.

Ключевые слова: уголовный процесс, мера пресечения, запрет определенных действий, заключение под стражу.

Key words: criminal process, preventive measure, prohibition of certain actions, detention.

Конвенцией о защите прав и свобод человека и гражданина от 4 ноября 1950 г. гарантировано право каждого человека на свободу и личную неприкосновенность при избрании и продлении меры пресечения. Подпункт «с» ч. 1 ст. 5 и ч. 3 ст. 5 Конвенции гарантируют право «на разбирательство в разумный срок или освобождение до суда», а также предусматривают освобождение от

меры пресечения в виде заключения под стражу при наличии гарантии явки на судебное заседание.

Европейский суд по правам человека неоднократно указывал в своих постановлениях по жалобам осужденных в Российской Федерации граждан на сложившуюся в нашей стране негативную тенденцию к построению системы обязательного избрания меры пресечения до судебного разбирательства, на излишнюю строгость избираемых судами Российской Федерации мер пресечения, а также на отсутствие обоснованного обвинения, могущего являться основанием к избранию меры пресечения в виде заключения под стражу, а также на необоснованно длительные сроки заключения под стражей¹.

Статья 98 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в редакции от 19.02.2018 предусматривала такие меры пресечения, как: подписка о невыезде; личное поручительство; наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; залог; домашний арест; заключение под стражу².

Согласно данным судебной статистики, в 2017 г. судами общей юрисдикции в Российской Федерации рассмотрено 12610 ходатайств (94,38 % от общего числа ходатайств) об избрании подозреваемым и обвиняемым меры пресечения в виде заключения под стражу, из них удовлетворено 113087. В то же время судами общей юрисдикции в 2017 г. рассмотрено всего 7333 хода-

¹ Пункт 105 Постановления от 21 июня 2011 г. по делу Чудун против Российской Федерации; п. 49 Постановления от 29 мая 2012 г. по делу Валерий Коваленко против Российской Федерации; п. 53 Постановления от 9 октября 2012 г. по делу Колунов против Российской Федерации; п. 90 Постановления от 13 ноября 2012 г. по делу Королева против Российской Федерации; п. 144 Постановления от 22 мая 2012 г. по делу Идалов против Российской Федерации; п. 54 Постановления от 10 февраля 2011 г. по делу Пелевин против Российской Федерации; Постановление от 10.01.2012 по жалобам № 42525/07 и № 60800/08 «Ананьев и другие против Российской Федерации» // URL; <https://hudoc.echr.coe.int/rus>]

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 19.02.2018). – М.: Омега-Л, 2018.

тайства (5,48 %) об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, из которых 6436 удовлетворено. В то же время в 2017 г. в суды общей юрисдикции поступило всего 165 ходатайств (менее 0,14 %) об избрании меры пресечения в виде залога, из которых удовлетворено 126¹. Анализируя указанные данные, можно сделать лишь один, категорический вывод: следователи и дознаватели при невозможности применения меры пресечения в виде подписки о невыезде, в подавляющем большинстве случаев обращаются в суд с ходатайствами об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, при этом прочие, менее строгие меры, предусмотренные уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, ими игнорируются. Аналогичная статистика наблюдалась и в предыдущие годы.

Обозначенная проблема неоднократно обсуждалась представителями юридического сообщества, теоретиками и практиками, не осталась она и без внимания властей Российской Федерации, в частности представителей Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

13 октября 2015 г. в Государственную Думу Российской Федерации инициативной группой депутатов внесен законопроект «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста) (далее – Законопроект). 18 апреля 2018 г. после внесения в указанный законопроект поправок он был подписан Президентом Российской Федерации.

Ключевым элементом законопроекта явилась новая для законодательства Российской Федерации мера пресечения в виде запрета определенных действий. Кроме того, законопроект внес уточнения в дефиниции статей, предусматривающих применение залога и домашнего ареста.

Глава 13 «Меры пресечения» IV Раздела Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации была дополнена ст. 105.1 «Запрет определенных действий». Согласно ей, запрет

¹ Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2017 г. // <http://www.cdep.ru>

определенных действий заключается «в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УК РФ, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на него запретов»¹. Статьей 105.1 УПК РФ предусмотрен закрытый перечень запретов, которые могут быть возложены на подозреваемого или обвиняемого: выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях; находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них; общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет; управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

В пояснительной записке к Законопроекту в числе прочих обоснований его принятия утверждается, что он «подготовлен в целях создания условий для избрания в отношении обвиняемых (подозреваемых) альтернативных заключению под стражу мер пресечения. Потребность в этом обусловлена необходимостью обеспечения прав личности, исполнения общепризнанных международных норм права, повышения эффективности уголовного преследования, экономии средств федерального бюджета и сокращения репутационных потерь, связанных с удовлетворением Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) жалоб граждан Российской Федерации».

Для прогноза эффективности внесенной в Уголовно-процессуальный кодекс новой меры пресечения в виде запрета определенных действий, и в целях определения возможности

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 23.04.2018) // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

достижения поставленных при ее принятии целей, следует обратиться к анализу целей применения меры пресечения в ходе расследования уголовного дела и отдельных элементов системы применения мер пресечения в Российском уголовном процессе.

Статья 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает, что следователь, дознаватель или суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных УПК РФ. При этом мера пресечения применяется только в случае достаточных оснований полагать, что подозреваемый, обвиняемый: скроется от предварительного расследования или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

В подавляющем большинстве случаев следователь или дознаватель при решении вопроса о выборе меры пресечения руководствуется законодательством лишь в той мере, в какой оно согласуется с представлениями должностного лица об удобстве, эффективности и интенсивности производства предварительного расследования. Зачастую выбор наиболее строгой меры пресечения в виде заключения под стражу делается лишь исходя из того, что именно она, своими особенностями, обеспечивает доступность производства с подозреваемым или обвиняемым следственных действий. Кроме того, с учетом условий содержания подозреваемых и обвиняемых в изоляторах временного содержания и следственных изоляторах, именно заключение под стражу, с точки зрения следователя и дознавателя, обеспечивает наиболее эффективное карательное воздействие на процессуальное лицо, в отношении которого оно избрано.

При обращении в суд с ходатайством об избрании наиболее строгой меры пресечения следователь и дознаватель, как правило, лишь обобщенно указывает, что подозреваемый и обвиняемый может скрыться от следствия и суда. В подавляющем большинстве случаев возможность и намерение подозреваемого и обвиняемого скрыться обосновывается исключительно тяжестью

обвинения, предъявленного последним, и возможностью назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок.

Указания в ходатайствах об избрании меры пресечения на то, что подозреваемый или обвиняемый может продолжить заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелям, уничтожить доказательства по уголовному делу, как правило, не конкретизируются, их обоснованность судом в достаточной мере не проверяется.

Таким образом, в ходе предварительного расследования, как правило, избирается наиболее удобная для органов следствия мера пресечения в виде заключения под стражу, за исключением случаев невозможности ее применения по уголовным делам небольшой тяжести в отсутствие исключительных обстоятельств.

Следует также отметить, что следственными органами в большинстве случаев игнорируется возможность применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения в виде залога и домашнего ареста, поскольку у должностных лиц не имеется уверенности в их эффективности, не отработан механизм взаимодействия контролирующих эти меры пресечения органов с органами предварительного расследования. Также следует отметить отсутствие у следователей и дознавателей инструментов личного, непосредственного и постоянного контроля за местонахождением подозреваемых и обвиняемых, которым избрана мера пресечения в виде домашнего ареста или залога, в отличие от заключения под стражу.

При решении вопроса о выборе меры пресечения и об обращении в суд с ходатайством об избрании меры пресечения следователями и дознавателями игнорируются требования Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», в свою очередь, судами требования данного Постановления, исполняются формально, без должного внимания остаются ключевые требования Постановления о необходимости проверки судами обоснованности предъявленного обвинения и наличия данных, указывающих на возможность со-

вершения подозреваемым, обвиняемым действий, указанных в ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Обращаясь к мере пресечения в виде запрета определенных действий, как к способу решения вышеуказанных проблем, следует дать оценку отдельным запретам, предусмотренным ч. 6 ст. 105.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ. При этом следует отметить, что при избрании меры пресечения в виде залога суд вправе возложить на подозреваемого или обвиняемого обязанность по соблюдению одного или нескольких запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 настоящего Кодекса, а при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста одного или нескольких запретов, предусмотренных пп. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Пунктом 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ предусмотрен запрет «выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором проживает подозреваемый или обвиняемый в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях». Данный запрет фактически дублирует меру пресечения в виде домашнего ареста, при этом используя аналогичные формулировки, за исключением отсутствия в данном пункте указания на изоляцию от общества. Однако изоляция от общества при применении данного запрета к подозреваемому либо обвиняемому может быть достигнута наложением дополнительных запретов, предусмотренных пп. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Пунктом 2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ предусмотрен запрет «находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них». Данный запрет является абсолютной новацией в Российском уголовном процессе в отличие от остальных запретов, предусмотренных данной статьей. Законодательство таких стран, сходных по конструкции уголовного процесса с Российской Федерацией, как Республика Беларусь, Украина, Казахстан, не знает подобного запрета ни в качестве меры пресечения, ни в качестве наказания. Более того, такая мера пресечения не свойственна странам романо-германской правовой семьи, в отличие от стран англо-саксонской правовой семьи, где подобные запреты применяются как в качестве обеспе-

чительной меры к участникам уголовного процесса, так и в качестве наказания.

Учитывая неконкретное описание данного запрета, неограниченный круг понятий, которые могут быть включены в значение терминов «определенные места, определенные объекты, определенные мероприятия», можно лишь предполагать о том, какое именно значение будет вложено в них судами в правоприменительной практике. Однако введение таких оценочных терминов может привести к непредвиденным последствиям их применения, что нельзя оценивать как положительную тенденцию.

Представляется также, что запрет предусмотренный данным пунктом, не вполне отвечает целям, предъявляемым к мерам пресечения, в частности данный запрет не может воспрепятствовать подозреваемому или обвиняемому скрыться от предварительного следствия и суда, а также лишь в исключительных случаях может помешать продолжить заниматься преступной деятельностью или угрожать свидетелям и уничтожить доказательства по уголовному делу.

Пункты 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ фактически дублируют в совокупности содержание термина «изоляция от общества», указанный в ст. 107 УПК РФ, предусматривающей домашний арест. Запреты на общение с определенными лицами; отправку и получение почтово-телеграфных отправок; использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет сами по себе не представляют интереса, так как не отвечают задачам, которых должна достигать мера пресечения, примененная к подозреваемому или обвиняемому. При этом будучи наложенными без ограничения свободы как меры пресечения данные запреты не представляется возможным контролировать в эпоху цифровых технологий. Кроме того, следует отметить моральное устаревание термина «почтово-телеграфные отправления», в связи с тем, что фактически телеграф в Российской Федерации не функционирует как средство связи. Наличие такого термина во внесенных в Уголовно-процессуальный кодекс изменениях говорит о недостаточно современной юридической технике, примененной законодателем при подготовке указанных изменений.

Пунктом 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ предусмотрен запрет «управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств». Его применение ограничено самим содержанием запрета, при этом представляется допустимым его применение лишь в целях недопущения повторного совершения преступления, связанного с нарушением правил дорожного движения.

Представляется, что введенная в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации мера пресечения в виде запрета определенных действий не только не достигнет целей, заявленных законодателем при внесении законопроекта, но и продолжит тенденцию наполнения уголовно-процессуального законодательства нереализуемыми, неприменяемыми конструкциями.

Считаем, что введение меры пресечения, ограничивающей Конституционные права и свободы граждан, с не детально прописанными в законе терминами не только не обоснованно, но и нисколько не решает проблемы, возникшей между Российской Федерацией и Европейским судом по правам человека по жалобам, связанным с необоснованным применением наиболее строгих мер пресечения.

Целесообразно введение в закон ключевых дефиниций и конструкций, раскрывающих требования к процедуре выбора и применения к подозреваемым и обвиняемым меры пресечения, указанных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»¹, в целях придания им силы закона и их обязательного, неукоснительного исполнения органами предварительного расследования и судами.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // Российская газета. Федеральный выпуск № 6270 (294).

Библиографический список

1. Законопроект № 900722-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/>
2. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2017 г. <http://www.cdep.ru>
3. Постановления Европейского суда по правам человека // <https://hudoc.echr.coe.int/rus>
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 19.02.2018). – М.: Омега-Л, 2018.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 23.04.2018) // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // Российская газета. № 6270 (294).

Столяров Дмитрий Анатольевич

доцент кафедры ТПиГПД Ивановского филиала
Международного юридического института

Тарасова Ольга Алексеевна

преподаватель кафедры УПД Ивановского филиала
Международного юридического института

Stolyarov D.A.

associate professor of Theory of Law and Civil Law
Department Ivanovo branch International Law Institute

Tarasova O.A.

Department criminal law lecturer Ivanovo branch
International law Institute

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СПОСОБОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ ОТ КРАЖ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

IMPROVEMENT OF METHODS OF CRIMINAL AND LEGAL PROTECTION OF THE PERSON FROM THEFT OF ANOTHER'S PROPERTY

Аннотация. Данная статья посвящена защите конституционных прав и свобод человека и гражданина средствами уголовно-правового характера, и в связи с этим вопросам усиления уголовной ответственности и установления новых квалифицирующих признаков кражи чужого имущества.

Ключевые слова: собственность, жилище, проникновение в жилище, кража, уголовная ответственность, пожилые люди, автотранспортные средства, государственные регистрационные номера.

Abstract. This article is devoted to the protection of constitutional rights and freedoms of man and citizen by means of criminal law, and

in this regard, the strengthening of criminal liability and the establishment of new qualifying signs of someone else's properties theft.

Key words: property, housing, home invasion, theft, criminal liability, elderly people, vehicles, government registration numbers.

Из всех форм хищения кража традиционно занимает первое место, хотя и не является самым опасным среди них преступлением. Являясь самым распространенным из известных Уголовному кодексу РФ деянием в структуре преступлений не только против собственности, кража чужого имущества уже в силу только одного этого факта представляет повышенную степень общественной опасности для экономических интересов граждан и государства.

Это может быть объяснено с позиций истории (кража – имущественное преступление, известное еще древним памятникам права) и судебной статистики (кража – самое распространенное в настоящее время преступление против собственности, о чем указывалось выше). Но наиболее существенно то, что кража всегда рассматривалась как основная, «типовая», форма завладения чужим имуществом. Поэтому признаки иных форм хищения обычно выводятся из признаков кражи, путем сопоставления с ними.

Таким образом, закон определяет кражу как «тайное хищение чужого имущества» (ст. 158 УК РФ).

Рассматривая понятие кражи, следует сказать, что в действующем УК РФ кража – это «тайное хищение чужого имущества». Если обратиться к толковому словарю В. Даля, то видно, что слово «кража» производно от слова «красть», брать тайно чужое, уносить или присваивать тайком» [19, с. 184, 188].

Под *тайным* изъятием в первую очередь следует понимать действие, тайное для потерпевшего [13, с. 203]. Например, как кражу следовало бы квалифицировать действия «Кирпича» (в кинофильме «Место встречи изменить нельзя»), по похищению кошелька у женщины в трамвае, которое наблюдал оперативник Жеглов [13, с. 204]. На наш взгляд, не прав профессор В.А. Владимиров, считавший, что, если виновный похищает имущество так называемым «рывком», а потерпевший от

неожиданности растерялся, сразу не смог осмыслить случившееся и сказать, кто именно и как похитил у него шапку, то случившееся следует расценивать как тайное хищение имущества [10, с. 45].

И еще по одной причине неправомерное изъятие имущества остается тайным – это смерть потерпевшего, как естественная, так и насильственная. В последнем случае деяние (образно, но юридически некорректно называют иногда «ограбление трупа») может квалифицироваться как кража только тогда, когда корыстное намерение использовать смерть потерпевшего для завладения находящимся при нем имуществом возникло после наступления смерти, причиненной по другим (некорыстным) мотивам.

Далее, в правоприменительной практике нередко возникают вопросы, связанные с пробелами в толковании тех или иных уголовно-правовых норм, относящихся к хищению, которые нуждаются в некоторых изменениях и дополнениях. Озвучим их ниже.

А.П. Севрюков пишет, что квалифицирующий признак кражи «с причинением значительного ущерба гражданину» в действующей редакции нарушает ч. 2 ст. 8 Конституции РФ, в которой закреплено положение о признании и защите в Российской Федерации равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности. Позволим согласиться с этим автором и сделать вывод о том, что закрепление признака «с причинением значительного ущерба гражданину» в п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ противоречит Конституции РФ с точки зрения уголовно-правовой охраны и ставит в привилегированное положение собственность граждан, оставляя собственность юридических лиц без соответствующей повышенной охраны от краж. Безусловно, ст. 158 УК РФ в равной степени защищает все формы собственности. Вместе с тем, очевидно, что общественная опасность кражи 4000 рублей, совершенной у пенсионера, значительно выше кражи 200000 рублей, совершенной из банка. На наш взгляд, будет правильнее иная формулировка п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ: *«с причинением значительного ущерба потерпевшему»*.

Действиями виновного, совершающего кражу из одежды потерпевшего, его сумки или другой ручной клади, находившихся при нем, по нашему мнению, грубо нарушаются такие конституционные права человека и гражданина, как *право на личную неприкосновенность* (ч. 1 ст. 22 Конституции РФ) и *право частной собственности* (ч. 1 ст. 35 Конституции РФ) [1]. Возникает вопрос, чем незаконное проникновение в жилище (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ) отличается от незаконного проникновения в личные вещи и, особенно, в одежду потерпевшего? На наш взгляд, ничем. Наоборот, последнее наиболее грубо нарушает личные права человека и гражданина. Поэтому представляется, что указанный в п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ квалифицирующий признак должен быть отнесен к особо квалифицирующим признакам кражи и перенесен в ч. 3 этой статьи.

В правоприменительной практике возникают проблемы, связанные с пробелами в толковании тех или иных уголовно-правовых норм. Одна из них заключается в толковании понятия «жилище» и особенно остро стоит при квалификации действий, связанных с незаконным проникновением в жилище.

Надо признать, что формулировка «жилище» в примечании к ст. 139 УК РФ изложена довольно подробно: индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания.

В п. 18 постановления от 27 декабря 2002 г. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что при квалификации действий лица, совершившего хищение по признаку «незаконное проникновение в жилище», следует руководствоваться примечанием к ст. 139 УК РФ [5]. Это говорит о том, что диспозиция уголовно-правовой нормы, предусмотренная ч. 3 ст. 158 УК РФ, в связи с истолкованием ее Пленумом фактически является отсылочной к норме, изложенной в примечании к ст. 139 УК РФ, а диспозиция последней имеет своим объектом конституционное право человека и гражданина на неприкосновенность жилища.

Это означает, что хищение, связанное с незаконным проникновением в жилище, помимо основного объекта преступления, имеет еще и дополнительный. То есть, проникая в жилище в целях совершения там, например, кражи, виновный посягает, во-первых, на собственность (как на основной объект преступления), а во-вторых, *на конституционное право* человека и гражданина на неприкосновенность жилища (дополнительный объект).

Таким образом, при рассмотрении уголовно-правового понятия «жилище» следует руководствоваться в первую очередь положениями ст. 25 Конституции РФ, которая гласит: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения». Подчеркнем, что в Конституции РФ речь идет о воле «проживающих» в жилище лиц. Эта отсылка к Конституции РФ объясняет закономерность законодательного отделения в ст. 158 УК РФ более «легкого» квалифицирующего признака «незаконное проникновение в помещение либо иное хранилище» от более тяжкого «незаконное проникновение в жилище» [14, с. 26–28].

Решая вопрос о понятии жилища, нужно также руководствоваться способом грамматического толкования. По толковому словарю В.И. Даля, жилище – это то место, где живут люди, где поселились ... Жилое место ... заселенное.

Если рассматривать сказанное применительно к признакам состава преступления, посягающего на жилище граждан, то, исходя из смысла ст. 25 Конституции РФ, в том жилище, на которое направлено посягательство, должен кто-либо постоянно или временно проживать.

Таким образом, помещение или строение, в которое незаконно вторгается виновный, должно использоваться в качестве жилища именно в то время, когда происходит посягательство. Например, дачный дом (иное помещение или строение), когда хозяева временно используют его как жилье, т.е. проживают там какой-то период времени, будет жилищем именно в этот временной промежуток. Если же хозяева уже не

живут там, но хранят хозяйственный инвентарь или иное имущество, такой дом не может рассматриваться как жилище, так как в нем никто уже не проживает. Теперь дом используется как хранилище различных материальных ценностей. Проникновение туда в целях кражи в этом случае следует квалифицировать по признаку «незаконное проникновение в помещение либо иное хранилище». И наоборот, если такой дом (иное помещение или строение) соответствует требованиям, при которых возможно его использование в качестве жилища, и оно используется как жилище, то и проникновение в него будет проникновением в жилище.

Подводя итог сказанному, стоит отметить: если собственник или иной владелец жилого помещения не использует помещение непосредственно под жилье, то проникновение туда в целях совершения хищения причиняет вред только основному объекту преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ, – собственности. Конституционное право граждан на неприкосновенность жилища в этом случае не подвергается преступному посягательству и потому не может влечь уголовной ответственности за «незаконное проникновение в жилище».

Не всякое незаконное проникновение в жилище будет являться проникновением именно в жилище, если рассматривать этот вопрос применительно к субъективной стороне преступления. Известно, что хищение, сопряженное с незаконным проникновением в жилище, характеризуется умышленной формой вины. Поэтому, учитывая принцип вины, установленный ст. 5 УК РФ, лицо не будет подлежать уголовной ответственности по признаку «незаконное проникновение в жилище», если, незаконно проникая в какое-либо помещение (строение), являющееся жилищем, оно этого не осознавало и не желало нарушать прав граждан на его неприкосновенность. Эти действия надлежит квалифицировать как проникновение в помещение либо иное хранилище.

Поскольку на практике не всегда одинаково применение примечания к ст. 139 УК РФ, полагаем, следует согласиться с мнением В. Копылова, считающим, что целесообразно было бы законодательно дополнить окончание примечания после слов

«...но предназначенные для временного проживания» словами «... и используемые в этих целях». Думается, что это дополнение внесло бы ясность в примечание и развеяло бы сомнения относительно того, что посягательство на любое помещение, в котором проживание людей в принципе возможно, но которое как жилище не используется, не может рассматриваться как посягательство на жилище в конституционно-правовом и уголовно-правовом смыслах [14, с. 26–28].

Сравнительно недавно в Правительство РФ и Верховный Суд РФ для получения официального отзыва был направлен важный законопроект (автором является заместитель председателя Комитета Госдумы по финансовому рынку, член фракции ЛДПР Д. Савельев) относительно внесения изменений в ст. 158 УК РФ об усилении ответственности и наказания за кражу, совершенную в отношении пожилых людей¹. Соглашаясь с тем, что любая кража у старика уже может квалифицироваться как преступление, причиняющее значительный материальный и моральный ущерб потерпевшему, предлагаем дополнить п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ и изложить его в следующей редакции: «... у лица пожилого возраста, а равное причинением значительного материального ущерба и морального вреда потерпевшему».

В заключение следует отметить, что значение правильности и точной квалификации краж чужого имущества, нашедшей подтверждение в стадии предварительного расследования и в судебном заседании, состоит в том, что она существенно укрепляет авторитет органов правосудия, поскольку свидетельствует о едином подходе к осуществлению и реализации государственной уголовной политики, устраняет сомнения в некомпетентности или предвзятости представителей органов, правомочных осуществлять уголовное преследование в отношении лиц, совершивших преступления.

Значение правильной квалификации любого преступления, включая, естественно, и кражу, состоит и в том, что помимо правовой, она способна определять и социальную оценку

¹ Старик и воры: Преклонный возраст жертвы усугубит вину преступника // Российская газета. 2013. 21 ноября. № 263 (6239). С. 9.

личности виновного, и способы уголовно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

2. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996) по состоянию на 1.04.2018 г. // Собрание законодательства РФ. 07.05.2010. № 12 // СПС Гарант.

3. Уголовный кодекс РСФСР. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591 // СПС Гарант.

4. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР по уголовным делам. – М., 1996.

5. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже, разбое» (в посл. ред. 03.03.2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2 // СПС Гарант.

7. Приказ МВД РФ от 24 ноября 2008 г. № 1001 «О Порядке регистрации транспортных средств» (в ред. от 13.02.2015) // Российская газета. 2009. 16 янв.

8. Приказ МВД России от 7 августа 2013 г. № 605 «Об утверждении Административного регламента МВД России «По предоставлению государственной услуги по регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним» // Российская газета. 2013. 4 окт.

9. Буз С.И. Кража: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Дис... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2002.

10. Владимиров В.А. Квалификация похищений личного имущества. – М., 1974 // Щит и меч. 2013. 14 марта.

11. Жерновой М.В. Кража государственных номеров автомашин как новый вид криминального бизнеса // Российский следователь. 2015. № 8.

12. Гельфер М. Момент окончания преступления при краже / М. Гельфер, В. Литовченко // Социалистическая законность. 1972. № 11.

13. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права: В 2-х т. Т. 2. Особенная часть. – М.: НОРМА, 2002.

14. Копылов В. Понятие «жилище» в УК РФ // Законность. 2005. № 9.

15. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 3: Учебник для вузов. Т. 3 / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: ИКД Зерцало-М, 2002.

16. Семенов В.М. Социальные, уголовно-правовые и криминологические основы борьбы с кражами в России. Автореф. дис. <http://www.dissercat.com/content/>

17. Сапожников Г.А. Проблемы совершенствования уголовного законодательства об ответственности за кражи цветных и черных металлов // Российский следователь. 2009. № 10.

18. Ткаченко В.И. Квалификация хищений чужого имущества. – М., 2005.

19. Даль В.И. Толковый словарь. Т. 2. – М., 1979.

20. Ткаченко В.И. Квалификация хищений чужого имущества. – М., 2005.

21. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник. Практикум / Под ред. А.С. Михлина. – М., 2002.

Столяров Дмитрий Анатольевич

доцент кафедры ТПиГПД Ивановского филиала
Международного юридического института

Stolyarov D.A.

associate professor of Theory of Law and Civil Law
Department Ivanovo branch International Law Institute

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

*HUMAN RIGHTS PROTECTION AS THE BASIS OF TRAFFIC
PATROL POLICE ACTIVITY OF RUSSIA
(IN IVANOVO REGION)*

Аннотация. Статья посвящена защите прав человека как главному концепту деятельности дорожно-патрульной службы в Российской Федерации. Проанализирован опыт данной службы в Ивановской области, отмечены основные формы и методы ее деятельности, подчеркнуто ведущее значение профилактической работы, определены проблемы и возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: права человека, дорожно-патрульная служба, Ивановская область, профилактика аварийности, динамика аварийности, контроль за дорожным движением.

Abstract. The article is devoted to human rights protection as the main concept of traffic patrol police activity in Russian Federation. The analysis of the experience of that police department work and the main forms and methods of its activity are discussed. The importance of preventive components is emphasized. The problems and the ways of their solution are defined.

Key words: human rights, traffic patrol police, Ivanovo region, prevention of accidents, dynamics of accidents rate, traffic control.

Формирование правового государства в России, укрепление законности и правопорядка немыслимо без деятельной государственной политики в сфере охраны жизни, здоровья и имущества граждан, защиты их прав и интересов. Применительно к транспортной аварийности это имеет прямое отношение, и государство обязано стремиться к предупреждению ДТП и минимизации тяжести их последствий.

Аналитическая работа подразделений ГИБДД Ивановской области поставлена в число приоритетных направлений деятельности, и она дает свои результаты. Например, систематически отслеживается динамика аварийности, проводится мониторинг наиболее аварийно-опасных участков дорог, анализируется соотношение ДТП в соответствии с причинно-следственной связью. В целом, региональные показатели соответствуют общероссийским.

Однако на практике чрезвычайно трудно установить взаимозависимость активности отдельных инспекторов дорожно-патрульной службы в несении службы и показателей аварийности, во-первых, потому, что дорожно-транспортная аварийность – процесс многофакторный, во-вторых, из-за того, что в подавляющем большинстве случаев нет возможности обеспечить постоянное закрепление инспекторов за отдельными постами, маршрутами патрулирования, участками автомобильных дорог и т.д.

Суть контроля дорожного движения как правоохранительного функционирования в социальной системе массового обслуживания, какой является автомобильный транспорт, должна сочетаться с соответствующими методами и стилем работы ДПС. Это должны быть методы, сориентированные на обеспечение безопасности дорожного движения. В этом смысле следует минимизировать принуждение и наказание, сделать приоритетом убеждение и профилактику дорожно-транспортных правонарушений.

Отрадно отмечать, что профилактическая работа сотрудников УГИБДД, в том числе непосредственно батальона ДПС, ведется на всей территории области системно и регулярно, а ее качество находится на высоком уровне. Все чаще организуются мероприятия, посвященные профилактике детского дорожно-транспортного травматизма, в которых наряду с представителя-

ми ГИБДД участвуют представители власти и правозащитных организаций, а также педагоги и родители. Проводятся «Неделя безопасности» в рамках общероссийского проекта, акция «Внимание – Дети!», тематические викторины «В стране дорожных знаков» и другие мероприятия.

Акции, адресованные водителям автотранспортных средств, также отличаются своим разнообразием. Это и профилактическое мероприятие «Внимание, переезд!», направленное на предупреждение аварийности на железной дороге, и «Внимание – мотоциклист!», адресованное, в первую очередь, водителям мотоциклов. А 30 октября 2017 г. сотрудниками УГИБДД в областном центре был организован флэшмоб по популяризации световозвращающих элементов «Выйди из тени. Будь ярче!».

Как акцию не только надзорной, но и профилактической направленности следует расценивать запуск 25 октября 2017 г. в Иванове на перекрестке улиц Лежневская и Велижская первого в нашем регионе стационарного многоцелевого комплекса автоматической видеофиксации нарушений ПДД – «СПЕЦЛАБ-ПЕРЕКРЕСТОК». Данный перекресток был выбран на основе анализа очагов аварийности в областном центре. Теперь с помощью этой системы в круглосуточном и всепогодном режиме регистрируются факты нарушений ПДД сразу по нескольким составам: проезд перекрестка на запрещающий сигнал светофора и выезд за стоп-линию, нарушение рядности проезда, нарушения требований дорожных знаков).

Результатом такой многогранной и ответственной работы, проводимой сотрудниками ДПС, в частности, и УГИБДД Ивановской области, в целом, стала положительная динамика в количественной части дорожно-транспортных происшествий. Еще в 2013 г. прежний начальник УГИБДД УВД Ивановской области Александр Брусочкин отмечал, что «ситуация на дорогах стабилизировалась» [5]. По его словам, за I квартал 2013 г. произошло снижение дорожной аварийности по сравнению с тем же периодом 2012 г. на 7 %, а число погибших уменьшилось на 25 %. За этот же период было пресечено 1000 грубых нарушений ПДД, раскрыто 9 уголовных дел.

Показатели тяжести последствий дорожно-транспортных происшествий в Ивановской области, по словам А. Брусочкина, намного ниже среднего российского уровня [5].

Оценивая динамику положения дел с аварийностью в регионе в период 2014–2016 гг., следует отметить, что, во-первых, по показателю количества ДТП на 10 тыс. транспортных средств Ивановская область занимает 6-е место с показателем 63,7 аварий, но, во-вторых, по числу погибших и пострадавших регион не относится к категории самых опасных [3].

Позитивная динамика отмечается почти по всем основным показателям. Так, по данным УМВД, в 2016 г. общее количество дорожно-транспортных происшествий в Ивановской области снизилось (по сравнению с 2015 г.) на 9,8 %, а число погибших и раненых в них людей – на 16,5 % и 4 % соответственно [2]. Как сообщил нынешний начальник УГИБДД УВД региона полковник полиции А.В. Казаков, «результат 2016 г. по числу погибших – лучший за последние полвека (48 лет) и сопоставим с 1969 г., в котором также было зарегистрировано 106 погибших в ДТП граждан» [4].

Мы не располагаем данными за весь 2017 г., но по итогам его первой половины на дорогах области в ДТП погиб 41 человек и почти тысяча получили ранения. Это тоже несколько ниже, чем в 2016 г., так что позитивная динамика сохраняется. Больше всего аварий наблюдается в Кинешемском и Шуйском районах. В основном, происшествия однотипные: подавляющее большинство составляют либо столкновение автомобилей, либо наезд на пешехода. Сотрудниками дорожно-патрульной службы пресечено около 80000 правонарушений, причем более тысячи из этих случаев – управление автомобилем в нетрезвом виде [2].

Не может не беспокоить, однако, все возрастающее число ДТП с участием общественного транспорта, в том числе маршрутных такси (их количество в среднем увеличивается ежегодно на 20 %). Сотрудники ДПС принимают в этом направлении немало усилий: помимо повседневного дорожного надзора дополнительно проводятся рейды (в среднем 2 раза в неделю) и массовые проверки (раз в два месяца). Результатом их стали в 2017 г. не только выявленные нарушения со стороны водителей

(посадка и высадка пассажиров в неположенном месте, выход на линию с неисправностями, пренебрежение ремнями безопасности, несоблюдение требований дорожных знаков и разметки и др.), но и выявление среди водителей почти тридцати нелегалов.

Подобные рейды и массовые проверки проводятся периодически и в целях выявления нетрезвых водителей. Так, одна из последних массовых проверок была проведена 28–30 июля 2017 г., когда в сферу внимания попали не только города области, но и райцентры и даже сельские поселения. Массовые проверки в муниципалитетах при этом были организованы сотрудниками местных подразделений. Кроме того, в течение трех дней рейдовые мероприятия в каждом районе проходили с привлечением сотрудников отдельного батальона ДПС ГИБДД УМВД России по Ивановской области.

В результате этой массовой проверки инспектора ДПС задержали 43 нетрезвых водителя. Следует напомнить, что управление транспортным средством водителем в состоянии опьянения влечет административное наказание в виде штрафа в размере 30000 руб. с лишением права управления от 1,5 до 2 лет [1].

Среди проблем, которые сотрудникам ДПС с их коллегами из других структурных подразделений ГИБДД предстоит решить в будущем – это сокращение численности аварий с участием несовершеннолетних в возрасте до 16 лет и детского травматизма. За 10 месяцев 2017 г. на территории области было зарегистрировано 155 ДТП такого рода, в которых 1 ребенок погиб и 164 ребенка получили ранения [2]. Контроль соблюдения водителями правил перевозки детей в автомобилях также становится предметом регулярных рейдовых мероприятий, особенно в утренние часы, когда родители везут своих детей в образовательные организации.

В числе основных проблем значится также низкая результативность региональной программы повышения уровня безопасности дорожного движения, перспектива перехода гостехосмотра транспортных средств в ведение частных структур, что создает угрозу легализации краденых машин. Неуважительное отношение водителей к пешеходам делает необходимым строительство 2–3 подземных переходов. И это тоже непосредственно ка-

сается обеспечения безопасности дорожного движения, а значит, сопряжено с деятельностью дорожно-патрульной службы.

С таким конструктивным подходом возникают вполне реальные перспективы совершенствования и рационализации как отдельных форм и методов ДПС, так и всей их деятельности в целом. Логика здесь довольно проста и понятна: для успеха любого начинания необходима общественная поддержка. Если же ее нет, а меры воспринимаются общественностью исключительно с точки зрения репрессивных целей, самые перспективные мероприятия обречены на неудачу.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Данные пресс-службы УМВД России по Ивановской области. <http://www.gibdd.ru/37/accident/3691706>.
3. Официальный сайт пресс-центра Министерства внутренних дел Российской Федерации // <http://mvd.ru/presscenter>
4. Информационный центр УМВД России по Ивановской области.
5. Интервью с начальником УГИБДД УВД Ивановской области А. Брусочкиным. Наша главная задача – сокращение числа дорожно-транспортных происшествий // Рабочий край. 2013. 25 февраля.

Тарасова Ольга Алексеевна

преподаватель кафедры УПД Ивановского филиала
Международного юридического института

Сидорова Светлана Анатольевна

старший преподаватель кафедры ГПП Ивановского
филиала Международного юридического института

Tarasova O.A.,

Department criminal law lecturer Ivanovo branch
International law Institute

Sidorova S.A.,

Department civil-law senior lecturer Ivanovo branch
International law Institute

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА НОВОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ ОТ МАТЕРЕЙ-УБИЙЦ

CRIMINAL-LEGAL PROTECTION OF NEWBORNS AGAINST MURDER MOTHERS

Аннотация. Данная статья посвящена отдельным аспектам убийства матерью новорожденного ребенка, уголовно-правовой защиты прав и свобод человека в возрасте до одного месяца, а также направлениям совершенствования уголовного законодательства в этой сфере.

Ключевые слова: мать, роды, во время родов, новорожденный, жизнь, причинение смерти, убийство, психотравмирующая ситуация, психическое расстройство, вменяемость.

Abstract. This article is devoted to certain aspects of the murder of a newborn child by the mother, criminal legal protection of human rights and freedoms under the age of one month, as well as areas of improvement of criminal legislation in this area.

Key words: mother, childbirth, newborn, life, death, murder, psychotraumatic situation, mental disorder, sanity.

Кажется, мать и убийство – понятия несовместимые. Невозможно даже представить, как женщина, только-только ставшая матерью, может быть в течение каких-то часов или даже минут после родов, может умертвить часть себя, – самое дорогое, что может быть в жизни, своего ребенка. Оказывается, еще как может, и деяние ее будет расценено как привилегированное, со смягчающими обстоятельствами. Но такова воля государства и законодателя: казнить или миловать своих сограждан, или предоставить им ту или иную привилегию.

В русском языке «убийство» и «причинение смерти» являются синонимами. В частности, В.И. Даль определяет слово «убить» как зашибить или ударить до смерти, а «убийство» – как лишение кого-либо жизни, как преступление [8, с. 457]. С.И. Ожегов определяет слово «убить» как лишить жизни, а «убийство» как преступное лишение жизни кого-нибудь [17, с. 96].

По словам Э. Дюркгейма, каждое «общество относится с уважением к жизни человека вообще, степень этого уважения имеет определенную величину и может быть измерена относительной строгостью наказаний, налагаемых за убийство» [9, с. 306]. Немецкий психолог Х. Хекхаузен указывает, что слово «агрессия» означает множество разнообразных действий, нарушающих физическую или психологическую целостность другого человека (группы людей), наносящих материальный ущерб, препятствующих осуществлению его намерений или же ведущих к его уничтожению. При совершении агрессивных действий человек включается в сложную предысторию развития событий, что заставляет его оценивать намерения других людей и последствия собственных поступков [26, с. 9].

Поэтому все исследователи преступлений против жизни обращались к вопросу о том, что есть жизнь, когда она начинается и когда она кончается, то есть когда может быть совершено убийство [10, с. 89; 18, с. 12].

Еще в XIX в. Н.А. Неклюдов определял жизнь как деятельность сил человека [16, с. 263]. Ф. Энгельс назвал жизнь

способом существования белковых тел, состоящим по своему существу в постоянном самообновлении химических составных частей тела [15, с. 82]. Из этих определений видно, что они носят общее, философское определение жизни и, конечно, использовать их при решении юридических вопросов невозможно.

Вопрос об определении начала жизни человека неоднократно вызывал большие трудности и споры в научных кругах. Медицина считает началом жизни момент зачатия, то есть оплодотворения мужской половой клетки клеткой женской яйцеклетки. Медики придают значение также моменту отделения ребенка от утробы матери, началу самостоятельного дыхания и т.п. [4].

Одни ученые-юристы начальным моментом жизни человека предлагали считать начало дыхания или полное отделение ребенка от утробы матери, другие – момент появления какой-либо части тела ребенка из утробы матери; большинство же других условным началом жизни человека признают начало физиологических родов, сам процесс рождения [4, с. 76; 18, с. 12].

С какого момента наступает жизнь? М.Д. Шаргородский, например, считает, что моментом начала самостоятельной жизни младенца является либо начало дыхания, либо момент отделения пуповины [27, с. 59]. Такого же мнения придерживается С.В. Бородин, говоря, что моментом начала жизни следует считать мгновение, с которого организм ребенка способен самостоятельно функционировать и полностью отделен от организма матери [7, с. 204]. Н.И. Загородников указывает, что началом жизни человека следует признать начало физиологических родов, так как этот момент свидетельствует о том, что плод достаточно созрел и приобрел все необходимые качества для внеутробной жизни [10, с. 89]. Первая позиция вызывает сомнения, так как в этом случае умерщвление уже родившегося ребенка, но которого с организмом матери еще связывает пуповина, или же ребенка во время родов, у которого из утробы матери уже показалась головка, не считалось бы убийством в уголовно-правовом смысле. Это представляется неправильным даже потому, что в УК 1996 г. введена статья, устанавливающая

ответственность за лишение жизни ребенка матерью сразу же после родов или во время их (ст. 106 УК РФ), и закон называет такие действия убийством. Поэтому более правильной представляется позиция Б. Сарыева, который считает, что «...не просто начало родов, а тот его момент, когда плод стал виден из утробы матери (и стал, таким образом, сам по себе доступен посягательствам), и следует признать с точки зрения уголовного права началом жизни. Именно с этого момента всякие попытки умертвить плод становятся убийством» [19].

Следовательно, можно было говорить о рождении ребенка с того момента, как только плод начнет выходить наружу. Насильственное же прекращение биологической деятельности плода в утробе матери влечет за собой уголовную ответственность по ст. 111 УК РФ за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью беременной женщине [24]. Однако ниже приведенные законодательные новеллы свидетельствуют об ином понимании момента рождения человека.

Впервые российским законодателем *момент начала жизни* человека был определен в ч. 1 ст. 53 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [20]. В соответствии с этой нормой моментом рождения ребенка является *момент отделения плода от организма матери посредством родов*.

С медицинской точки зрения, плод – это «человеческий зародыш с девятой недели внутриутробного развития до момента рождения» [29, с. 335]. Роды (родовой акт) определяются в Большой медицинской энциклопедии как «физиологический процесс изгнания плода, плаценты с плодными оболочками и околоплодными водами из матки через родовые пути после достижения плодом жизнеспособности» [6, с. 327]. Приведенное определение свидетельствует о том, что понятие родов базируется на двух периодах (стадиях) родового процесса: изгнании плода и послеродовом периоде. Однако в клиническом течении родов выделяют еще один период – раскрытие шейки матки (родовые схватки), предшествующий изгнанию плода и последа, с которого и начинаются роды.

На основании изложенного рождением ребенка следует считать момент наступления первых родовых схваток у беременной женщины, при которых только начинается процесс отделения плода от материнского организма [28, с. 76].

Таким образом, законодательное определение момента рождения человека напрямую связано с моментом возникновения субъективного права на жизнь, закрепленного в ст. 17 и ч. 1 ст. 20 Конституции РФ: право на жизнь принадлежит каждому от рождения [1]. Утверждение, что начальным моментом уголовно-правовой охраны человеческой жизни является начало физиологических родов, получило законодательное подтверждение [25, с. 19; 18, с. 12; 4, с. 32]. А это, в свою очередь, означает, что виновное посягательство в отношении рождающегося плода, приведшее к его мертворождению или причинению вреда его здоровью в зависимости от предусмотренных уголовным законом оснований, должно квалифицироваться как преступление против жизни или здоровья человека [28, с. 77].

Привилегированное убийство или убийство при смягчающих обстоятельствах имеет место в тех случаях, когда в действиях виновного содержатся признаки, предусмотренные ст. 106–108 УК РФ. Это убийство матерью новорожденного ребенка; убийство, совершенное в состоянии аффекта, и убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Уголовный кодекс РФ 1996 г. в самостоятельный состав выделил менее опасный вид умышленного убийства со смягчающими обстоятельствами – убийство матерью новорожденного ребенка, предусмотренное ст. 106 УК РФ.

Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения в сфере охраны жизни человека. Объект рассматриваемого состава включает еще один признак – это потерпевший, которым является новорожденный [4, с. 49]. Что же касается понятия «новорожденный», то медицинский и юридический критерии здесь не совпадают. В общемедицинском смысле новорожденность можно определить как начальный период существования ребенка и адаптации его к условиям

внеутробной жизни. Акушеры и педиатры (неонатологи) исчисляют этот период 28 днями, подразделяя на ранний неонатальный период, длящийся от момента перевязки пуповины, до конца семи суток, и на поздний – с 8 по 28 день жизни [5, с. 9; 21, с. 173].

Судебно-медицинское определение периода новорожденности отличается от принятого клиницистами – это достаточно короткий промежуток времени, который длится первые 24 часа после рождения и определяется в спорных случаях по ряду признаков (отсутствие демаркационного кольца на пуповине, наличие родовой опухоли, мекония, сыровидной смазки) [3, с. 182; 22, с. 386; 23, с. 216]. Согласно медицинской энциклопедии новорожденным считается ребенок с момента рождения, первого вдоха и перевязки пуповины до четырехнедельного возраста [6, с. 87]. Юридическая литература изобилует различными иными толкованиями возраста новорожденного [12, с. 296; 13, с. 194]. Но, тем не менее, в среднем период новорожденности длится 28–30 дней [14, с. 109], и в правоприменительной практике новорожденным считается ребенок в возрасте до 4 недель.

Очевидно, что столь размытые границы установления возраста потерпевшего в данном составе преступления дают возможность весьма вольного применения УК РФ.

Преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ, может быть совершено как путем действия (удушение, отравление, нанесение ударов и др.), так и путем бездействия (отказ матери от кормления ребенка). Состав преступления – материальный. Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины в виде прямого или косвенного умысла.

Субъект предусмотренного ст. 106 УК РФ преступления специальный – биологическая мать, подлежащая привлечению к уголовной ответственности по достижении на момент совершения преступления возраста 16 лет. По-видимому, законодатель мотивировал это тем, что мать новорожденного ребенка в возрасте 14 лет не может осознавать всю ответственность материнства, саму ее сущность. Однако в последнее время отмечается тенденция материнства именно малолетними

матерями – 14, 15, а то и 12 лет, обусловленная более быстрым половым созреванием и ранним началом половой жизни.

Если соисполнителем и исполнителем преступления являются лица, достигшие 14 лет, но не достигшие 16-летнего возраста, то первый отвечает за совершение особо тяжкого преступления, а вопрос привлечения к уголовной ответственности второго – спорный, неоднозначный для квалификации и точно не урегулированный уголовным законом. Если же участниками данного деяния являются лица, достигшие 16 лет, то исполнитель привлекается к ответственности по ст. 106 УК РФ за преступление средней тяжести, а соисполнитель за вышеуказанное особо тяжкое преступление – по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В соответствии с принципом справедливости, закрепленным в ст. 6 УК РФ, наказание, применяемое к совершившему преступление лицу, должно быть справедливым, а именно: соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления. Получается, исходя из логического толкования, что степень общественной опасности деяния, совершенного соисполнителем, превышает аналогичную степень опасности действий, совершенных матерью новорожденного.

При оценке психотравмирующей ситуации необходимо выяснять суть той конфликтной жизненной ситуации, которая, кроме восприятия факта беременности и родов самой женщиной, так повлияла на ее психику, что подтолкнула ее к детоубийству. Например, к стрессовой ситуации можно отнести беременность вне брака или в результате изнасилования, отказ отца будущего ребенка признать его и др. При наличии же и таких негативных факторов, как боязнь огласки и позора, страх перед родителями, невозможность уехать в другую местность и т.д., эмоциональная напряженность усиливается, углубляется и приводит к совершению преступления. Так, 16-летняя Л., забеременев во время поездки к бабушке в летние каникулы, все 9 месяцев скрывала этот факт от родителей, сестры и брата. Беременность протекала без осложнений, и Л. родила в туалете доношенного мальчика. Испугавшись гнева родителей, она убила новорожденного, задушив его тесьмой. Труп завернула в газету и выбросила в мусорный контейнер. Преступление было раскрыто,

когда сверток обнаружил житель дома, выносивший мусор, а на газете был написан адрес места жительства обвиняемой и ее родителей. С учетом всех обстоятельств дела Л. была осуждена Фрунзенским районным судом г. Иваново к условной мере наказания [2].

Теоретически и практически возможны такие случаи, когда женщина заранее имела умысел на убийство новорожденного ребенка и использовала при совершении преступления его беспомощное состояние. Несмотря на это, законодатель и подобные случаи считает убийством, предусмотренным ст. 106 УК РФ.

На наш взгляд, действия беременной женщины, направленные на предварительную подготовку убийства своего новорожденного ребенка при безусловном установлении данного обстоятельства, и при доведении преступного умысла до конца, следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В практике возникают сложности и при квалификации убийства матерью двух или более новорожденных детей, поскольку в диспозиции ст. 106 УК РФ отсутствует такой квалифицирующий признак. Квалификация таких действий по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ будет неправильной хотя бы потому, что санкция ч. 2 ст. 105 УК РФ – от 8 до 20 лет лишения свободы, либо пожизненное лишение свободы, либо смертная казнь – значительно отличается от санкции ст. 106 УК РФ – до пяти лет лишения свободы.

Было бы, по нашему мнению, правильным дополнить ст. 106 УК РФ квалифицирующим признаком – ч. 2 ст. 106 УК РФ *«Убийство матерью двух или более новорожденных детей»*.

Полагаем также необходимым повысить санкцию за убийство матерью новорожденного ребенка и установить ее следующим образом: по ч. 1 ст. 106 УК РФ преступление наказывается лишением свободы на срок до восьми лет; по ч. 2 ст. 106 УК РФ – лишением свободы на срок до десяти лет.

Завершая свои рассуждения, хочется сказать, что, наверное, как юристы, мы понимаем особенности рассмотренного состава преступления и законодателя, который отнес это преступление к разряду привилегированных. Однако, с позиции человека, и

особенно матери, понять это весьма трудно. Маленький человек, еще не родившись, или только-только родившись, вступая в этот мир, не может попросить о помощи и не может крикнуть: «Защити меня, мама!». Защитить его можем только мы (предупредив его смерть или уже посмертно) – взрослые и разумные люди, используя для этого все возможные уголовно-правовые средства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (в ред. от 21.07.2014) // СПС Гарант.
2. Архив Фрунзенского районного суда г. Иваново за 2016 г. Дело № 1-204/2016.
3. Акопов В.И. Судебная медицина в вопросах и ответах (Справочник – пособие для юристов и врачей). – Ростов н/Д: Феникс, 1998.
4. Ануфриева Т.Н., Ходусов А.А. Уголовно-правовая защита прав и свобод личности: Учебное пособие. – М.: Международнй юридический институт, 2012.
5. Белополюский Ю.А., Оленич В.Б. Педиатрия: Новейший справочник. – М.: Эксмо, 2005.
6. Большая медицинская энциклопедия. 3-е изд. Т. 22. – М., 1984.
7. Бородин С.В. Преступления против жизни. – М.: Юрист, 1997.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М., 2006. Т. 4.
9. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. – М., 1994.
10. Загородников П.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. – М., 1961.
12. Комментарий к УК РФ / Под ред. М.В. Лебедева. – М.: Норма, 2004.
13. Комментарий к УК РФ / Под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. – СПб.: Питер, 2007.

14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2010.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. 2-е изд. Т. 20.
16. Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. – СПб., 1876. Т. 1.
17. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 2011.
18. Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. – Воронеж, 1965.
19. Сарыев Б. Ответственность за преступления против жизни и здоровья. – Ашхабад, 1973.
20. Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
21. Справочник по акушерству и гинекологии / Под ред. Г.М. Соловьевой. – М.: Медицина, 1996.
22. Судебная медицина (руководство для врачей) / Под ред. А.А. Матышева и А.Р. Деньковского. – Л.: Медицина, 1985.
23. Судебная медицина: Учебник / Под ред. В.В. Томилина. – М.: Юрид. лит., 1987.
24. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. В.И. Гладких. – М., 2015.
25. Уголовное право России. Часть Особенная: Учебник для вузов / Отв. ред. Л.Л. Крутиков. – М., 1999.
26. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – М., 1986.
27. Шаргородский М.Д. Преступление против жизни и здоровья. – М., 1948.
28. Шарапов Р. Уголовно-правовое значение юридического определения момента рождения ребенка // Уголовное право. 2012. № 3.
29. Энциклопедический словарь медицинских терминов. В 3-х т. Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1983.

Хусаинова Сальвия Равильевна

курсант Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя

Жабский Валерий Александрович

научный руководитель, д-р юрид. наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права Московского
университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Husainova S.R.,

cadet of the Moscow University of the Ministry of Interior
of Russia named after V.J. Kikot

Zhabsky V.A.,

supervisor, doctor of law, associate Professor, professor
of the Department of Criminal Law of the Moscow
University of the Ministry of Interior of Russia
named after V.J. Kikot

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОЗРАСТНОЙ НЕВМЕНЯЕМОСТИ

THE CRIMINAL-LEGAL SIGNIFICANCE OF AGE-RELATED INSANITY

Аннотация. В статье автор рассматривает уголовно-правовое значение возрастной невменяемости. В ходе изучения проблемы указываются обстоятельства, из которых исходит «возрастная невменяемость», раскрывается понятие невменяемости. Кроме того, в статье приведены примеры применения ст. 20 УК РФ на практике. Автор затрагивает вопросы сенсорной и психической депривации.

Ключевые слова: субъект преступления, состав преступления, вменяемость, возраст, уголовная ответственность, депривации, девиантный, психическое развитие, возрастная невменяемость.

Abstract. In the article the author considers the criminal-legal significance of age-related insanity. In the course of studying the problem, the circumstances from which «age-related insanity» comes out, the concept of insanity is revealed. In addition, the article gives examples of the application of Art. 20 of the Criminal Code of the Russian Federation in practice. The author touches upon the issues of sensory and mental deprivation.

Key words: subject of crime, crime, responsibility, age, criminal responsibility, deprivations, deviant, mental development, age insanity.

В XIX в. субъект преступления, рассматривавшийся в качестве «внутренней стороны преступления», не выделялся как отдельный элемент состава преступления. При этом идеи о субъекте, как полновесном элементе состава преступления, рассматривались как в работах ученых, так и в законодательстве того времени. На современном этапе развития Российского уголовного права, на наш взгляд, наиболее актуальной представляется проблема возрастной невменяемости.

Возрастная вменяемость так же, как и достижение определенного законодательством возраста, является условием, влекущим наступление уголовной ответственности. Действующее уголовное законодательство не дает определения понятия «невменяемость». Пытаясь определить понятие «вменяемость», ее часто противопоставляют понятию «невменяемость». Следствием этого является то, что понятие «невменяемость» стали связывать с психическим здоровьем лица, что позволяло ему осознавать фактическую сторону действий, которые оно совершало, и руководить ими, а также давало понимание их общественной опасности.

Называя в числе общих условий уголовной ответственности вменяемость лица, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), как и законодательство, действовавшее ранее, не содержит определения вменяемости. Способность субъекта преступления осознавать фактическую сторону и социальную значимость своего деяния, а также способность руководить своим поведением (в чем и заключается вменяемость) предполагаются, если отсутствуют признаки невменяемости, названные в комментируемой статье. Понятие и критерии невменяемости,

выработанные прежним законодательством и апробированные теорией и практикой уголовного права и судебной психиатрии, в основном сохранились.

Доктрина уголовного права, рассматривая вопрос возраста как признака субъекта, исследует социальную (возрастную) невменяемость [1, с. 118].

Законодательство устанавливает возраст наступления уголовной ответственности, исходя из того, что к данному моменту основная масса несовершеннолетних достигает таковой психологической и общественной зрелости, которая разрешает им нести ответственность.

Совершенно неоспорим тот факт, что возраст наступления уголовной ответственности не говорит о том, что многие, не достигшие совершеннолетия, добиваются значения психического становления, которое требуется для того, чтобы принцип виновной ответственности был соблюден [2, с. 4]. Подобное может быть связано с наличием как биологических, так и социальных факторов:

- наличие девиантного поведения;
- основательная педагогическая запущенность;
- негативное микросоциальное окружение;
- невысокий воспитательный потенциал родительской семьи;
- значительная сопричастность в употреблении алкогольных напитков и токсических веществ [3].

Определение возрастной невменяемости установлено ч. 3 ст. 20 УК РФ. Сообразно тексту закона, несовершеннолетнее лицо в возрасте от 14 до 18 лет не подлежит привлечению к уголовной ответственности, в случае если в период совершения преступления оно имело отставание в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, не могло полностью осознавать фактический нрав и социальную опасность собственного преступного поведения или управлять им.

Литературно именуемая «возрастная невменяемость», как норма, закреплена в ч. 3 ст. 20 УК РФ, что очевидно исходит из следующих обстоятельств [4]:

1) норма интегрирована в ст. 20 УК РФ «Возраст наступления уголовной ответственности»;

2) норма имеет условие, которое исключает наступление уголовной ответственности;

3) она сконструирована как ч. 1 ст. 21 «Невменяемость» [5].

Часть 3 ст. 20 УК РФ говорит о не невменяемости, которую ст. 21 УК РФ связывает с психическим расстройством лица, а о невменяемости вменения в вину, то есть о невменяемости. Как известно, термин «возрастная невменяемость» обширно распространен и используется как в правоприменительной практике, так и в полученной литературе. По этой причине нет необходимости заменять его каким-либо другим понятием [6].

Институт возрастной невменяемости является одним из методологически несогласованных и непроработанных на сегодняшний день. Часть 3 ст. 20 определяет данное понятие как не достигшие совершеннолетия, достигшие возраста наступления уголовной ответственности, но не способные в полной мере осознавать практический нрав и общественную опасность собственных действий или руководить ими в связи отставанием в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством, не подлежат уголовной ответственности.

По причине неоспоримого освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности данная норма вызывает неоднозначное отношение, которое состоит в том, что уголовное право закрепляет мысль неотвратимости наступления уголовной ответственности с самого момента зарождения. Как известно, освобождение от уголовной ответственности должно быть сопровождено дальнейшим контролем над лицом для предотвращения формирования в сознании у данных лиц чувства вседозволенности.

Редакция ч. 3 ст. 20 УК многократно подвергалась аргументированной критике. Анализ ее содержания ведется, в большинстве случаев, совместно с анализом ст. 22 УК РФ. Вышеизложенное разрешает обнаружить последующий феномен: ч. 3 ст. 20 УК РФ устанавливает аспекты, идентичные обозначенным в ст. 22 УК, для того, чтобы определить ограниченную вменяемость,

впрочем, применение ч. 3 ст. 20 влечет такие же последствия, что и при установлении невменяемости.

О.Д. Ситковская аргументировано обращает внимание на то, что использование отмеченных норм «оказывается для правоприменителя в высшей степени трудоемким и нередко сопрягается с ошибками. Органы предварительного расследования, эксперты, прокуроры, защитники и суд оказались не готовы правильно применять новейшие правовые институты. Данное неминуемо приводит к нарушению принципов вины и справедливости, неправомерному осуждению одних, не достигших совершеннолетия, бездоказательно суровому наказанию иных» [7, с. 5].

О возрастной невменяемости надлежит говорить лишь тогда, когда данное отставание так существенно, что ограничивает способность несовершеннолетнего в ситуации точного преступления полностью осознавать практический нрав и социальную опасность собственных деяний или управлять ими.

Основанием для признания лица невменяемым по возрасту считается задержка в его психическом развитии (юношеский инфантилизм). Невозможность наступления уголовной ответственности для указанных лиц разъяснена в судебной практике.

Так, например, общественно опасное действие, содержащее признаки разбоя, Б. осуществил в возрасте 15 лет, и с формальной стороны это обстоятельство давало причину для привлечения его к уголовной ответственности. Но, как установлено стационарной судебно-психиатрической экспертизой, у Б. хоть и нет психического заболевания, но имеется задержка в психическом развитии вследствие перенесенных им при родах травмы головного мозга, асфиксии и недоношенности. Согласно выводам экспертизы, по уровню общего психического становления на день обследования Б. не соответствует паспортному возрастному периоду, считается не достигшим 14 лет и вследствие интеллектуально-личностной незрелости, малой способности к прогнозированию, контролю и выполнению критических функций на день обследования, как и в период совершения общественно опасного действия, не имел возможности полностью осознавать значение собственных деяний и управлять ими.

Кроме того, если какие-либо задержки в психическом развитии сохраняются у лица, достигшего совершеннолетнего возраста, они могут выступать в качестве медицинского критерия неменяемости.

В ч. 3 ст. 20 УК сыскал воплощение «принцип разума», согласно которому не достигший совершеннолетия отвечает за совершенное общественно опасное действие, в случае если он действовал «с разумением».

Главной из причин в отставании психического развития, никоим образом не связанной с психическим расстройством, могут выступать социально-педагогическая запущенность (неправильное образование в семье, школе), долгие либо тяжкие соматические заболевания, органические дефекты центральной нервной системы, общее недоразвитие организма и т.п.

Солидную роль играют депривации, то есть психические лишения, которые претерпевает ребенок вследствие недостаточного удовлетворения психологических потребностей.

Исходя из причин возникновения, выделяют: сенсорную и психическую (аффективную) депривации их типы. Сенсорная считается следствием повреждений органов чувств – глухоты, слепоты. Сами собой отмеченные дефекты не оказывают большое влияние на уровень психического становления. Вместе с этим, значительно сдерживая объем получаемой ребенком информации, будучи врожденными либо раноприобретенными, они способны замедлить процесс психического развития [8].

Скрытая психическая депривация имеется в случаях, когда не достигший совершеннолетия подвергается эмоциональному отторжению и не получает достаточного внимания, любви и заботы со стороны родителей.

Задержки психического развития могут быть вызваны и иной крайностью, знаменитой как синдром единственного ребенка. Излишняя опека, при создании тепличных условий в жизни человека, приводит к тому, что, взрослея, он осознает свою непригодность к жизни, не имеет возможности объективно расценить свое место в ней, сравнить личные интересы и действия с интересами и действиями иных.

Во всех перечисленных вариантах задержка психического развития не носит патологического характера. Психика ребенка может быть здоровой. Отставание в ее развитии обусловлено общественными факторами: не достигший совершеннолетия в конкретные жизненные этапы не получает нужного опыта или получает вовсе не нужный опыт.

Отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, имеет уголовно-правовое значение, в случае если вызвало неспособность ребенка полностью осознавать практический нрав и социальную опасность собственных действий (бездействия) или руководить ими. Речь не идет о безоговорочном поражении интеллектуальной или же волевой сфер психики. Не достигший совершеннолетия способен отдавать себе отчет в своем поведении и произвольно им управлять; вместе с этим данные возможности развиты в нем значительно менее, нежели в лицах, психическое формирование которых следует без задержек.

Факты отставания в психическом развитии и невозможности гарантированно осознавать собственные действия и управлять ими обязаны устанавливаться на день совершения лицом общественно опасного действия (бездействия) [9].

Таким образом, невменяемость – это совокупность медицинского, юридического, временного критериев, установленная судом и свидетельствующая о том, что лицо не подлежит уголовной ответственности за совершенное им общественно опасное деяние, которое предусмотрено в УК РФ. Невменяемость – правовая категория, поскольку исключительно суд может признать лицо невменяемым. Уголовно-правовое значение невменяемости состоит прежде всего в следующем: психически нездоровое лицо, которое совершило общественно опасное деяние и признанное судом невменяемым, не может выступать в качестве субъекта преступления. Соответственно нет и состава преступления, что, в свою очередь, исключает уголовную ответственность.

Также стоит отметить, что уменьшенная вменяемость, выступающая правовым понятием, устанавливается исключительно судом в соответствии с заключением комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Психические расстройства, не ис-

ключающие вменяемости, не исключают уголовную ответственность, однако могут учитываться судом в качестве обстоятельств, которые смягчают наказание, также они в некоторых ситуациях позиционируются в качестве оснований для назначения принудительных мер медицинского характера. Названные меры применяются к лицу, которое признано ограниченно вменяемым, вместе с наказанием, при наличии условий, нормативно определенных ч. 2 ст. 97 УК РФ, и лишь в форме амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра.

Библиографический список

1. Тугушев Р.Р. Невменяемость: уголовно-правовое значение и проблемы отграничения от вменяемости и ограниченной вменяемости: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2012.

2. Шишков С.Н. Критерии невменяемости в английском уголовном праве XVIII в. // Право и политика. 2007. № 2.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

4. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета. 2009. 21 янв. № 7.

5. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. – М., 2007.

6. Артеменко Н.В. Актуальные проблемы вменяемости (невменяемости) и возраста уголовной ответственности: Сравнительный историко-правовой анализ уголовного законодательства РФ и Франции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2009.

7. Дмитриев А.С., Клименко Т.В. Судебная психиатрия. – М., 2010.

8. Бекмурзин М.С., Жабский В.А., Жилкин М.Г., Якушина Е.С. Учебно-методическое пособие для подготовки к экзамену по курсу «Уголовное право». – Руза, 2014.

9. Robinson D.N. Wild Beasts and Idle Humours. The Insanity Defense from Antiquity to the Present. – London, 1996.

Червякова Алина Юрьевна

студентка 2-го курса магистратуры
Международного юридического института

Chervyakova A.Y.

2 year master's student International law Institute

**ПРОБЛЕМА НАРУШЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД
ГРАЖДАН СО СТОРОНЫ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

*THE PROBLEM OF VIOLATION OF CONSTITUTIONAL
RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS BY LAW
ENFORCEMENT AGENCIES IN THE RUSSIAN
FEDERATION*

Аннотация. Права человека – главная цель любого цивилизованного правового государства, стремящегося обеспечить свободу, благосостояние, достойное, безопасное проживание людей на территории государства. В данной статье проводится исследование проблемы нарушения конституционных прав и свобод граждан со стороны правоохранительных органов в Российской Федерации¹.

Ключевые слова: права, государство, жалобы, правоохранительные органы.

Abstract. Human Rights are the main goal of any civilized legal state seeking to ensure freedom, well – being, decent, safe living of people on the territory of the state. This article studies the problem of violation of constitutional rights and freedoms of citizens by law enforcement agencies in the Russian Federation.

Key words: rights, state, complaints, law enforcement agencies.

¹ <http://www.sma-nn.ru/news/view/19>

Главенствующее место в организации правоохранительной деятельности принадлежит Конституции Российской Федерации. Согласно ст. 2 Конституции РФ, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод является обязанностью государства¹.

Государство обязывает все свои органы, учреждения, должностных лиц, уважать и соблюдать законные права и свободы всех граждан, проживающих на его территории. Однако на практике сложилась иная ситуация – правоохранительные органы, призванные охранять и обеспечивать безопасную реализацию прав и свобод человека, закрепленных в Конституции, нередко сами нарушают их при осуществлении своей деятельности. Причинами нарушения конституционных прав и свобод граждан со стороны правоохранительных органов в Российской Федерации являются разные обстоятельства.

Итак, для дальнейшего изучения обозначенной в моем исследовании проблемы необходимо дать определение правоохранительной деятельности.

Правоохранительная деятельность – это властно-организующая деятельность компетентных органов и лиц, направленная на охрану прав и свобод граждан, обеспечение законности и правопорядка в обществе².

Важным признаком правоохранительной деятельности является ее реализация, возложенная на специально уполномоченные государственные органы – правоохранительные органы, наделенные властными полномочиями, исполнение которых обеспечивается принудительной силой государства. К правоохранительным органам в Российской Федерации относятся:

- Прокуратура Российской Федерации;
- Следственный комитет Российской Федерации;
- Федеральная служба безопасности;
- Федеральная служба войск национальной гвардии;
- Министерство внутренних дел Российской Федерации;

¹ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

² Савюк Л.К. Правоохранительные органы: Учебник. – 2-изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007.

- Федеральная таможенная служба (правоохранительные подразделения);

- Министерство юстиции Российской Федерации;

- Федеральная служба судебных приставов;

- Федеральная служба исполнения наказаний¹.

К сожалению, нарушение прав и свобод граждан происходит с частой периодичностью практически со стороны всех перечисленных выше правоохранительных органов, но наибольшее количество таких нарушений преимущественно совершают сотрудники органов Министерства внутренних дел Российской Федерации. С чем же связана данная статистика? Во-первых, с наибольшей численностью штата работников, по сравнению с другими правоохранителями, во-вторых, Министерство внутренних дел затрагивает наибольшее количество конституционных прав и свобод граждан в своей деятельности.

Очевидно, что Министерство внутренних дел не единственный «нарушитель» среди правоохранительных органов. Например, конституционные права также нарушаются судами различных уровней и различной юрисдикции, в рамках осуществления правосудия. Даже среди таких структур, связанных с государственной тайной и не освещенных в средствах массовой информации, то же можно найти сотрудников, злоупотребляющих в отношении граждан.

По данным анонимного опроса одного из источников сети Интернет, самыми частыми нарушениями со стороны правоохранительных органов являются:

- нарушения конституционных прав, направленные на получение денежных средств или какой-либо выгоды;

- нарушения, связанные с незаконным проникновением в жилище;

- нарушения, связанные с применением пыток и жестокого обращения, принуждения к освидетельствованию против себя, своих близких родственников;

¹ <https://ru.wikipedia.org/>

- производство незаконных арестов органами предварительного следствия, дознания;
- фальсификация доказательств;
- формализм проверочных действий;
- «рейдерские захваты» предприятий, где правоохранители выступают в качестве пособников или даже организаторов.

В настоящее время в России наблюдается недоверие к правоохранительным органам. Проводимые социологические исследования показывают, что большинство граждан, пострадавших от преступлений, не обращаются за помощью в органы внутренних дел, так как уверены, что правоохранители вовсе не защищают их, а стремятся поддерживать статистику высоких показателей раскрываемости и другие статистические индексы. При этом они не думают о том, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением не только защиту законных прав и интересов лиц, пострадавших от преступления, а также защиту их личности от необоснованного и незаконного осуждения, обвинения и ограничения прав и свобод.

Так в чем причина того, что порядочные и достойные граждане, приходящие на службу в правоохранительные органы, через два-три года превращаются в злостных нарушителей?

Причинами нарушения конституционных прав граждан правоохранительными органами являются следующие обстоятельства:

- 1) убежденность недобросовестных сотрудников в собственной безнаказанности, вседозволенности;
- 2) юридическая безграмотность;
- 3) правовая деформация;
- 4) низкий профессиональный уровень сотрудников правоохранительных органов, правовая безграмотность, побуждающая решать профессиональные задачи силовыми методами;
- 5) отсутствие индивидуально-воспитательной работы в правоохранительных органах и учебных заведениях юридического профиля;
- 6) несовершенная оценка деятельности правоохранителей, а также несоответствие выполняемой работы и поощрения за нее;

7) давление на средства массовой информации, вынужденные замалчивать о фактах безнравственных, противоправных поступков сотрудников правоохранительной системы;

8) использование сил правоохранительных органов в политических разногласиях с существующей властью;

9) высокая текучесть квалифицированных кадров;

10) низкая правовая культура.

Систематические нарушения прав и свобод граждан, применение чрезмерных мер принуждения, неадекватная реакция со стороны правоохранительных органов, являющихся карательным механизмом государства, создание видимости работы вместо осуществления реальной деятельности, приводят к ряду негативных последствий: росту преступности и появлению организованных преступных группировок, снижению показателей раскрываемости дел, ухудшению социально-экономической обстановки в регионе, росту неудовлетворенности населения эффективностью работы данной системы.

Для решения данной проблемы, по моему мнению, необходимы применения ряда мер, направленных на преодоление сложившейся ситуации:

1) необходимо ужесточить меры борьбы с коррупцией в правоохранительных органах;

2) повысить престиж службы (увеличение заработной платы и вместе с этим повышение требований к кандидатам на службу в правоохранительные органы);

3) повысить открытость и подотчетность населению (открытость для средств массовой информации, общественных организаций);

4) реформировать и совершенствовать органы контроля и надзора;

5) совершенствовать законодательство, регулирующее деятельность правоохранителей, а также усилить установленную в законодательстве ответственность за нарушения прав и свобод граждан со стороны правоохранительных органов (уголовную, административную, дисциплинарную);

6) необходимо привести правоохранителей не к количественному расследованию преступлений, а к более качественному;

- 7) повысить уровень содержания необходимой техники;
- 8) проводить переквалификацию кадров и обучение.

Проблема, затронутая в статье, еще на протяжении многих лет будет не разрешима, так как правоохранительные органы уже на протяжении долгих лет утратили авторитет и уважение среди граждан. Пока в обществе не будет преодолено сложившееся мнение по отношению к сотрудникам правоохранительных органов как основным нарушителям прав граждан, ситуация кардинально не изменится. Теперь только маленькими и аккуратными шагами необходимо поднимать авторитет правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Конституция РФ. 1993 <http://www.consultant.ru/document/>
2. Федеральный закон Российской Федерации «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ.
3. Федеральный закон Российской Федерации «О прокуратуре» от 17 января 1992 г. № 2202-1.
4. Федеральный закон Российской Федерации «О следственном комитете РФ» от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ.
5. Федеральный закон РФ «О Федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ.
6. Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. Хрестоматия // Под ред. К.Ф. Гуценко. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗЕРЦАЛО, 2008.
7. Савюк Л.К. Правоохранительные органы: Учебник / Л.К. Савюк. 2-изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007.
8. Правоохранительные органы: Учебник для академического бакалавриата / Под ред. Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. – М.: Юрайт, 2015.
9. Берекашвили Л.Ш. Обеспечение прав и свобод человека правоохранительными органами Российской Федерации. – М.: Щит-М, 2012.
10. Павинский Н.М. Правоохранительные органы / Н.М. Павинский, А.Н. Миронов. – М.: Форум, 2015.

Янаев Саберджан Исмаилович

канд. экон. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института

Janaev Z.I.

cand. of economic Sciences, associate Professor,
associate Professor of the Department of criminal law
International law Institute

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРЫСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

SOCIO-PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF PREVENTION MERCENARY CRIME IN RUSSIA

Аннотация. В работе рассмотрены актуальные и важные проблемы анализа (исследования) современного состояния уголовно-правовых, криминологических и социально-психологических признаков корыстной преступности, влияние социально-психологических детерминант на корыстную преступность.

Ключевые слова: преступность, экономическая нестабильность, прибыльная преступность, динамика, структура, характеристики, профилактика, детерминанты.

Abstract. The paper deals with the actual and important problems of analysis (research) of the current state of criminal law, criminological and socio-psychological characteristics of mercenary crime, the impact of socio-psychological determinants on mercenary crime.

Key words: criminal, economic instability, lucrative criminality, dynamics, structure, characteristics, prevention, determinants.

В третьем тысячелетии место и роль России в мировом сообществе определяются ее статусом евразийской державы с соответствующими интересами, возможностями и влиянием.

Несмотря на трудности глобального экономического кризиса, мощь и источники возрождения величия России кроются в не-

драх ее собственного пространства, собственной социально-культурной традиции и собственного геополитического и геоэкономического потенциала.

Россия обладает огромным природным потенциалом, она является одним из мировых лидеров в добыче и экспорте полезных ископаемых, особенно в энергетическом секторе.

Это позволяет России традиционно влиять на экономику и безопасность Европы, а в последнее время значительно активизировать свою энергетическую роль и в «восточном» векторе политики.

В сотрудничестве с динамично развивающимися государствами мира и опираясь на благоприятное географическое положение, Россия имеет все возможности наилучшим образом реализовать себя в таких высокотехнологичных сферах, как современная энергетика, коммуникации, космос, атомное машиностроение, авиастроение, продукция ВПК.

Россия была и остается привлекательной своим огромным духовным и научным потенциалом, культурным богатством.

Такое положение России в рамках формирования международных, в том числе и экономических отношений не может не вызывать раздражения, недовольства, сопровождается конкуренцией целого ряда государств, активизирующих свои усилия по ослаблению позиций России в мировом сообществе.

В свою очередь, это не может устроить и россиян, особенно в плане покушения этих стран на национальные, в том числе и экономические интересы России, ее безопасность.

Рост экономики во многом предопределяется количеством и качеством трудовых ресурсов. В современной экономике люди – это ключевой ресурс. Только люди являются носителями главного конкурентного преимущества – уникальных знаний и способностей.

Базовым национальным приоритетом, таким образом, становится человек, личность, точнее развитие того интеллектуального, духовного и энергетического потенциала, которым эта личность обладает.

Отсюда следует необходимость полноценного развития человека и защита жизненно важных интересов, прав и свобод личности.

Глобальный экономический кризис и рецессия, наметившаяся во втором десятилетии 2000-х гг. в мировой экономике, усилили криминогенную ситуацию в нашей стране, которая в течение последних лет остается сложной и не соответствует ожиданиям общества.

Криминал проникает в наиболее доходные виды коммерческой деятельности: топливно-энергетический и лесопромышленный комплекс, добычу и реализацию биоресурсов, металлургическую промышленность, автомобилестроение. Значительно увеличилось число преступлений, связанных с незаконной банковской деятельностью, преднамеренным банкротством, незаконным получением кредита, лжепредпринимательством, мошенничеством и др. По некоторым оценкам масштабы российской теневой экономики 2000-х гг. варьируются обычно в интервале 20–40 % ВВП. Самое главное, наблюдается принципиальная недооценка роли борьбы с теневой экономикой в обеспечении национальной экономической безопасности.

В условиях экономической нестабильности, прогнозируя негативные последствия от мирового кризиса в ближайшие годы, можно предположить и ожидаемые «всплески» теневой экономической активности. Ведь они происходят тогда, когда с одной стороны, объективно сокращается производство и количество рабочих мест, снижается уровень зарплаты и уровень благосостояния значительных масс населения, а с другой – возникают предпосылки для противоправных действий конкретных людей в целях удовлетворения своих как естественных физиологических потребностей, так и корыстных устремлений. Корыстный мотив, в данном случае, характеризуется как чувство противоправной материальной выгоды, обуславливающей стремление извлечь материальную выгоду для себя или для других лиц.

Последствия от этих действий носят достаточно распространенный характер и несут в себе большую общественную опасность. Только материальный ущерб от экономических преступлений, по окончанным в 2017 г. уголовным делам, составил десятки миллиардов рублей.

Одной из причин сложившегося положения является и то, что государственные органы, в частности правоохранительные и су-

дебные, оказались неподготовленными в правовом, организационном, кадровом, материально-техническом, финансовом и, что важно, в психологическом отношении к деятельности в принципиально новой экономической обстановке.

В 2016 г. всеми правоохранительными органами было раскрыто почти 1 млн 200 тыс. преступлений. Свыше 80 % из них, приходится на долю сотрудников органов внутренних дел. Повысилась раскрываемость ряда наиболее опасных криминальных деяний. В первую очередь, убийств и покушений на убийство, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, похищений человека, изнасилований, разбоев, грабежей. Значительный вклад в ее решение вносят подразделения системы МВД России. На их долю приходится более 80 % от общего количества наиболее опасных преступлений, выявленных в данной сфере всеми правоохранительными органами.

Основные усилия правоохранительных органов направлены на предотвращение хищений финансовых средств, выделяемых из федерального бюджета на поддержку важнейших секторов экономики, реализацию федеральных целевых программ и крупнейших инвестиционных проектов, а также подготовку к проведению Кубка конфедераций и чемпионата мира по футболу. Всего в сфере освоения бюджетных средств выявлено 7300 квалифицированных преступлений, связанных с хищениями и нецелевым их использованием. Размер причиненного в 2016 г. ущерба составил более 19 млрд рублей. Приняты меры по обеспечению возмещения материального ущерба на сумму восемь с лишним миллиардов рублей. Первостепенное внимание уделялось реализации Национального плана противодействия коррупции. В том же году сотрудниками полиции пресечено свыше 25,5 тыс. преступлений коррупционной направленности. Совместными усилиями всех правоохранительных органов к уголовной ответственности привлечено 1300 должностных лиц различного уровня, причастных к совершению коррупционных преступлений.

Перед правоохранительными органами стоит одно из важных направлений работы – борьба с преступлениями в сфере экономики. Объективные реалии нашей жизни обуславливают необходимость последовательно очищать от криминала, от «серых»,

теневых схем банковскую систему, ТЭК, производственные и строительные отрасли. И конечно, особое внимание нужно уделять созданию благоприятной деловой среды, защите законных интересов бизнеса, тщательно расследовать факты давления на предпринимателей, их необоснованного преследования, в том числе со стороны правоохранительных органов, что абсолютно недопустимо. Нельзя снижать темпов и в борьбе с коррупцией, активнее выявлять тех, кто наживается за казенный счет, кто использует свое служебное положение или полномочия для незаконного обогащения, незамедлительно реагировать на жалобы людей о разного рода вымогательствах. Особое внимание нужно уделять созданию благоприятной деловой среды, защите законных интересов бизнеса, тщательно расследовать факты давления на предпринимателей, их необоснованного преследования, в том числе со стороны правоохранительных органов.

На расширенном заседании коллегии МВД России (1.03.2018 г.), в ходе заседания были подведены итоги оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел за 2017 г., и определены основные направления работы на 2018 г. Выступивший на коллегии Президент Российской Федерации В.В. Путин предложил подробно проанализировать итоги работы Министерства внутренних дел за прошедший период, обсудить задачи на будущее и те меры, которые будут способствовать еще более эффективной защите прав граждан, борьбе с криминалом, обеспечению порядка на улицах и дорогах.

В.В. Путин обратил внимание на необходимость серьезно повысить качество следствия и дознания. На данном участке особенно важен талант и профессионализм сотрудников. Отметил, что в 2017 г. органы МВД укрепили ряд позитивных тенденций. Так, повысилась раскрываемость отдельных видов преступлений, в том числе убийств, разбойных нападений, квартирных краж. Хотя и незначительно, но сократилась уличная преступность. На должном уровне был обеспечен общественный порядок при проведении крупных международных мероприятий, таких как Кубок конфедераций и Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Сочи. Однако не по всем направлениям ситуация столь благополучная. Снизился практически до 43 % общий уро-

вень раскрываемости преступлений. Значит, ключевой принцип неотвратимости наказания реализуется далеко не в полной мере.

Это, безусловно, тревожит и общество, и наших граждан, и абсолютно не должно устраивать сами органы внутренних дел. Министр внутренних дел В.А. Колокольцев отметил, что ежегодно органами внутренних дел рассматривается более 30 млн заявлений и иной информации о правонарушениях. Наряду с этим постоянно растет количество обращений граждан по различным аспектам работы полиции. Только в прошлом году их принято свыше 3 млн 800 тысяч. Рассмотрение такого объема сообщений в условиях сокращения штатов увеличивает и без того высокую нагрузку на личный состав. Напомнил, что за последние годы его численность была уменьшена на 438 тысяч единиц.

Всего в прошлом году органами внутренних дел было раскрыто более 900 тысяч уголовно наказуемых деяний. По-прежнему вызывает серьезную обеспокоенность ситуация с обеспечением прав потерпевших. На низком уровне находится раскрываемость преступлений против собственности, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий. Это именно те противоправные деяния, от которых в наибольшей степени сегодня страдают граждане. Требуются дополнительные усилия по повышению защищенности их имущественных интересов. В прошедшем году сотрудниками полиции выполнен значительный объем розыскной работы. Задержана 61 тысяча лиц, скрывавшихся от органов дознания, следствия и суда. Установлено местонахождение свыше сорока тысяч без вести пропавших. Свой вклад сотрудники полиции вносят в укрепление экономической безопасности страны. На их долю приходится 85 % от выявленных всеми правоохранительными органами преступлений данной категории.

Актуальность повышения защищенности российской экономики значительно возросла в условиях неблагоприятной внешнеполитической конъюнктуры. В этой ситуации на первый план выходит пресечение хищений бюджетных средств, прежде всего, выделяемых на социальную сферу, крупные инвестиционные проекты, господдержку импортозамещения, развитие малого и

среднего предпринимательства. Одновременно был усилен контроль за финансово-кредитным сектором. В том числе в целях недопущения фактов незаконного обналичивания и вывода денежных средств за границу. Здесь выявлено свыше 30 тысяч преступлений, ущерб от которых составил более 76 миллиардов рублей. Приняты меры к его возмещению на сумму 35 млрд.

Сложным остается положение дел в жилищно-коммунальном хозяйстве. По-прежнему имеют место завышения тарифов, хищения бюджетных ассигнований, а также злоупотребления в управляющих компаниях и товариществах собственников жилья. Совместно с заинтересованными ведомствами реализовывались мероприятия по борьбе с коррупцией. В результате задокументировано почти 30 тысяч преступлений, три четверти которых – сотрудниками полиции. Размер причиненного ущерба составил 37,5 млрд рублей. Приняты меры к его возмещению в объеме двадцать шесть с половиной миллиардов. Органами внутренних дел установлено 13 тысяч лиц, причастных к коррупционным преступлениям. Каждый двенадцатый из них занимал должность в органах исполнительной или законодательной власти. В условиях сформированной на государственном уровне системы противодействия коррупции акцент был сделан на выявлении преступлений, представляющих повышенную общественную опасность.

Сложным остается положение дел в жилищно-коммунальном хозяйстве. По-прежнему имеют место завышения тарифов, хищения бюджетных ассигнований, а также злоупотребления в управляющих компаниях и товариществах собственников жилья. Совместно с заинтересованными ведомствами реализовывались мероприятия по борьбе с коррупцией. В результате задокументировано почти 30 тысяч преступлений, три четверти которых – сотрудниками полиции. Размер причиненного ущерба составил 37,5 млрд рублей. Приняты меры к его возмещению в объеме двадцать шесть с половиной миллиардов.

Органами внутренних дел установлено 13 тысяч лиц, причастных к коррупционным преступлениям. Каждый двенадцатый из них занимал должность в органах исполнительной или законодательной власти. В условиях сформированной на государст-

венном уровне системы противодействия коррупции акцент был сделан на выявлении преступлений, представляющих повышенную общественную опасность. Больше пресечено преступлений, совершенных в организованных формах. По сравнению с 2012 г. рост – на 44 %. В крупном или особо крупном размерах соответственно – в 2,5 раза.

Вместе с тем в отдельных отраслях экономики сохраняется высокий уровень криминальной пораженности. Например, непростая ситуация складывается в топливно-энергетическом комплексе Северо-Кавказского федерального округа, где отмечаются крупные хищения энергоресурсов и коррупционные проявления. Кроме того, требуется активизировать работу по пресечению фактов преднамеренного банкротства предприятий. В первую очередь, имеющих стратегическое значение для безопасности страны, а также с долей государственного участия.

В целях снижения административного давления на бизнес следует продолжить корректировку форм и методов противодействия преступлениям в предпринимательской сфере.

Безусловно, правоохранные органы обязаны реагировать на нарушения закона. Но речь идет о том, чтобы работу нужно выстраивать исключительно в рамках правового поля. Ни у кого не должно возникать сомнений в правомерности их действий. Это требование касается не только подразделений экономического блока, но и всех, кто осуществляет контрольно-надзорные функции. За последние пять лет сократилось общее количество преступлений, в том числе почти на четверть – тяжких и особо тяжких. Значительно меньше стало убийств – более чем на четверть, разбоев – сократилось более чем на пятьдесят с лишним процентов, грабежей, краж, а также ряда других опасных деяний. Корыстная преступность, как уже отмечалось, – наиболее распространенный тип преступности. Удельный вес зарегистрированной его части в общем объеме зарегистрированной в России преступности может составлять примерно в разные года от 55 % до 65 %.

Структура зарегистрированной корыстной преступности достаточно точно отражает ее неоднородность, хотя с высокой степенью вероятности представляет собой «перевернутую картину»

структуры всей совокупности деяний, содержащих признаки преступлений в сфере экономики, включая ее латентную часть. Причина данного эффекта состоит в том, что средний уровень латентности преступлений в сфере экономической деятельности намного превышает уровень латентности корыстных преступлений против собственности.

Абсолютное преобладание в структуре зарегистрированной корыстной преступности посягательств на собственность (прежде всего краж, на долю которых приходится более 70 % всех корыстных преступлений против собственности) в основе определяется объективными условиями: значительно лучшей по сравнению с иными видами корыстных преступлений выявляемостью первых, относительной простотой применения соответствующих уголовно-правовых норм.

Причины соответствующих различий носят комплексный характер и корректное сравнение может быть выполнено лишь внутри группы субъектов РФ, относящихся к единому в экономическом, культурном, этническом, религиозном и географическом отношении макрорегиону. Например, сравнивать уровни краж в Москве и Дагестане некорректно, поскольку их определяют разные группы факторов, действующие к тому же с различной степенью интенсивности.

Крайне низкий уровень зарегистрированной корыстной преступности в Москве определяется, прежде всего: а) закономерностями мегаполиса (сверхвысокий уровень анонимности и взаимного безразличия населения, большие объемы ежедневной миграции); б) крайне низким уровнем заявительской активности потерпевших.

Для определения уровня латентности деяний, содержащих признаки корыстных преступлений (т.е. отношения числа незарегистрированных преступлений соответствующего рода к числу зарегистрированных преступлений того же рода), не может быть использован метод простой средней арифметической величины, поскольку удельные веса составляющих их подгрупп преступлений против собственности, с одной стороны, и преступлений в сфере экономической деятельности, а также преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях – с

другой, обратно пропорциональны уровням их латентности. В подобных случаях применяется взвешенная средняя арифметическая величина.

В отечественной криминологической литературе приводятся различные данные об уровнях латентности корыстных преступлений. Обобщение результатов этих исследований позволяет утверждать, что число совершенных в последнее десятилетие деяний, содержащих признаки корыстных преступлений, превысило зарегистрированную их часть более чем в 11,5 раз.

Наибольшую сложность обычно представляет оценка общественной опасности корыстной преступности – основного качественного свойства последней. В практике уголовно-статистического анализа обычно используется прием косвенной оценки данного свойства по динамике показателя удельного веса тяжких преступлений среди всех зарегистрированных преступлений соответствующего рода.

Увеличение доли зарегистрированных тяжких корыстных преступлений ранее в общем объеме зарегистрированной преступности обычно интерпретировалось как нарастание общественной опасности данного рода преступности. В действительности это явление вероятнее всего отражало процесс уменьшения функционального потенциала правоохранительной системы, на фоне которого данная система вынужденно «выталкивала» (и продолжает «выталкивать») из сферы своего внимания корыстные преступления небольшой и средней тяжести.

Крайне высокие уровни латентности мошенничеств и причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием обусловлены, с одной стороны, большими трудностями выявления этих преступлений, нередко граничащих с гражданско-правовыми деликтами, с другой – часто встречающимся фактическим содействием потерпевшего в совершении преступления и, как следствие, его не заинтересованностью в обращении за помощью в правоохранительные органы. Напротив, весьма низкий уровень латентности неправомерного завладения автомобилем или иными транспортными средствами обусловлен очевидным характером данного деяния, стабильной и достаточно высокой степенью общественной опасности, а также заинтересо-

ванностью потерпевших в регистрации факта угона транспортного средства.

В 2017 г. в целях противодействия правонарушениям при расходовании бюджетных средств, распоряжении государственной и муниципальной собственностью органы прокуратуры активно сотрудничали со Счетной палатой, Федеральным казначейством и Росфинмониторингом, проводили совместные проверки. В связи с выявленными нарушениями возбуждено более трех тысяч уголовных дел.

Прокурорами принимались меры по возвращению неправомерно отчужденного государственного имущества, пресекались факты его незаконного использования. По заявлениям органов прокуратуры в Волгоградской и Саратовской областях судом возвращены незаконно изъятые объекты коммунального комплекса общей стоимостью почти 600 млн рублей. Работа по выявлению незаконных сделок, посредством которых выбывает госимущество, оспариванию их в суде, безусловно, будет продолжена.

Системный надзор органов прокуратуры в тесном контакте с главами регионов, бизнес-сообществом позволили за 2,5 последних года погасить более 86 млрд рублей долга. Совокупный объем долга по публичным контрактам только за последний квартал прошлого года сократился на три миллиарда, однако остается высоким – 24 млрд.

Важное значение имел превентивный характер проводимых прокурорских проверок. Так, мерами прокурорского реагирования предотвращен срыв исполнения государственного оборонного заказа особой важности по оснащению и запуску космических аппаратов стоимостью более 18 млрд рублей. Осуществлялась целенаправленная работа по выявлению, исключению из системы кооперации недобросовестных посредников. За последние два года выявлено более 3600 таких фирм, причинивших ущерб оборонным предприятиям на сумму почти 20 млрд рублей. Прокурорами принимались все необходимые меры для его возмещения. Например, в октябре 2017 г. по материалам прокурорских проверок возбуждено уголовное дело по факту хищения с использованием 20 подставных организаций полутора миллиардов

рублей бюджетных средств из четырех миллиардов, выделенных в рамках госпрограммы уничтожения химического оружия.

В качестве приоритетных задач на текущий год остается выявление коррупционных правонарушений в сфере госзакупок, фактов коррупции в спорте, обеспечение возмещения ущерба, включая установление случаев вывода преступно нажитых активов за рубеж и их возврат в Российскую Федерацию.

Ущемление законных интересов общества, социальных групп, отдельных людей вызывает законный протест с их стороны, что обуславливает необходимость введения соответствующих правовых, экономических и др. санкций. Особое место в системе принимаемых мер отведено профилактике корыстного противоправного поведения, которая включает в себя правовые, экономические, политические, культурологические, социально-психологические рычаги воздействия на различные сферы жизнедеятельности людей.

К жизненно важным интересам личности, ее безопасности, можно отнести ряд таких социально-психологических компонент, которые образуют обязательные условия ее полноценного существования и самовыражения.

В то же время, как показывает практика, не в полной мере учитываются и используются именно социально-психологические особенности внешней среды, реалии нашей жизни, а также индивидуально-психологические особенности конкретного человека, подталкивающие его на совершение осуждаемых людьми, обществом, государством поступков.

Нет также достаточно четкого представления и о том, какие социально-психологические особенности среды и индивидуально-психологические особенности этого человека могут послужить барьером к формированию такого противоправного поведения, а также помогут снизить силу стремления человека к подобной деятельности. И хотя криминологи, социологи, психологи, экономисты, специалисты других областей знаний в своих наблюдениях и исследованиях рассматривают в общих чертах эту проблему, однако содержание, перечень, взаимосвязь, степень влияния именно социально-психологических детерминант, и именно на профилактику корыстного противоправного пове-

дения, до сих пор оставались за пределами интересов специалистов, поэтому как в научном, так и практическом плане эта проблема еще недостаточно разработана.

В связи с тем, что данная проблема теоретически не изучена, эмпирических исследований не проводилось, наличествует дефицит нашего знания по этой проблеме, то, соответственно, приходится констатировать не полное знание и недостаточное использование возможностей этих рычагов на корыстное противоправное поведение как отдельного человека, так и определенных социальных общностей. Таким образом, интерес представляет не только сам процесс влияния социально-психологических детерминант на нейтрализацию корыстного противоправного поведения, но и, что не менее важно, выявление особенностей влияния социально-психологических детерминант на повышение эффективности профилактики корыстного противоправного поведения.

Как нам представляется, проведение комплексных исследований с привлечением специалистов в различных отраслях науки и практики позволит разработать социально-психологический инструментарий, позитивно влияющий на профилактику корыстного противоправного поведения и дающий возможность определить основные пути повышения его эффективности в целях укрепления экономической безопасности России.

Даже самые общие результаты проведенного нами исследования позволяют предположить, что:

1. Объективная необходимость профилактики корыстного противоправного поведения связана с негативными последствиями от такого поведения для государства, общества, социальных групп и институтов, конкретного человека не только в политической, экономической, правовой, социальной, но и социально-психологической сфере.

2. Индивидуально-психологические особенности личности, имеющие многокомпонентную структуру и детерминирующие способность формирования установок, ценностей, мотивов, поведенческих моделей играют важнейшую роль уже на начальных этапах жизненного цикла человека. Особое значение они приобретают в подростковом и юношеском возрасте, когда закладываются мировоззренческие позиции личности. Социально-

личностные детерминанты этого процесса образуют сложное, многокомпонентное образование, включающее три блока качеств: личностный (темперамент, характер, направленность, способности), когнитивный (познавательная и интеллектуальная сферы) и функционально-операциональный (профессионально важные качества).

3. Эффективность профилактики корыстного противоправного поведения детерминирована также степенью выраженности таких социально-психологических явлений, как формирование внутренней готовности человека к предстоящим изменениям в социально-экономической сфере; нейтрализация депрессии и высокого уровня тревожности у значительной части людей, особенно ярко проявляющихся в период социально-экономических катаклизмов; избавление от инфантилизма, укрепившегося в сознании людей за время тотального государственного патронажа; нивелирование традиционной агрессивности, давно присутствующей в нашем обществе; укрепление нравственных норм, общественного сознания, культуры, социального контроля, в достаточной степени деформированных в последние 15–20 лет.

Конечно, для этого потребуется: изучить современное состояние проблемы выявления социально-психологических детерминант, влияющих на профилактику корыстного противоправного поведения в современной отечественной и зарубежной правовой, психологической, экономической, социологической литературе; разработать «модель» социально-психологических детерминант, включенных в систему профилактики корыстного противоправного поведения, и сформировать методический инструментарий для изучения социально-личностных детерминант профилактики корыстного противоправного поведения; выявить и сравнить особенности влияния социально-психологических закономерностей, условий, факторов, явлений, выступающих в качестве социально-психологических детерминант в системе общегосударственных мер по профилактике корыстного противоправного поведения; предложить эффективные технологии их внедрения в практику работы органов государственной власти и управления, а также правоохранительных органов.

Эта деятельность потребует привлечения определенных ресурсов – финансовых, интеллектуальных, правовых, административных, и главное – политической воли. Но, национальная, экономическая, психологическая безопасность России стоят того.

Библиографический список

1. Текст официального выступления В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. – М., 2018. 28 февр.

2. Выступление Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации по итогам 2017 г. – М., 2018.

3. Отчет о состоянии преступности в Российской Федерации за 2017 г. МВД РФ. – М., 2018.

4. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2017 г. МВД РФ. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». – М., 2018.

5. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2017 г. Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. – М., 2018.

Белый Игорь Юрьевич

д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданского
права Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации

Belyy I.Yu.,
doctor of law, professor of civil law Department Military
University of the Ministry of defence of the Russian
Federation

**ЗАЩИТА ЖЕРТВ ВОЕННЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОРГАНАХ
МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО
ПРАВОСУДИЯ (вопросы правовой
регламентации)**

*PROTECTION OF VICTIMS OF WAR CRIMES
IN INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE BODIES
(the problems of legal regulation)*

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы защиты прав жертв военных преступлений в органах международного уголовного правосудия.

Ключевые слова: военные преступления, международное уголовное правосудие; Римский статут Международного уголовного суда; международные уголовные трибуналы ad hoc.

Abstract. This article deals with specific issues relating to the protection of the rights of the victims of war crimes in international criminal justice authorities.

Key words: war crimes international criminal justice; The Rome Statute of the International Criminal Court; ad hoc international criminal tribunals.

Как отмечает четвертый принцип Декларации ООН «Об основных принципах юстиции применительно к жертвам преступ-

лений и произвола», «к потерпевшим следует относиться с сочувствием и уважая их достоинство. Они имеют право на обеспечение законности и возмещение ущерба за причиненные страдания в соответствии с национальным законодательством».

В настоящее время обеспечение гарантий международного уголовного судопроизводства по делам о военных преступлениях и защиты прав жертв военных преступлений продолжает оставаться объектом повышенного международного внимания. Это отражается и в римском статуте Международного уголовного суда, который провозглашает три ключевых принципа: участие пострадавших в рассмотрении дела в суде, защита пострадавших и свидетелей, право на возмещение ущерба.

Следует отметить, что защита жертв военных преступлений наряду с уголовным судопроизводством национальных государств, осуществляется и в системе органов международного уголовного правосудия.

Результатом последовательного развития института международной уголовной ответственности физических лиц за международные преступления явилось учреждение Советом Безопасности в соответствии с гл. VII¹ и ст. 39² Устава ООН двух международных уголовных трибуналов *ad hoc*³: первый – для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на террито-

¹ Статья 34 Устава ООН определяет, что Совет Безопасности ООН уполномочивается расследовать любой спор или любую ситуацию, которая может привести к международным трениям или вызвать спор, для определения того, не может ли продолжение этого спора или ситуации угрожать поддержанию международного мира и безопасности.

² Статья 39 Устава ООН предписывает, что Совет Безопасности ООН может учреждать такие вспомогательные органы, какие он найдет необходимыми для выполнения своих функций.

³ Полномочия всех судов *ad hoc* ограничены их характером. Это означает, что их компетенция строго ограничена определенными преступлениями, совершенными в ограниченный период времени на конкретной территории. – Буше-Солонье Ф. Практический словарь гуманитарного права / Перевод с фран. Е. Кирпичниковой. – М.: МИК, 2004. С. 55.

рии бывшей Югославии с 1991 г. (МТЮ), второй – для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г. (МТР).

В отношении окончившего свою деятельность МТБЮ представляется возможным ответить на следующие вопросы.

Достигнуты ли были цели создания трибунала – судебное преследование лиц, ответственных за серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г. (ст. 2 Устава МТБЮ), нарушение законов и обычаев войны (ст. 3), геноцид (ст. 4) и преступления против человечности (ст. 5)? Скорее, Трибунал стремился к этому, хотя за 24 года.

Трибуналом были предъявлены обвинения 161 лицу, при этом 90 человек были осуждены, 19 оправданы, по двум ведется «повторное производство», 13 дел переданы в национальные суды Боснии и Герцеговины, 17 человек умерли до вынесения приговора, в отношении 20 сторона обвинения отказалась от уголовного преследования.

Было ли «осуществлено правосудие», «установлена истина» и «восстановлена справедливость по отношению к потерпевшим» по делам о военных преступлениях? Скорее, нет. Уж слишком много нареканий и зачастую справедливых претензий вызывали действия Трибунала с самого начала осуществления им своей юрисдикции.

Содействовали ли решения Трибунала установлению мира между «этническими сообществами в Балканском регионе»? Скорее нет, чем да. И это подтверждает не только общественное восприятие результатов рассмотрения Трибуналом уголовных дел, но также и тем обстоятельством, что положенные в основу югославского вооруженного конфликта националистические тенденции имеют место и в настоящее время.

Хотя Суд и доказал, что военные преступления совершали участники всех сторон конфликта (виновными признаны 89 сербов, 26 хорватов, 14 боснийцев, 3 албанца, 1 македонец, однако

пожизненное заключение применено только к сербам), однако не все виновники жертв среди мирного населения на Балканах были привлечены к ответственности: МТБЮ был «вправе» рассматривать дела обо всех преступлениях, «совершенных на территории бывшей Югославии с 1991 г.», то есть факты бомбардировок гражданского населения вооруженными силами стран НАТО также попадали под юрисдикцию трибунала и позволяли привлечь к международной уголовной ответственности должностных лиц и военнослужащих государств НАТО за «неизбирательное нанесение воздушных ударов». Такие эпизоды были признаны «побочным эффектом», нарушением норм международного гуманитарного права, но не являлись военными преступлениями ввиду отсутствия «умышленности действий». Очевидно, что данное решение не способствовало повышению международного авторитета трибунала.

Ряд судопроизводственных (процессуальных и иных) моментов деятельности МТБЮ не могут заслуживать положительной оценки. Так, например, при проведении судебного разбирательства по делам о военных преступлениях в Суде были существенно уменьшены объем и содержание процессуальных прав потерпевших (истцов), в связи с чем они были вправе участвовать в заседаниях лишь в качестве свидетелей. Кроме того, установленное Судом право на защиту потерпевших и свидетелей не всегда было реализовано (большинство ключевых свидетелей по делу Харадиная, в том числе и все три «специальных свидетеля», которым была гарантирована защита со стороны МТБЮ, умерли насильственной смертью при странных обстоятельствах).

Устав МТБЮ регламентирует наличие самых общих прав потерпевших. Так, например, ст. 22 Устава «Защита потерпевших и свидетелей» закрепляет, что «в своих правилах процедуры и доказывания Международный трибунал должен предусмотреть защиту потерпевших и свидетелей. Такие меры защиты должны включать проведение закрытых судебных заседаний и сохранение в тайне информации о личности потерпевшего, но не должны ограничиваться ими». При этом содержание конкретных мер защиты потерпевших и свидетелей, а также порядок их применения устанавливаются Правилами процедуры и доказывания.

Так, например, п. «А» Правила 69 «Защита потерпевших и свидетелей» закрепляет, что «в исключительных обстоятельствах Прокурор может обратиться к Судье или Судебной камере с ходатайством издать судебный приказ о неразглашении информации о личности потерпевшего или свидетеля, который может оказаться в опасном положении или подвергаться риску, до тех пор, пока это лицо не будет взято под защиту Трибунала».

В соответствии с Правилем 75 Устава МТБЮ «Меры защиты потерпевших и свидетелей», «Судья или Судебная камера могут издавать распоряжения о применении надлежащих мер, касающихся конфиденциальности и защиты потерпевших и свидетелей, при условии, что такие меры совместимы с правами обвиняемого». Кроме этого, как устанавливает п. «В» Правила 75 «Судебная камера может проводить закрытые судебные заседания для того, чтобы определить, следует ли издать распоряжение:

- О применении мер, направленных на предотвращение разглашения информации о личности или местонахождении потерпевшего, или свидетеля, или лиц, связанных или ассоциируемых с потерпевшим, или свидетелем, публике или средствам массовой информации, путем:

- исключения имен и идентифицирующей информации из документов Трибунала публичного характера;

- неразглашения публике любых документов, в которых идентифицируется личность потерпевшего;

- дачи показаний с использованием устройств, изменяющих изображение и голос, или замкнутой телевизионной системы;

- присвоения псевдонима.

- О проведении закрытых судебных заседаний в соответствии с Правилем 79.

- О применении соответствующих мер, способствующих даче показаний, могущих подвергать опасности потерпевших и свидетелей, таких как использование односторонне направленной замкнутой телевизионной системы».

Следует отметить, что данные меры не были в полном объеме обеспечены Трибуналом, как и право жертв военных преступлений на компенсацию. В отличие от положений Римского статута Международного уголовного суда и Европейской конвенции о

защите прав человека и основных свобод, регулирующей и деятельность Европейского суда по правам человека, в Уставе МТБЮ не закреплено право жертв военных преступлений на возмещение ущерба. В этом отношении деятельность Трибунала должна осуществляться таким образом, чтобы не ущемлялись права жертв добиваться соответствующими способами компенсации за ущерб, причиненный в результате нарушений международного гуманитарного права (Резолюция Совета Безопасности от 25 мая 1993 г. № 827). Тем не менее позиция Трибунала выражалась в следующем: в отношении компенсации жертвам преступлений следует иметь в виду, что, во-первых, в соответствии с нормами международного права, такая компенсация должна осуществляться, прежде всего, на уровне государств; во-вторых, применение в сфере уголовного судопроизводства стандартов в области прав человека предполагает наличие достаточных ресурсов, главным образом, финансовых, и, в-третьих, Трибунал не располагает такими ресурсами. Хотя справедливости ради следует отметить, что Судьи трибунала предпринимали определенные шаги в целях оказания помощи жертвам преступлений в реализации их права на компенсацию. Так, например, в Правила процедуры и доказывания было включено Правило 106 «Компенсация жертвам преступлений», которое предусматривало, что:

«Секретарь трибунала должен отправить компетентным органам власти соответствующего государства обвинительный приговор в отношении обвиняемого, признанного виновным в совершении преступления, которым потерпевшему причинен ущерб».

«В соответствии с надлежащим национальным законодательством, потерпевший или лицо, которое через посредство потерпевшего заявляет о наличии у него права на компенсацию, может возбудить иск в национальном суде или в другом компетентном органе для того, чтобы получить эту компенсацию».

«В целях иска, предъявленного согласно положению, содержащемуся в параграфе (В), приговор Трибунала должен считаться окончательным и имеющим обязательную силу в отношении уголовной ответственности осужденного за ущерб, причиненный потерпевшему».

Впоследствии (2000 г.) на своих пленумах Судьи Трибунала обсуждали вопрос о праве потерпевших – жертв военных преступлений – участвовать в судебных заседаниях и получать компенсацию за причиненный ущерб. В результате они приняли решение о том, что потерпевшие должны иметь такое право, а также поручили Президенту Трибунала рекомендовать Совету Безопасности ООН и Генеральному секретарю, чтобы соответствующие органы ООН подробно изучили способы выплаты компенсации жертвам военных преступлений в бывшей Югославии. Сам Суд на себя такую ответственность не возложил.

Дальнейшее рассмотрение вопросов уголовной ответственности лиц, совершивших военные преступления, а также вопросы защиты жертв этих преступлений переданы Международному остаточному механизму для уголовных трибуналов – специально созданному на основании Резолюции СБ ООН № 1966 (2010) от 22 декабря 2010 г. «О международном остаточном механизме для уголовных трибуналов» органу для завершения работы, начатой МТБЮ и Международным уголовным трибуналом по Руанде.

Неоценима роль ООН в создании и функционировании смешанных (гибридных) уголовных трибуналов и интернационализованных (специальных) судов. К таковым, прежде всего, следует отнести Специальные палаты по тяжким преступлениям в Тиморе-Лешти. После приобретения независимости Демократической Республикой Тимор-Лешти в 2002 г., Совет Безопасности ООН, как и ранее в 1999 г. (Резолюция 1272 (1999)), обращал особое внимание на необходимость привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении серьезных нарушений прав человека в период вооруженного конфликта в 1999 г., в ходе которого тысячи жителей Восточного Тимора были убиты, а более 500 тысяч стали беженцами. На основании вышеуказанной Резолюции, 25 октября 1999 г. Совет Безопасности учредил Временную Администрацию ООН в Восточном Тиморе (ВАООНВТ), на которую возлагалась ответственность за административное управление в Восточном Тиморе с наделением ее всеми необходимыми законодательными и исполнительными полномочиями, в том числе – отправлением правосудия, решени-

ем которой и были созданы Специальные палаты по тяжким преступлениям¹. Созданный трибунал подведомственен Окружному суду Дили. Юрисдикция Специальных палат по тяжким преступлениям в Тиморе-Лешти распространяется на военные преступления, геноцид, преступления против человечности, убийства, сексуальные надругательства и пытки, совершенные гражданами или в отношении граждан Восточного Тимора на территории этого государства. В период с 1 января по 25 октября 1999 г. Деятельность Специальных палат, как непосредственно связанная с мандатом Временной Администрации ООН в Восточном Тиморе, прекратилась 20 мая 2005 г., однако в 2006 г. после вновь вспыхнувшего вооруженного конфликта, Совет Безопасности ООН учредил Интегрированную комиссию ООН в Тиморе-Лешти (резолюция 1704 (2006)), одной из задач которой определено «завершение расследования уголовных дел о серьезных нарушениях прав человека, совершенных в этой стране в 1999 г.». Действие мандата Интегрированной комиссии ООН в Тиморе-Лешти продлено до 26 февраля 2009 г. (резолюция 1802 от 25 февраля 2008 г.).

Миссия Организации объединенных Наций по делам временной администрации в Косово, учрежденная Резолюцией Совета Безопасности ООН 1244 (1999) от 10 июня 1999 г., также была наделена законодательными и исполнительными полномочиями, включая отправление правосудия. А уже 15 февраля 2000 г. Миссия утвердила решение о введении международных судей и прокуроров в состав пяти окружных судов и Верховного Суда Косово, основной задачей которых являлось обеспечение «соблюдения международно-правовых стандартов в области прав человека на этапах расследования, уголовного преследования и судебного производства, не допустить предвзятости и гаранти-

¹ См.: Резолюцию СБ ООН 1272 (1999), а также основные решения Временной Администрации ООН в Тиморе-Лешти, касающиеся учреждения судебных палат по тяжким преступлениям: Regulation № 1999/1 of 27 November 1999 on the Authority of the Transitional Administration in East Timor; Regulation № 2000/1 of 6 March 2000 on the Organization of Courts in East Timor, и др.

ровать объективность при вынесении судебных решений». Юрисдикция Смешанных судебных коллегий в Косово четко не определена, однако международным прокурорам и судьям были переданы дела, находящихся в производстве местных прокуроров и судей, если производство ведется в отношении лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении военных преступлений, терроризма, с жестоким межэтническим насилием, организованной преступностью и государственной коррупцией, а также любые другие уголовные дела, по которым «существует серьезное опасение в отношении того, что национальные судьи и прокуроры Косово не способны или не желают эффективно, честно и беспристрастно расследовать дело». Однако вопрос о защите жертв военных преступлений для этого судебного органа также является актуальным. Так, например, бывший боевик и депутат парламента Косово Фатмир Лимай признан судом в Приштине невиновным по делу о военных преступлениях в косовском селе Клечка. Обвинение было основано на показаниях ныне покойного Агима Зога, в свое время командовавшего крупным подразделением ОАК. В 2011 г. Зогай при странных обстоятельствах покончил жизнь самоубийством в Германии. Он был защищенным свидетелем, и о том, что он должен был давать показания против Лима, стало известно только после его смерти.

2002 г. был знаменателен появлением нового органа международной уголовной юстиции *ad hoc* – Специального суда по Сьерра-Леоне. Специальный суд по Сьерра-Леоне создан на основе Соглашения между ООН и Правительством Сьерра-Леоне «Об учреждении Специального суда по Сьерра-Леоне», заключенного 16 января 2002 г. (к Соглашению прилагался Устав Специального суда по Сьерра-Леоне, являющийся его неотъемлемой частью). Иными словами, новацией по отношению ко всем вышеуказанным международным трибуналам и смешанным судам явилась форма учреждения нового органа международной уголовной юстиции *ad hoc*: Специальный суд по Сьерра-Леоне учрежден на основе двустороннего международного договора, при этом в практику юрисдикции международных трибуналов *ad hoc* вводилось право международного органа уголовной юстиции осуществлять уголовное преследование за общественно-опасные

деяния, признаваемые преступлениями по национальному законодательству, но не являющиеся «серьезным нарушением международного гуманитарного права».

Ранее реализуя Стратегию завершения работы МТБЮ (2002), Совет Безопасности ООН определил, что все расследования в рамках Трибунала должны быть завершены к концу 2004 г., а судебные рассмотрения дел в отношении «высших руководителей» по первой инстанции – концу 2008 г. При этом производство по уголовным делам, подпадающим под юрисдикцию МТЮ, в отношении обвиняемых «среднего и нижнего уровня» должны быть переданы под юрисдикцию Высокого представителя Специальной палаты, функционирующей в рамках постоянного отделения Государственного Суда Боснии и Герцеговины (Резолюции Совета Безопасности ООН 1503 (2003) и 1534 (2004)). Таким образом, с 9 марта 2005 г. начал свою деятельность Отдел по военным преступлениям Суда Боснии и Герцеговины, состоящий из международных судей и национальных судей Боснии и Герцеговины. Применимое право: материальное и процессуальное – Боснии и Герцеговины, кроме того, суд руководствуется нормами международного права и практикой международных уголовных трибуналов. Судебной палатой вынесены приговоры более 40 подсудимым, признанным виновными в совершении военных преступлений.

Трибунал для красных кхмеров (неофициальное название) стал предметом долгих и довольно сложных переговоров между камбоджийскими властями и Организацией Объединенных Наций, которые продолжались более двух лет. Результатом переговоров явилось создание Чрезвычайных палат в Судах Камбоджи для преследования за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии на основе Соглашения между ООН и Королевским правительством Камбоджи, подписанного 17 марта 2003 г. (ратифицировано в 2004 г.). Чрезвычайные палаты состоят из камбоджийских и международных судей (и обвинителей), объединенных в две чрезвычайных палаты, действующие в рамках национальной судебной системы, и имеют предметную юрисдикцию в отношении серьезных нарушений камбоджийского законодательства и международного права, в том числе – во-

енных преступлений, совершенных членами высшего руководства и другими лицами («кто организовывал и поддерживал режим, чьи указания являлись основанием для проведения политики геноцида и кто наиболее ответственен в совершении других преступлений, подпадающих под юрисдикцию палат») в период существования Демократической Кампучии (с апреля 1975 г. по 6 января 1979 г.).

В дополнение следует отметить, что действие международной уголовной юстиции в отношении военных преступлений не ограничивается созданием специальных (*ad hoc*) судов. С принятием Римского статута завершились многолетние усилия по учреждению постоянно действующего Международного уголовного суда (МУС). Таким образом, органами международного уголовного правосудия, осуществляющими защиту жертв военных преступлений, составляют:

- Судебные органы, учрежденные в качестве вспомогательных для Совета Безопасности ООН, – международные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде (судебные органы *ad hoc*).

- Смешанные (гибридные) судебные органы, к которым относятся две категории судов (трибуналов): 1) специальные суды, созданные в соответствии и на основе международных договоров государств с ООН (Специальный Суд по Сьерра-Леоне); 2) суды, формируемые временными администрациями ООН на территориях государств, где проводятся миротворческие операции (Смешанные суды на территории Косово и Коллегии с исключительной юрисдикцией в отношении серьезных преступлений в Восточном Тиморе).

- Интернационализованные суды – специализированные судебные составы в национальных уголовных судах, к юрисдикции которых отнесено осуществление правосудия по делам о военных преступлениях с участием международных судей или иных участников уголовного процесса (Отдел по военным преступлениям Суда Боснии и Герцеговины и Чрезвычайные палаты в Судах Камбоджи для преследования за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии);

- Международный уголовный суд, учрежденный под эгидой ООН.

Римский статут требует от Международного уголовного суда постоянного внимания к тому, чтобы принимаемые меры не оказались несовместимыми с правами обвиняемых, а также честного и беспристрастного судопроизводства. Преамбула Статута отмечает, что «обеспечение прав пострадавших от преступлений является главной задачей Римского статута», при этом Статут признает, что правосудие в интересах закона и в интересах пострадавших дополняют друг друга, при этом интересы потерпевших первичны.

В общем смысле изложить закрепленные в Римском статуте права жертв военных преступлений представляется в нижеследующем.

Суд не рассматривает потерпевших от военных преступлений в качестве «пассивного объекта защиты или инструмента в руках обвиняющей стороны», но признает их активную роль в уголовном судопроизводстве, и в этой связи ст. 68 (3) обязывает Суд разрешить потерпевшим находиться в судебном заседании и участвовать в процессе на определенных этапах судебных слушаний (которые включают прения сторон, вынесение приговора, присуждение компенсации, обжалование приговора, слушания о смягчении наказания, пересмотр дела, слушания об отмене наказания). Ранее, учитывая положения ст. 15 Римского статута, Прокурор мог инициировать расследование, основываясь на «информации из любого источника, включая показания потерпевших». В случае наличия постановления Палаты предварительного производства о начале расследования, потерпевшие могут подать заявления, либо они должны быть проинформированы об отказе в расследовании на основании представленных ими показаний.

Устав МУС признает, что «меры, направленные на обеспечение гарантий безопасности, физического и психологического здоровья, достоинства и неприкосновенности частной жизни потерпевших и свидетелей составляют основу легитимности и доверия к Международному уголовному суду». В свете вышеуказанного признания, как предусматривает ст. 43(6), логичным выглядит создание в составе подразделений Международного уголовного суда специального Отдела по пострадавшим и свидетеле-

лям, в задачи которого входит «обеспечение безопасности, юридическая поддержка и оказание другой необходимой помощи жертвам преступлений, выступающим в Суде, а также членам их семей, которым угрожает опасность в связи с показаниями их родственников». Конкретизируя поставленную перед специальным отделом задачу, Устав МУС ст. 68(4) предоставляет Отделу право обращать внимание (указывать) Прокурора и всего состава Суда на необходимость принятия соответствующих мер.

Специальный Отдел по пострадавшим и свидетелям, обращаясь с соответствующей просьбой к Прокурору, основывается, в том числе на комплексе имеющихся у последнего процессуальных и непроцессуальных прав. А именно:

– статья 54(1)(Б) Римского статута обязывает Прокурора на протяжении всего процесса «уважать интересы и учитывать персональные особенности потерпевших и свидетелей, включая возраст, пол и состояние здоровья, принимая во внимание характер преступления...»;

– статья 68(1) Устава МУС обязывает Прокурора принимать «необходимые меры для обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей, сохранения их физического и психического здоровья, уважения к их достоинству и невмешательству в личную жизнь», и наконец,

– статья 68(5) предусматривает, что Прокурор «на время может утаить некоторую информацию и детали свидетельских показаний, ограничившись изложением их сути, в том случае, если их разглашение угрожает безопасности свидетеля и его семьи».

В таком же «правовом ключе» по отношению к вопросу защиты прав потерпевших от военных преступлений действуют Палата предварительного производства и Судебная палата (ст. 57(3), 68(1) и 68(3) Устава МУС). При этом, «чтобы не раскрывать личность потерпевшего или свидетеля. Суд может не допустить открытых слушаний, ограничившись их фиксацией на видеопленке; Суд может принять показания потерпевших и свидетелей на электронных носителях, а также использовать другие специальные средства».

Существенным «прорывом» в вопросах правовой регламентации защиты интересов потерпевших от военных преступлений

является предусмотренная Уставом МУС (ст. 75(1)) возможность Суда определить, каким образом может быть возмещен причиненный ущерб (Суд может обязать виновного возместить ущерб путем компенсации, реституции, гарантии в том, что преступление не повторится и иначе, так, как найдет необходимым в данном конкретном случае). В том числе Суд может обязать виновного в совершении военных преступлений предоставить компенсацию непосредственно потерпевшему либо через свой Целевой фонд (ст. 75(2)).

В заключение следует отметить, что практику создания судебных органов *ad hoc* нельзя признать оконченной. Так, например, ещё в августе 2011 г. была создана Международная комиссия по расследованию событий в Сирии, которая призвана устанавливать факты нарушения прав человека и находить виновных в совершении тех или иных преступлений, включая военные преступления.

21 декабря 2016 г. большинство членов Генеральной Ассамблеи ООН выступили за резолюцию, которая обеспечит «беспристрастный и независимый механизм» преследования ответственных за преступления в Сирии. Идею документа поддержали 105 государств, против выступили 15 стран, в том числе Россия, Венесуэла, Куба, Иран и Сирия. То есть создание Специального международного уголовного трибунала по Сирии возможно при наличии либо Резолюции Совета Безопасности ООН, либо Резолюций Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи и иных уполномоченных органов ООН, соглашений между ООН и национальным правительством САР, а также политической воли правительства Сирии, выраженной в виде международных соглашений и национальных нормативных правовых актов. В этой связи необходимо еще раз подчеркнуть, что современная система органов международного уголовного правосудия находится в состоянии объективной динамики и собственного эволюционного развития, включая вопросы правовой регламентации защиты жертв военных преступлений.

Библиографический список

1. Устав Организации Объединенных Наций // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. – М., 1956.

2. Буше-Солонье Ф. Практический словарь гуманитарного права / Пер. с фран. Е. Кирпичниковой. – М.: МИК, 2004.

3. Резолюция СБ ООН 1272 (1999), а также основные решения Временной Администрации ООН в Тиморе-Лешти, касающиеся учреждения судебных палат по тяжким преступлениям: Regulation № 1999/1 of 27 November 1999 on the Authority of the Transitional Administration in East Timor; Regulation № 2000/11 of 6 March 2000 on the Organization of Courts in East Timor, и др.

Ходусов Алексей Александрович

канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой УПД
Международного юридического института

Khodusov A.A.

K.Yu.n, associate Professor, head of Department
UPD International law Institute

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
НОРМ ЗАРУБЕЖНОГО УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЖЕСТОКОЕ
ОБРАЩЕНИЕ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

*COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE NORMS OF
FOREIGN CRIMINAL LAW, PROVIDING FOR LIABILITY
FOR ILL-TREATMENT OF MINORS IN THE CRIMINAL
LAW OF FOREIGN COUNTRIES*

Аннотация. Сравнительный анализ уголовного законодательства зарубежных стран является эффективным средством в выявлении общего и особенного в развитии норм, предусматривающих уголовную ответственность за жестокое обращение с несовершеннолетними. Автор в своей статье на основе анализа зарубежного законодательства выделяет составы предусматривающие ответственность за подобные преступления.

Ключевые слова: несовершеннолетние, жестокое обращение, неисполнению обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, семейные отношения.

Abstract. Comparative analysis of the criminal legislation of foreign countries is an effective means in identifying the General and special in the development of norms providing for criminal liability for abuse of minors. The author in his article on the basis of the analysis of foreign legislation highlights the compositions providing for responsibility for such crimes.

Key words: minors, abuse, failure to perform duties for the upbringing of minors, and family relationships.

Различные проявления жестокого обращения с детьми являются проблемами во многих зарубежных государствах. Сравнительный анализ уголовного законодательства этих стран поможет выявить общее и особенное в развитии норм, предусматривающих уголовную ответственность за подобные преступления.

Наиболее интересным в данном плане представляется Уголовный кодекс Франции, который был принят в 1992 г. и вступил в силу с 1 марта 1994 г.¹ Параграф 1 отдела 1 главы 2 предусматривает санкции за совершение пыток и актов жестокости. В особую категорию потерпевших законодатель выделил несовершеннолетних. В Уголовном кодексе Франции предусмотрена гл. VII, которая усматривает составы преступлений, посягающих на несовершеннолетних лиц и на семью. Она имеет несколько отделов, что связано с юридической техникой французского законодательства, о которой необходимо упомянуть отдельно. Сама система французского уголовного законодательства строится таким образом, что объявленная норма указывает на основной состав преступления и на санкцию, а следующая за ней указывает на квалифицирующие признаки основного состава преступления и санкцию. Охраняя несовершеннолетних от преступных посягательств, законодатель определил указанные составы преступлений в отдельную главу, подчеркивая этим, что несовершеннолетний относится к особой категории потерпевших и требует исключительного внимания.

¹ Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крыловой; пер. с франц. и предисл. Н.Е. Крыловой. – СПб., 2002.

Часть 1 § 213 УК Дании включает в себя ряд альтернативных деяний объективной стороны преступления, устанавливая ответственность лица, «которое пренебрежением или унижительным обращением оскорбляет своего супруга, своего ребенка или любого зависимого от него лица, не достигшего возраста 18 лет, или любое лицо, с которым оно состоит в кровном или брачном родстве по прямой линии, или которое, умышленно уклоняясь от содержания или участия в содержании таких лиц, доводит их до нищеты»¹, подлежит лишению свободы до 2 лет. Часть 2 § 213 УК Дании указывает, что уголовное преследование может быть прекращено по просьбе потерпевшей стороны.

В УК Польши преступным является любое воздействие на ребенка. Кроме того, отсутствует дифференциация ответственности между лицами, обязанными по закону воспитывать несовершеннолетнего, и иными лицами, от которых даже временно зависит потерпевший. Так, в § 1 ст. 207 УК Польши указывается: «кто издевается путем физического или психического воздействия над самым близким лицом или над иным лицом, находящимся в постоянном или временном отношении зависимости от виновного, либо над малолетним или беспомощным лицом в связи с его психическим или физическим состоянием, подлежит наказанию лишением свободы на срок от 3 месяцев до 5 лет»². Параграф 2 ст. 207 УК Польши указывает, что виновный подлежит наказанию лишением свободы на срок от 1 года до 10 лет, если описанное выше деяние сопряжено с применением особой жестокости. Параграф 3 ст. 207 УК Польши указывает, что виновный подлежит наказанию лишением свободы на срок от 2 до 12 лет, если последствием деяния, предусмотренного в § 1 или § 2, является покушение потерпевшего на свою жизнь.

¹ Уголовный кодекс Дании / Науч. ред. и предисл. С.С. Беляева, пер. с датск. и англ. С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. – СПб., 2004.

² Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред. А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова, вступит. статья А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой; пер. с польск. Д.А. Барилевич. – СПб., 2001.

УК Швейцарии и ФРГ включают нормы, предусматривающие ответственность либо за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, либо за жестокое обращение с ним.

Так, согласно ст. 219 УК Швейцарии, «кто нарушает свои обязанности по попечению или воспитанию по отношению к несовершеннолетнему лицу или небрежно относится к ним, и тем самым создает угрозу для их физического или духовного развития, наказывается лишением свободы»¹. Статья 36 УК Швейцарии указывает, что лишение свободы назначается от 3 дней до 3 лет, если в законе не указано иное. Также ст. 219 УК Швейцарии предусматривает ответственность лица, которое совершает данное деяние по неосторожности. Видом дополнительного наказания к лишению свободы за нарушение своих родительских, опекунских, попечительских обязанностей совершением преступления по УК Швейцарии выступает лишение родительской, опекунской или попечительской власти и объявление их неспособными осуществлять такую власть (ст. 53). В случае, когда судья считает, что осужденный вследствие совершения преступления или проступка недостоин осуществлять родительскую или опекунскую, либо попечительскую власть, он направляет сообщение об этом органу опеки и попечительства. Такой вид наказания по УК РФ не применяется, судья может лишь в рамках уголовного судопроизводства направить определение в органы опеки и попечительства, которые, в свою очередь, решают вопрос о лишении родительских, опекунских (попечительских) прав.

В Уголовном кодексе ФРГ (в редакции от 13 ноября 1998 г.) как таковое понятие «жестокость» не применяется и не признается 12 отягчающим признаком. Вместо него используется термин «коварство», которое является также отягчающим обстоятельством. Особенностью уголовного законодательства ФРГ является то обстоятельство, что защита подрастающего поколения от посягательств взрослых предусмотрена двумя статьями – это § 171 и § 225 УК ФРГ. В одной из них, в отличие от Уголовного кодекса РФ, законодатель предусматривает ответственность для

¹ Уголовный кодекс Швейцарии / Науч. ред., предисл. и пер. с немец. А.В. Серебrenниковой. – СПб., 2002.

узкого круга лиц виновных, которые связаны с потерпевшим опекунами обязанностями. Так, в § 171 УК ФРГ установлено наказание в виде лишения свободы сроком до 3 лет или денежного штрафа для тех лиц, «кто грубо нарушает свою обязанность попечения и воспитания лица, не достигшего шестнадцати лет, и тем самым создает опасность того, что это нанесет вред опекаемому в его физическом и психическом развитии, приведет его к криминальному образу жизни или занятию проституцией»¹. В другой статье субъектом преступления выступают любые лица, от которых зависит несовершеннолетний (в служебных рамках, материально, родственных связях, находится под покровительством). Так, в § 225 УК ФРГ установлено наказание в виде лишения свободы на срок от 6 месяцев до 10 лет тому (ч. 1), кто мучает или истязает, наносит вред здоровью или злонамеренно пренебрегает своим долгом заботиться о лице, не достигшем восемнадцатилетнего возраста, или лице, беззащитном вследствие болезни или физического недостатка, которое: 1) находится на его попечении или под его покровительством; 2) относится к его семейству; 3) предоставлено в распоряжение лицу, обязанному оказывать ему материальное вспомоществование; 4) подчинено ему в рамках служебных и рабочих отношений. В ч. 2 § 225 УК ФРГ указывается, что наказуемо и покушение на данное преступление – лишением свободы до 2 лет. Часть 3 § 225 устанавливает последствия за действия, описанные в ч. 1, которые переводят деяние в преступление. Согласно законодательному закреплению состав этого преступления является формально-материальным, поскольку в ч. 3 предусматриваются определенные последствия для потерпевшего в виде: 1) наступления смерти; 2) нанесения тяжкого вреда здоровью; 3) нанесения значительного вреда физическому и духовному развитию. В таком случае наказание включает в себя лишение свободы на срок не менее одного года.

¹ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / Науч. ред. и вступ. статья ДА. Шестакова; предисл. Г.-Г. Йешека; пер. с немец. Н.С. Рачковой. – СПб., 2003.

В Уголовном кодексе Норвегии в гл. 20 «Преступления, связанные с семейными отношениями» содержится § 219, в котором закреплена уголовная ответственность лица, подвергающего «кого-либо, принадлежащего к его семье, страданиям из-за нежелания выполнять свои обязанности по его содержанию, или из-за невнимания, плохого обращения или иного поведения часто или серьезно нарушающее свои обязанности по отношению к супруге/супругу, детям или любому лицу, относящемуся к его семье или на его попечении, ввиду болезни, возраста или других обстоятельств не в состоянии заботиться о себе»¹. Такое лицо подлежит наказанию в виде лишения свободы сроком до 4 лет. Особенностью данной нормы выступает тот факт, что в отличие от жестокого обращения, закрепленного в ст. 156 УК РФ, плохое обращение не выступает самостоятельным криминально-образующим деянием, а является одним из способов нарушения обязанностей по отношению к потерпевшему. При этом к отягчающим обстоятельствам исследуемого преступления относятся последствия в виде смерти, или значительных физических повреждений, или ущерба для здоровья. В этом случае срок лишения свободы увеличивается до 6 лет.

Особый интерес представляет уголовное законодательство стран ближнего зарубежья, таких как страны Содружества Независимых Государств и Балтии. К первой группе следует отнести: УК Кыргызской Республики, ст. 161, УК Республики Казахстан, ст. 137, УК Республики Таджикистан, ст. 174, УК Туркменистана, ст. 159 и УК Литовской Республики, ст. 163, предусматривающие уголовную ответственность за деяния, которые относятся к неисполнению обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, если это соединено с жестоким обращением.

Так, идентичными по содержанию диспозиции российской уголовно-правовой норме являются составы ст. 161 УК Кыргызской Республики и ст. 137 УК Республики Казахстан. Также близкими являются составы преступлений, предусмотренных ст. 174 УК Республики Таджикистан. В последнем указывается,

¹ Уголовное законодательство Норвегии / Науч. ред. А.В. Голика; пер. с норвеж. А.В. Жмени. – СПб., 2003.

что «невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанности по воспитанию несовершеннолетнего родителями или иным лицом, на которое по закону возложена эта обязанность, а равно педагогом или другим работником учебного или воспитательного учреждения, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним»¹. В ст. 163 УК Литовской Республики частично раскрыто понятие жестокого обращения. Под ним понимается физическое или психическое насилие над несовершеннолетним, оставление его надолго без присмотра или плохое лечение.

Ко второй группе относятся ч. 1 ст. 174 УК Латвийской Республики, ст. 176 УК Республики Беларусь, в которых объективной стороной преступления является только лишь жестокое обращение с несовершеннолетним. Законодатель этих стран не относит к преступлению неисполнение обязанностей по его воспитанию. Так, ч. 1 ст. 174 УК Латвии карает за «жестокое или насильственное обращение с несовершеннолетним, находящимся в материальной или иной зависимости от виновного, причинившего ему физические или психические страдания»². Санкция статьи предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до 3 лет или арест, или общественные работы, или штраф в размере 80 минимальных месячных заработанных плат и надзор на срок до 3 лет. Представленная уголовно-правовая норма имеет ряд особенностей по сравнению с российским законодательством. Во-первых, разграничены понятия жестокого и насильственного обращения, следовательно, к жестокому обращению не относится физическое и психическое насилие. Во-вторых, квалифицированным видом указанного преступления являются те же деяния, совершенные в отношении малолетнего (ч. 2 ст. 174). Наказание по ч. 2 ст. 174 более репрессивное и предусматривает лишение свободы сроком до 5 лет или арест, или общественные работы,

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан / Предисл. А.В. Федорова. – СПб., 2001.

² Уголовный кодекс Латвийской Республики / Науч. ред. и вступит, стат. А.И. Лукашова и Э.А. Саркисовой; пер. с латыш. И.А. Лукашова. – СПб., 2001.

или штраф в размере 100 минимальных месячных заработанных плат и надзор на срок до 3 лет.

В отличие от уголовных кодексов иных стран, таких как РФ, страны СНГ и Балтии, ст. 176 УК Республики Беларусь относит к субъекту преступления только опекунов и попечителей. Преступными являются использование их деятельности в корыстных целях либо жестокое обращение с подопечным, либо умышленное оставление его без надзора или необходимой помощи, повлекшее существенное ущемление прав и законных интересов подопечных¹. Наказание по данной статье предусматривает общественные работы, штраф, исправительные работы или ограничение свободы.

Таким образом, в изученных зарубежных уголовных кодексах предусматривается уголовная ответственность за жестокое обращение с несовершеннолетним. Уголовные кодексы Польши, Дании, а также Латвийской Республики и Республики Беларусь устанавливают уголовную ответственность только за жестокое обращение с несовершеннолетним. В УК Норвегии жестокое обращение является одним из способов неисполнения обязанностей по отношению к потерпевшему. Уголовные кодексы Швейцарии, Франции и ФРГ предусматривают уголовную ответственность либо за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, либо за жестокое обращение с ним.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой; пер. с франц. и предисл. Н.Е. Крыловой. – СПб., 2002.
2. Уголовный кодекс Дании / Науч. ред. и предисл. С.С. Беляева, пер. с датск. и англ. С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. – СПб., 2004.
3. Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред. А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова, вступит. статья А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой; пер. с польск. Д.А. Барилевич. – СПб., 2001.

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь. <http://www.tamby.info/kodeks/yk.htm>.

4. Уголовный кодекс Швейцарии / Науч. ред., предисл. и пер. с немец. А.В. Серебренниковой. – СПб., 2002.
5. Уголовное законодательство Норвегии / Науч. ред. А.В. Голика; пер. с норвеж. А.В. Жмени. – СПб., 2003.
6. Уголовный кодекс Республики Таджикистан / Предисл. А.В. Федорова. – СПб., 2001.
7. Уголовный кодекс Латвийской Республики / Науч. ред. и вступит, стат. А.И. Лукашова и Э.А. Саркисовой; пер. с латыш. И.А. Лукашова. – СПб., 2001.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь. <http://www.tamby.info/kodeks/yk.htm>.

Защита прав и свобод человека и гражданина:
современное состояние и перспективы развития
Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции

Ответственный составитель сборника *А.А. Ходусов*
Компьютерная верстка *Н.А. Кузнецова*

Подписано в печать 8.11.2018. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 11,1.

Издание размещается в открытом доступе:

- на платформе научной электронной библиотеки elibrary.ru, включается в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- на сайте Международного юридического института <http://lawacademy.ru>

В Российскую книжную палату представляется обязательный электронный экземпляр